

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»

На правах рукописи

Хуан Яньюй

Хуан Яньюй

**СЕМАНТИКА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПРЕДИКАТИВНЫХ
ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫХ ФОРМ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Специальность 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Научный руководитель:

доктор филологических наук, доцент

Мария Станиславовна Милованова

Москва – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3-16
ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ.....	17-154
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ СЕМАНТИКИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРЕДИКАТИВНО-ПАДЕЖНЫХ ФОРМ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО.....	17-70
1.1. Семантика состояния и способы её представления в русском языке.....	17-50
1.1.1. Семантика состояния в русской языковой картине мира.....	18-30
1.1.2. Способ грамматической категоризации семантики состояния: категория состояния как часть речи.....	30-51
1.1.2.1. Релевантные признаки категории состояния.....	31-39
1.1.2.2. Структура категории состояния: ядро категории и ее периферия.....	40-50
1.2. Русская падежная система как оппозиция именительный падеж – косвенные падежи: эмансипация предложно-падежных форм имени существительного.....	51-60
1.3. Явления переходности в области частей речи: проблемы функциональной омонимии.....	61-68
Выводы по главе 1.....	69-69
ГЛАВА 2. ТРАНСПОЗИЦИЯ ПРЕДИКАТИВНО-ПАДЕЖНЫХ ФОРМ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В КАТЕГОРИЮ СОСТОЯНИЯ.....	71
2.1. Условия, предпосылки и причины транспозиции предложно-падежных форм существительного....	72-90
2.1.1. Условия перехода предложно-падежных форм существительного в категорию состояния.....	72
2.1.2. Предпосылки перехода предложно-падежных форм существительного в категорию состояния....	79-84
2.1.3. Причины перехода предложно-падежных форм существительного в категорию состояния.....	84
2.2. Семантика и функционирование транспонированных актуальных единиц предикативно-падежных форм существительного.....	91
2.2.1. Анализ предикативно-падежных форм по семантическим разновидностям.....	91
2.2.2. Анализ лексических и грамматических трансформаций актуальных единиц предикативно падежных форм существительного.....	111
2.3. Критерии определения статуса предложно-падежной формы существительного.....	132
Выводы по главе 2.....	147
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	150
БИБЛИОГРАФИЯ.....	155
ПРИЛОЖЕНИЕ (СПИСОК ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ КЛАССОВ ПРЕДИКАТИВНЫХ ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫХ ФОРМ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО СО ЗНАЧЕНИЕМ СОСТОЯНИЯ ИЛИ ПОТЕНЦИАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ)	181

ВВЕДЕНИЕ

Лингвистические направления, в центре внимания которых – язык во взаимодействии с человеком и его духовной деятельностью, получают всё большее развитие в наши дни. В современном обществе человек активнее обращается к своему душевному миру, познание себя становится для него всё интереснее. Мысль о состоянии, или семантика состояния, как важный фрагмент русской языковой картины мира, актуализируется за счёт новых форм – предикативных предложно-падежных форм имени существительного.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что развивается бисубстантивная конструкция двусоставного предложения [Герасименко, 2012, 2018, 2022], частной разновидностью которой является модель ‘S (подлежащее со значением лица) + связка + предикативная предложно-падежная форма существительного’ [Милованова, 2018, 2022]. Её продуктивность подтверждается эмпирически: из более 50 тысяч извлеченных из Национального корпуса русского языка контекстов употребления предложно-падежных форм около 15 тысяч – примеры функционирования в качестве именного сказуемого в бисубстантивных предложениях. В этих синтаксических условиях (бисубстантивность) получает дальнейшее развитие мысль о состоянии / состоянии-оценке, чему способствует экстралингвистический фактор – стремление современного человека к самореализации, самовыражению и осмыслению себя в изменившемся мире.

В отличие от китайской грамматической традиции, не выделяющей особую

морфологическую категорию состояния [Сюй Юйвэй, 2021], семантика состояния настолько важна для русского мышечувствования, что оказалась категоризована, т. е. выделена в самостоятельную часть речи [Щерба, 1957, 1974 (1928)]. Категория состояния является дискуссионной грамматической категорией. Уже у Л.В. Щербы можно прочесть, что данная категория «не получила еще, а может и никогда не получит, общей марки» [Щерба, 1957, с. 76]. По мнению А.Б. Шапиро, этот класс слов в силу своей разнородности не может «претендовать на признание <...> самостоятельной частью речи», это непродуктивное явление русской грамматической системы [Шапиро, 1955, с. 53]. Ф. Травничек считает первостепенным отсутствие у слов категории состояния свойств, которые отличали бы их от существительных, прилагательных и наречий: «слова эти остаются именами существительными, прилагательными и наречиями» [Травничек, 1956, с. 48], а В.Н. Мигирин описывает их как разряд бессубъектных прилагательных [Мигирин, 1970, с. 152]. «Русская грамматика» также не выделяет слова категории состояния как особую морфологическую категорию [Шведова, 1980]. При всех сомнениях в её существовании, перспективная мысль Л.В. Щербы стала ведущей в современной грамматической мысли [Виноградов, 2001; Исаченко, 1955; Пospelов, 1955; Панфилов, 1961; Мигирин, 1970; Тихонов, 1960]. Кроме того, традиция рассматривать данную категорию в качестве самостоятельной вошла в практику школьного и вузовского преподавания [см.: «Современный русский язык. Морфология. (Курс лекций)» (1952) под ред. В.В. Виноградова, «Современный

русский язык. Морфология. Синтаксис» под ред. Е.М. Галкиной-Федорук (1964), «Современный русский язык» под ред. В.А. Белошапковой (1989); «Современный русский язык» под ред. Е.И. Дибровой (2008), «Современный русский язык» по ред. П.А. Леканта (2001 / 2021) и др.].

Семантика состояния оформляется в русском языке не только морфологической категорией, но и специализированной синтаксической формой. Н.Д. Арутюнова впервые выделила логико-синтаксические типы семантики простого предложения: номинация, бытийность, акциональность, характеристика [Арутюнова, 1976]. В.В. Бабайцева дополнила эту систему типом *состояние*: данная семантика «представлена как односоставными, так и двусоставными» конструкциями [Бабайцева, 2005, с. 333], при этом в двусоставных предложениях «специализированной формой выражения семантики состояния <...> является предложно-падежная словоформа, обозначающая разнообразные эмоции» [Бабайцева, 2005, с. 335].

Трансформация (переход языковой единицы из одной части речи в другую) – это продуктивный способ оформления частных значений семантики состояния. Наблюдается упрочение позиции существительного в роли сказуемого и рост предикативности имени существительного, что в совокупности сближает имена существительные и глаголы [Виноградов, 1975, 2001]: об этой тенденции в современном русском языке свидетельствует, например, возрастающая активность связочно-субстантивных (бисубстантивных) конструкций [Герасименко, 2012, 2018 и

др.] и полупредикативных субстантивных оборотов [Шаповалова, 2020].

Вместе с тем предикативный потенциал предложно-падежных форм имени существительного активно реализуется не только в диахронии, но и «на микродиахронном уровне» [Милованова, 2022, с. 173]. Каждая лексическая единица – исходная предложно-падежная форма имени существительного – проходит свой индивидуальный путь семантической эволюции и приобщения / приближения к классу слов категории состояния: так, *в восторге, в ужасе, в шоке* стабильно употребляются в речи в качестве категории состояния, в то время как словоформы *в шоколаде, в ажуре, в плюсе* находятся на этапе сближения с категорией состояния, поскольку в их семантической структуре появляется новая сема – сема состояния¹. Отдельные словоформы, возможность употребления которых ранее подвергалась сомнению (например, сочетание *X в грусти* – см.: [Матханова, 2001, с. 11; Цейтлин, 1976, с. 164]), в речевой практике современных носителей языка получают «права гражданства».

Критериями определения статуса предложно-падежных форм имени существительного являются: 1) валентность на номинатив со значением «лицо»; 2) метафоризация лексического значения (если изначально сема ‘состояние’ не включена в семантическую структуру слова); 3) обязательным элементом семантики состояния является оценочная сема, которая тем не менее не может превалировать (ср.: *я в плюсе, ты в минусе*); 4) наличие коррелятов с лексемой

¹ О формах существительных, «способных выражать значение состояния» [Степанчиков 2022 (а): 142], см.: [Степанчиков 2022 (а); (б)].

«состояние».

С опорой на разработанные критерии, мы определили степень сдвига в категориальном значении актуальных транспонированных предложно-падежных форм с помощью такого метода, как шкала переходности: звено *Аб* составляют словоформы, проявляющие потенциальную возможность переходить в категорию состояния (*в ажуре, в порядке, в норме, в форме, в шоколаде, в плюсе, в минусе* и др.), к промежуточному звену *АБ* принадлежат словоформы, характеризующиеся равновесием семантики состояния и оценки (*в моменте, в потоке, в ресурсе, на стиле, на волне, в тренде, на движении, на стиле, на позитиве, в теме, в курсе* и др.), периферийное звено *аБ* занимают словоформы, в которых преобладают признаки категории состояния (*в запаре (в запарке), в замоте, в трудах, в делах, в кураже, под куражом* и др.), в звено *Б* включены словоформы, имеющие дифференциальные признаки категории состояния (*в радости, в веселье, в тревоге, в беспокойстве, в грусти, в тоске, в печали, в голоде, в волнении, в восторге* и др.).

Степень разработанности темы исследования. В лингвистике XXI века вопрос о предикативном функционировании предложно-падежных форм существительного стал весьма актуальным. Функционирующие в предикативной позиции и демонстрирующие активное сближение с категорией состояния данные единицы ранее фиксировались в отдельных исследованиях [Кан, 1962; Рословец, 1964; Берестова, 2003; Калинин, 2003; Пряников, 2012, Сирота 1990 и др.]. Наиболее глубокое и последовательное освещение этой проблемы находим в работах

Н.А. Герасименко [1999, 2011, 2012, 2017, 2018, 2022а, 2022б и др.]. Вместе с тем идет стремительное пополнение словаря новыми единицами с семантикой состояния – они требуют осмысления с позиции нюансов семантики, функционирования и грамматической принадлежности.

Гипотеза исследования заключается в следующем: в современном русском языке актуализируются предикативных предложно-падежных формы существительного. Выражая актуальные мысли о состоянии / состоянии-оценке, они в разной степени сближаются с категорией состояния.

Цель исследования – описание семантики и функционирования предикативных предложно-падежных форм существительного с точки зрения их семантического потенциала и способности переходить в категорию состояния.

В соответствии с поставленной целью и сформулированной гипотезой в исследовании решаются следующие **задачи**:

- 1) рассмотреть границы и объём понятия *состояние*;
- 2) выявить историю развития грамматической мысли в представлениях о категории состояния;
- 3) изучить семантический потенциал предложно-падежных форм имени существительного;
- 4) выявить условия и предпосылки их перехода в категорию состояния;
- 5) определить и классифицировать типы семантических разновидностей предикативных предложно-падежных форм существительного

с потенциальной возможностью перехода в категорию состояния;

- б) проанализировать индивидуальную семантику и специфику функционирования предикативных предложно-падежных форм и их предрасположенность к лексической и грамматической трансформации в диахронии и – прежде всего – на уровне микродиахронии;
- 7) определить степень отдаления языковых единиц от класса существительных / приближения к категории состояния.

Объект диссертационного исследования составляют предикативные предложно-падежные формы существительного, способные к выражению мысли о состоянии, в разной степени сближающиеся с категорией состояния.

Предметом диссертационного исследования является семантика и функционирование предикативных предложно-падежных форм существительного, расположенных на шкале переходности *имя существительное – категория состояния*.

Материалом исследования послужили языковые единицы – предложно-падежные формы существительного, обладающие потенциалом переходить в категорию состояния. Авторская картотека включает 249 словоформ и более 50 тысяч примеров, из которых проанализированы около 15 тысяч примеров функционирования в качестве сказуемого. Источниками языковых материалов являются данные Национального корпуса русского языка, словари, интернет-ресурсы, в частности социальные сети, а также собственные записи устной разговорной речи

и примеры из разных источников, собранные вручную.

Основными **методами**, используемыми в данной работе, являются: метод наблюдения и обобщения; метод структурно-семантического анализа при изучении особенностей семантики и функционирования предложно-падежных форм в контекстах; элементы статистического анализа в диахронии и микродиахронии для выявления лексических и грамматических трансформаций языковых единиц; методика психолингвистического анализа; скалярный метод (шкала переходности «имя существительное – категория состояния») для демонстрации изменения категориальных значений словоформ.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что его результаты вносят определённый вклад в изучение актуальных транспонированных предикативных предложно-падежных форм существительного; выявлены современные условия, предпосылки и причины перехода предложно-падежных форм существительного в категорию состояния; выявлены критерии определения статуса предложно-падежных форм существительного.

Практическая значимость работы определяется возможностью использования результатов исследования в разработке курса морфологии и синтаксиса современного русского языка; в практике преподавания русского языка на филологических факультетах российских вузов: знакомство студентов с многообразием способов выражения состояния и оттенками данной семантики способствует формированию навыков лингвистического анализа и –

в коммуникативной практике – адекватному выбору той или иной конструкции для более точной передачи актуальной мысли о состоянии.

Теоретическую основу диссертационного исследования составляют:

1) труды по исследованию категории состояния – классические работы: В.В. Виноградова, А.Х. Востокова, Е.М. Галкиной-Федорук, А.В. Исаченко, Л.В. Щербы; известные исследования П.А. Леканта, В.Н. Мигирина, В.М. Панфилова, А.М. Пешковского, Н.С. Поспелова, А.Б. Шапиро; современные исследования Г.О. Мкртычовой, Е.В. Сироты, О.В. Тюкинеевой, А.В. Циммерлинга и др.

2) труды по семантике состояния и семантике оценки: В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, В.В. Бабайцева, А.В. Бондарко, Т.В. Булыгина, Е.М. Вольф, Анна А. Зализняк, Г.А. Золотова, Е.В. Падучева, О.Н. Селиверстова, В.И. Шаховский, А. Вежбицкая, А.А. Камалова, И.П. Матханова, С.Н. Цейтлин, А.Д. Шмелев и др.;

3) труды по семантике падежных форм: классические исследования: В.В. Виноградов, П.А. Лекант, А.М. Пешковский, З.Д. Попова, А.А. Потеня, Р. Якобсон, В.И. Собинникова, Ф.П. Филин, А.А. Шахматов; современные исследования А.А. Калинина, Л.С. Крючковой, Н.Б. Мечковской, И.П. Пряникова, Е.С. Шереметьевой и др.;

4) труды по теории переходности: О.С. Ахманова, А.Я. Баудер, А.В. Бондарко, Р.А. Будагов, В.В. Виноградов, В.Н. Мигирин, Чжоу Хайянь, В.В. Шигуров, наконец

– работы В.В. Бабайцевой, создавшей общелингвистическую теорию синхронной переходности.

Научная новизна результатов исследования заключается в том, что в диссертационной работе уточнены причины, условия, предпосылки, перехода предложно-падежных форм существительного в категорию состояния; разработаны критерии определения статуса предложно-падежных форм; предложен вариант изучения конкретных словоформ с точки зрения степени их отдаления от класса существительных и сближения с категорией состояния (степень предикативации).

Научные положения, выносимые на защиту:

1. Категория состояния не ограничивается безличным употреблением: личные конструкции активно пополняют фонд категории состояния, будучи продуктивным способ оформления данной семантики. В современном русском языке оказывается востребован предикативный потенциал предложно-падежных форм имени существительного со значением качественного состояния и модально-оценочным значением, как следствие – возникает особый переходный разряд субстантивных форм, близких к категории состояния.

2. Условия перехода предложно-падежных форм существительного в категорию состояния заложены в возможности словоформы «изолироваться» от общей системы склонения: они обнаруживают способность употребляться со связкой в предикативной позиции в бисубстантивных конструкциях, фактически уподобляясь устойчивому обороту. Лексические предпосылки перехода словоформ заключаются

в наличии семы состояния и оценочной (или потенциально-оценочной) семы. Продуктивности предикативных предложно-падежных форм существительного для оформления состояния способствует возрастающая потребность современного человека к самореализации и самовыражению.

3. Каждая лексическая единица – форма косвенного падежа исходного имени существительного – проходит свой индивидуальный путь семантической эволюции и приобщения к классу слов категории состояния: словоформы *в восторге, в ужасе, в шоке* стабильно употребляются в речи в качестве категории состояния, употребление словоформ (*быть*) *в шоколаде, в плюсе* в статусе категории состояния актуализируется в последние годы (с начала XXI века: последние 20-10-5 лет). Наметилось сближение таких единиц, как *на волне, в моменте, в ресурсе* и др., с классом слов категории состояния. В современной русской речи увеличивается степень активности отдельных единиц (*Я в грусти*), употребление которых в предикативной функции не признавалось возможным (**Я в грусти*).

4. Критериями определения статуса предложно-падежных форм существительного являются: 1) закреплённость в предикативной позиции с референциальной связью с понятием *человек / лицо* («модель ‘S (подлежащее со значением лица) + связка + предикативная предложно-падежная форма’»); 2) метафоризация лексического значения (если изначально сема ‘состояние’ не включена в семантическую структуру слова); 3) обязательным элементом семантики состояния является оценочная сема, которая не является превалирующей (ср.: я

в плюсе, ты в минусе); 4) наличие коррелятов с лексемой «состояние».

5. В русском языке сформировались две специализированные синтаксические модели, оформляющие мысль о состоянии: *односоставное предложение*, в частности – дативно-предикативная структура (ДПС), и *двусоставное предложение* в варианте номинативно-предикативной структуры (НПС), продуктивные и дополняющие друг друга в выражении мысли о *новом* состоянии.

6. Актуальные транспонированные предложно-падежные формы существительного занимают разные звенья шкалы переходности «*существительное – категория состояния*»: звено **Аб** составляют словоформы, проявляющие потенциальную возможность переходить в категорию состояния (*в ажуре, в порядке, в норме, в форме, в шоколаде, в плюсе, в минусе* и др.), к звену **АБ** принадлежат словоформы, характеризующиеся равновесием семантики состояния и оценки (*в моменте, в потоке, в ресурсе, в тренде, на движении, на стиле, на волне, на позитиве, в теме, в курсе* и др.), звено **аБ** занимают словоформы, в которых преобладают признаки категории состояния (*в запаре / в запарке, в замоте, в трудах, в делах, в кураже / под куражом* и др.), в звено **Б** включены словоформы, имеющие все дифференциальные признаки категории состояния (*в радости, в веселье, в тревоге, в беспокойстве, в грусти, в тоске, в печали, в голоде, в волнении, в восторге* и др.).

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации были представлены в 8 публикациях по теме исследования, три из которых входят

в список ВАК РФ, в научном докладе на аспирантском объединении в Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина (Москва, 2020), а также на следующих научных конференциях: «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XXI Кирилло-Мефодиевские чтения» (Москва, 2020); IV Международная студенческая научно-практическая конференция «В мире русского языка и русской культуры» (Москва, 2020); Международная научная конференция «Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности» (Москва, 2020); X Международная научно-практическая конференция «Гуманитарные технологии в современном мире» (Калининград, 2022); XXIII Международная научно-практическая конференция «Кирилло-Мефодиевские чтения» (Москва, 2022).

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы и приложения.

Во введении обосновываются актуальность, новизна, теоретическая и практическая значимость проведенного исследования, определяются её объект, предмет, цели и задачи, выделяются методы и перечисляются формы апробации результатов исследования, описывается структура диссертации.

В первой главе «Теоретические основы изучения семантики и функционирования предикативных предложно-падежных форм существительного» рассматривается состояние как особый семантический феномен в русском мировосприятии, описываются этапы развития категории состояния и истории грамматической мысли в представлениях о категории состояния,

анализируется специфика семантики предложно-падежных форм, изучаются процессы переходности и явление предикативации.

Во второй главе «Транспозиция предикативных предложно-падежных форм имени существительного в категорию состояния» выявлены условия, предпосылки и причины перехода предложно-падежных форм существительного в категорию состояния, проанализированы семантические и синтаксические признаки предикативных предложно-падежных форм существительного, занимающих положение в звеньях *А, Б, Аб, АБ, аБ* шкалы переходности «имя существительное – категория состояния», а также определены тенденции развития лексических и грамматических значений относительно новых и актуальных словоформ с точки зрения понятия *микродиахрония / микродиахронный срез*.

В заключении подводятся итоги, представлены основные выводы исследования, намечаются перспективы изучения данной темы.

В приложении представлен список лексико-семантических классов предикативных предложно-падежных форм существительного со значением состояния (или потенциального состояния).

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ СЕМАНТИКИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРЕДИКАТИВНЫХ ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫХ ФОРМ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО

1.1. Семантика состояния и способы её представления в русском языке

В лингвистических работах, посвященных связи языка с внеязыковой действительностью, язык изучается как когнитивный механизм, как инструмент кодирования информации, как связующее звено между человеком и действительностью [Мещанинов, 1948; Колшанский, 1990; Арутюнова, 1999; Гумбольдт, 2000; Кацнельсон, 2001; Степанов, 2004; Апресян, 2006; Падучева, 2019]. В последние годы всё большее развитие получают лингвистические направления, в центре внимания которых находятся исследования языка в связи с человеком и его деятельностью. В языке находят отражение содержание человеческого мышления и способ языковой концептуализации мира [Булыгина, Шмелев, 1997].

По словам профессора Г.В. Колшанского, «язык есть продукт мыслительной деятельности человека и одновременно форма этой деятельности, а основой его существования является адекватность мыслительного языкового процесса отражаемому миру» [Колшанский, 1990, с. 5]. Связь между языком и мышлением проявляется в невозможности существования одного без другого, при этом «связи

эти настолько гибки и подвижны, что допускают различие стилей и способов выражения» [Кацнельсон, 2001, с. 32].

Язык является средством и формой выражения народного духа: о каком бы предмете ни шла речь, всегда можно привести его в связь с человеком, а именно со всей его интеллектуальной и нравственной организацией в совокупности [Гумбольдт, 2000]. Эти взаимоотношения прослеживаются и в языковой картине мира, в которой «особый способ мировидения проявляется в национально специфичном наборе ключевых идей – своего рода семантических лейтмотивов, каждый из которых выражается многими языковыми средствами самой разной природы – морфологическими, словообразовательными, синтаксическими, лексическими и даже просодическими» [Апресян, 2006, с. 35].

1.1.1. Семантика состояния в русской языковой картине мира

Как отмечает Ю.Д. Апресян, «в языковой картине мира понимание, как и мышление в целом, тесно смыкается с другими системами, из которых складывается человек, – с физическим восприятием, физиологическими состояниями и более всего с эмоциями» [Апресян, 2006, с. 28]. Мысль о состоянии, или семантика состояния, как смысловая основа многих специфических русских понятий-концептов, является важным фрагментом русской языковой картины мира и заслуживает особого исследовательского внимания.

Для того чтобы изучить содержание семантики состояния в русской языковой

картине мира необходимо выявить границы и объём понятия *состояние*, которое изучается в философском, психологическом и лингвистическом аспектах.

Мысль о состоянии как об одной из основных **философских категорий** впервые возникает у Аристотеля [Аристотель, 1976, 1978]. Аристотель отмечает зависимость души и психических состояний и процессов от телесных. В своем трактате «О душе» он говорит, что «состояния души неотделимы от природной материи живых существ, все состояния души – *гнев, кротость, страх, сострадание, отвага*, а также *радость, любовь и ненависть* – находятся в связи с *телом*, потому что с появлением их в душе и тело подвергается изменению» [Аристотель, 1976, с. 58].

Аристотель приравнивает состояние к *преходящим* свойствам: «Устойчивое свойство отличается от преходящего тем, что оно продолжительнее и прочнее, преходящими свойствами или состояниями называются такие качества, которые легко поддаются колебаниям и быстро изменяются, каковы, например, *тепло и холод, болезнь и здоровье* и все тому подобные» [Аристотель, 1978, с. 72-73]. Философ подчеркивает: «Состояние является особым видом качества, и свойство, и состояние – виды качества, возникновению которых предшествует данная от природы, еще не составляющая качества физическая возможность, или способность» [Аристотель, 1976, с. 48].

Вслед за Аристотелем, Платон отметил *динамичность* состояния. В его понимании это поступательный процесс, сформированный последовательностью ряда промежуточных состояний, которая, в свою очередь, может быть выражена

в понятии *становления*. По Платону, это «*движение к бытию, причастность к бытию, поступательный шаг к тому, чтобы быть*» [Платон, 1986, с. 427]. В своей работе Платон дает определения целому ряду ключевых понятий, связанных с представлениями о разных состояниях, например: «*добродетель* – наилучшее состояние [души], свойство смертного существа, достойное хвалы само по себе; состояние, заставляющее крайне серьезно говорить о предмете беседы; состояние, направленное на благочиние»; «*свобода от страха* – состояние, позволяющее не бояться»; «*бесстрастие* – состояние неподвластности волнениям»; «*пренебрежение к философии* – состояние человека, ненавидящего рассуждения»; «*страх* – душевное потрясение, вызванное ожиданием беды»; «*нев* – резкая вспышка без рассуждения (*logismos*), возмущение порядка неразумной (*alogistos*) души»; «*потрясение* – страх из-за ожидания беды»; «*злоба* – побуждение страстной части души к мести»; «*стыд* – страх перед ожидаемым бесчестьем»; «*честолюбие* – душевное состояние расточительности, ведущей ко всевозможным неразумным расходам»; «*неистовство* – состояние, губительное для здравого восприятия» [Платон, 1986, с. 427-437].

Состояние выступает как отдельно взятый момент существования объектов, которые можно качественно описать. Именно этому понятию и его диалектически противоречивой, амбивалентной природе уделяется значительное внимание в немецкой классической философии. Наиболее существенно этот вопрос разработан И. Кантом, который под состоянием понимал конкретные формы проявления бытия субстанции (и объектов): *покой* и *изменение*, *равновесие* и *движение* и т. д. И. Кант

различает понятия *внутреннее чувство* и *внешнее чувство* и излагает его понимание этих понятий следующим образом: «Посредством внешнего чувства (свойства нашей души) мы представляем себе предметы как находящиеся вне нас, и притом всегда в пространстве... Внутреннее чувство, посредством которого душа созерцает самое себя или своё внутреннее состояние, есть определённая форма, так что всё, что принадлежит к внутренним определениям, представляется во временных отношениях» [Кант, 1964, с. 132]. Как полагал Кант, *изменение* является постоянным способом существования предмета, «именно это постоянное делает возможным представление о переходе из одного состояния в другое и от небытия к бытию» [Кант, 1964, с. 257].

В философской традиции исследование *состояния* тесно связано с такими понятиями, как *душа*, *чувство*, *эмоции*. В ходе развития психологии как науки также сформировались определенные представления о *состоянии*, что позволяет назвать *состояние* одной из важнейших **психологических категорий**.

Согласно словарной дефиниции, «*состояние* человека может быть *внутренне* и *внешне наблюдаемым*», где первое – это «зафиксированное сознанием субъекта на определённый момент времени интегральное ощущение благополучия (неблагополучия), комфорта (дискомфорта) человека в тех или иных подсистемах организма или всего организма в целом», в то время как для второго определяющим фактором являются «внешне читаемые признаки» [Психология, 1990, с. 372]. Основная задача *состояния* – способствовать адаптации человека к окружающей

среде и разного рода ситуациям.

Нередко психологи употребляют термин *состояние* с целью обозначить состояние психическое – особую психологической категории, объединяющую большую группу жизненных явлений [Левитов, 1964, с. 5]. Определение психического состояния формулируется Н.Д. Левитовым следующим образом: «Это целостная характеристика психической деятельности за определённый период времени, показывающая своеобразие протекания психических процессов в зависимости от отражаемых предметов и явлений действительности» [Левитов, 1964, с. 20].

Вслед за Н.Д. Левитовым, современный психолог Л.В. Куликов отметил многомерность психических состояний. В его работе перечислены следующие параметры состояния, подчеркивающие это качество: «*эмоциональные* (эти характеристики иногда называют модальностными, понимая под модальностью качественное своеобразие: *тревога, наслаждение, созерцание...*); *активационные* (отражающие интенсивность психических процессов); *тонические* (отражающие тонус, ресурс сил индивида); *тензионные* (отражающие степень напряжения); *временные* (отражающие продолжительность, устойчивость состояний); *полярность состояний*, другими словами, *знак описываемого состояния* (благоприятное, положительное или неблагоприятное, отрицательное)» [Куликов, 2001, с. 11]. По мнению Л.В. Куликова, *состояние* касается не только психического процесса, происходящего в организме субъекта, но и субъективного отношения к окружающей

среде – оценки действительности: «Изменение психического состояния непосредственно проявляется в процессе деятельности в виде смены субъективного отношения к отражаемой ситуации» [Куликов, 2001, с. 11]. Именно поэтому, *полярность состояний*, или *знак состояния* – положительное (+) или отрицательное (-) является одной из основных характеристик состояния как психического явления.

А.О. Прохоров распределяет виды психического состояния по энергетической шкале, опираясь на шкалу уровней психической активности В.А. Ганзена [Ганзен, 2000]. А.О. Прохоров выделяет три уровня психической активности с соответствующими им состояниями: (1) повышенный, к которому относятся *счастье, восторг, экстаз, тревога, страх* и т. д.; (2) средний (или оптимальный), включающий *спокойствие, симпатию, готовность, заинтересованность* и т. д.; (3) пониженный, где можно увидеть *грезы, грусть, утомление, рассеянность, кризисное состояние* и т. д. [Прохоров, 2000, с. 9-24].

Различные интерпретации *состояния*, предложенные философами и психологами, определяют специфику понимания *состояния* с лингвистической точки зрения. На каждом витке развития лингвистики исследователи вновь и вновь обращаются к этому особому семантическому феномену. А потому наряду с понятием «состояние» используются термины «статальность», «статика», «статичность», «статив», «стативность» и некоторые другие [Матханова, 2002], иногда употребляясь как синонимы. Границы и объём содержания состояния как семантической категории в русском языке можно определить следующим образом:

состояние – это абстрактное понятие, характеризующееся относительной статичностью и потенциальной возможностью к переменам: в течение определённого времени предмет сохраняет данное состояние, после чего оно может сменяться другим.

В лингвистике *состояние* рассматривается как общая семантика, объединяющая разряд лексем. Это особая лексическая группа, выражающая и описывающая *состояние*, – эмотивная лексика. Эмотивность как лингвистическая категория является имманентным свойством языка выражать психические (эмоциональные) состояния и переживания человека через особые единицы языка и речи – эмотивы [Шаховский, 1984, 1987].

Л.Г. Бабенко в своих работах установила основной принцип классификации эмотивной лексики, а именно: «сочетание категориально-лексической семы эмотивности и категориально-грамматической семы» [Бабенко, 1989, с. 31]. Исследователь распределяет эмотивную лексику следующим образом. Выделяется обширная группа *эмотивов-номинативов*, которая, в свою очередь, включает *базовые* и *дополнительные* единицы. К первым относятся первичные изосемические предикаты эмоций типа *грустить*, они изначально обладают категориально-эмотивной лексической семантикой; вторичные неизосемические предикаты типа *каменеть* (перен.) – категориально-эмотивная семантика для них является производной; эксплицитные включённые предикаты эмоций типа *грустный*, *грустно* – с исходной категориально-эмотивной семантикой; эксплицитные включённые

предикаты эмоций типа *казнь* (перен.) – с производной категориально-эмотивной семантикой. Ко вторым – имплицитные включённые предикаты эмоций с дифференциально-эмотивной лексической семантикой типа *глупыми, засмотреться / засматриваться*. Наконец, выделяются эмотивы-экспрессивы: это собственно эмотивы-экспрессивы с исходной эмотивной семантикой (междометия) типа *ах, эх*, а также эмотивы-коннотативы типа *пужон* (неодобр.), *лизаться* (пренебр.) [см.: Бабенко, 1989, с. 88].

Первые опыты описания эмоциональной лексики в лексикографической практике позволили Ю.Д. Апресяну обозначить два основных подхода к описанию эмоций – смысловой и метафорический [Апресян, 1993]. Смысловой подход развивала А. Вежбицкая, описывая эмоции через прототипические ситуации, в которых они зарождаются [Вежбицкая, 1996]. Так, исследователь, опираясь на англоязычный материал, разграничивает понятия *эмоции* и *чувства*, различие которых находит отражение на языковых уровнях: эмоции представлены фразами с глаголом-связкой *be / быть*: *She was happy / sad / angry / irritated* (букв. *Она была счастлива / печальна / гневна / раздражена*), чувства выражены с помощью *feel / чувствовать*: *She felt happy / sad / angry / joy / anxiety / irritation* (букв. *Она чувствовала счастье / печаль / гнев / радость / волнение / раздражение*). Главное различие между двумя типами предложений заключается в том, что «предложения первого типа приписывают мысль экспериенцеру, а в предложениях с *feel* (*чувствовать*) мысль выступает лишь как часть прототипов» [Вежбицкая, 1996,

с. 342]. Ещё одно возможное различие, как отмечает А. Вежбицкая, – это роль разнообразных «физиологических факторов» в ситуации проявления эмоций (*изменение кровяного давления, температуры тела, сокращение мышцы* и т. п.). Такие явления более характерны для предложений типа «*X was afraid*» (*X боялся*), чем для соответствующих предложений с «*feel*» / «*чувствовать*»: «*X felt afraid*», «*X felt angry*» [Вежбицкая, 1996, с. 343]. Таким образом, предложения со связкой *быть* больше подходят для выражения состояния, чем предложения с глаголом-связкой *чувствовать*.

Метафорический подход подразумевает описание эмоций через метафоры – именно так они концептуализуются в языке: «Языковые средства выражения эмоций в высшей степени метафоричны, эмоции всегда уподобляются чему-то» [Апресян, 1993, с. 29]. К примеру, «в английском языке эмоции *счастье (happy)* и *грусть (sad)* метафорически противопоставлены как *верх* и *низ*. Этой метафоре даётся, с одной стороны, физическая мотивировка – человек поднимает голову, когда радуется, и опускает, когда грустит, с другой стороны, предлагается языковая мотивировка: данная метафора является частным случаем метафоры вида *хорошее – верх, плохое – низ*» [Там же]. Преимущество такого подхода в том, что «он даёт возможность отразить внутреннюю семантическую компаративность слов, обозначающих эмоции, и ввести в описание, помимо самих этих слов, большие группы связанных с ними метафорических выражений» [Там же].

Учитывая тот факт, что состояние приписывается к особой группе лексем,

в современной лингвистике развивается мысль о том, что семантика состояния является системой общности, средства оформления которой представлены разными языковыми уровнями. Семантика состояния как система общности представлена в теории функциональной грамматики, которая была разработана Санкт-Петербургской (Ленинградской) школой под руководством А.В. Бондарко. Теория функционально-семантических полей (ФСП) и категориальных ситуаций (КС), представленная А.В. Бондарко, позволяет наиболее полно и адекватно охарактеризовать специфику семантики состояния.

А.В. Бондарко вводит термин *статальность*, с помощью которого обозначается семантическая категория, образующая самостоятельное функционально-семантическое поле, связанное с аспектуальностью. «В определённых формах и конструкциях, входящих в поле *статальности*, преобладает интерпретационный аспект, в других – значение состояния является производным от лексической семантики» [Бондарко, 1984, с. 69]. В функционально-семантическом поле *статальности*, как единой многоуровневой системе, компонент статальной семантики представлен с разной степенью актуализированности и специализированности: в нём выделяются ядерные средства, в которых комплекс дифференциальных семантических признаков состояния проявляется во всей полноте, и периферийные, которые обладают частичными дифференциальными семантическими признаками состояния [Бондарко, 1984].

В понимании А.В. Бондарко, категориальная ситуация – это «выражаемая

различными средствами высказывания типовая содержательная структура, базирующаяся на определенной семантической категории и образуемом ею ФСП, представляющая собой один из аспектов общей ситуации, передаваемой высказыванием, одну из его категориальных характеристик» [Бондарко, 1987, с. 12].

В этом смысле семантика состояния представлена как категориальная ситуация, создавая всеми компонентами высказывания, а не только семантикой предиката.

Семантика состояния оформляется специализированной синтаксической формой. Н.Д. Арутюнова впервые выделила логико-синтаксические типы семантики простого предложения: номинация, бытийность, акциональность, характеристика [Арутюнова, 1976]. В.В. Бабайцева дополнила эту систему типом *состояние*, указав особые средства, служащие для его реализации: «...для выражения данной семантики в языке сформировались особый лексико-морфологический разряд безличных глаголов (в системе глагола) и особая часть речи – *имя состояние* (категория состояния, безлично-предикативные слова, предикативные наречия)» [Бабайцева, 2005, с. 334]. Как подчеркнула В.В. Бабайцева, семантика состояния «представлена как односоставными, так и двусоставными» конструкциями [Бабайцева, 2005, с. 333], при этом в двусоставных предложениях «специализированной формой выражения семантики состояния <...> является *предложно-надежная словоформа*, обозначающая разнообразные эмоции» [Бабайцева, 2005, с. 335].

Различные типа денотативных ситуаций позволяют говорить о различных

семантических типах предикатов – *состоянии, действии и свойстве*. Как отмечает О.Н. Селиверстова, в отличие от действия и свойства, состояние, ориентированное на *страдательный* субъект состояния, непосредственно лежит на временной оси [Селиверстова, 1982, с. 121-124]. Различение динамичности-статичности (в духе З. Вендлера и Т.В. Булыгиной) релевантно для семантической типологии (в иных терминах – онтологии) предикатов в целом.

Интерпретация понятия *состояния* в работах разных лингвистов неодинакова. Так, И.П. Матханова рассматривает такие онтологические типы состояния: «психологическое и физиологическое состояния человека, состояние природы и окружающей среды, физическое состояние предмета, состояние покоя и т. д.» [Матханова, 2001, с. 5]. Анна А. Зализняк использует термин «предикаты внутреннего состояния» и выделяет три подкласса: «предикаты эмоционального состояния (*рад, огорчен, удивлен; страшно, весело; сердить, раздражать, смущать* и т. п.); предикаты эмоционального отношения (*бояться, любить, презирать, доверять* и т. д.); и ментального состояния: *знать, полагать, надеяться, подозревать, сожалеть* и т. д.» [Зализняк, 1992, с. 31].

Развивая мысли Анны А. Зализняк, А.В. Циммерлинг делит все предикаты состояния на внутренние, связанные с одушевленным семантическим субъектом (*мне грустно; он был навеселе*), и внешние, не предполагающие его наличия (*Было пасмурно, Он был в городе*) [Циммерлинг, 2017, 2018; Сюй Юйвэй, 2021]. Если считать, что внутренние – психологическое и физиологическое состояния лица – и

внешние – состояние природы и окружающей среды составляют традиционный центр анализируемой семантики, то социальное состояние и состояние, связанное с употреблением наркотиков или игроманией, становятся её новым семантическим центром [Герасименко, 2012, с. 233-238; Герасименко, 2018, с. 41].

Таким образом, мы рассмотрели гипотезы о *состоянии*, выдвинутые философами и психологами, которые позволяют определить границы и объём понятия *состояния* в русском языке. Мы понимаем под состоянием *положение дел, характеризующееся относительной статичностью на определённом отрезке времени и способное подвергаться изменениям при определённых условиях*. Семантика состояния крайне важна для русской языковой картины мира, и потому она связана не только с группой лексем, но и с грамматической категоризацией.

1.1.2. Способ грамматической категоризации семантики состояния: категория состояния как часть речи

Мысль о состоянии имеет большое значение для русского мировосприятия. В русской лингвистической традиции изучение семантики состояния связано с проблемой грамматической категоризации – выделением и характеристикой частей речи: она рассматривается как значение особой части речи – категории состояния, исследованию которой посвящена серия авторитетных исследований [Виноградов, 2001; Исаченко, 1955; Матханова, 2001; Мигирин, 2018; Панфилов, 1961; Поспелов, 1955; Тихонов, 1960; Травничек, 1956; Щерба, 1957 и др.]. Вместе с тем, начиная

с работы Л.В. Щербы, в которой были обозначены границы новой части речи [Щерба, 1957], исследователи отмечают «неоднородность самого объекта изучения» [Циммерлинг, 1998, с. 36].

1.1.2.1. Релевантные признаки категории состояния

Группа слов, которую называют «категорией состояния» [Виноградов, 2001; Мещанинов, 1945; Поспелов, 1955; Щерба, 1957], «безлично-предикативными словами» [Галкина-Федорук, 2012; Пешковский, 2001], «предикативами» [Исаченко, 1955; Лекант, 2011], вызывает интерес лингвистов уже более сотни лет, однако и сегодня в русистике нет единого понимания. Некоторые учёные, например Л.В. Щерба, В.В. Виноградов, Н.С. Поспелов, Е.М. Галкина-Федорук, считают её самостоятельной частью речи; другие, например как А.Б. Шапиро, Ф. Травничек, В.Н. Мигирин выступают против этого положения.

А.Б. Шапиро полагает, что категорию состояния нельзя выделять в особую часть речи из-за её разнородности, в его понимании это непродуктивное явление русской грамматической системы [Шапиро, 1955, с. 53]. По словам Ф. Травничка, «слова эти остаются именами существительными, прилагательными и наречиями»: свойств, которые бы отличали их от названных классов слов, у них просто нет [Травничек, 1956, с. 48]. В.Н. Мигирин в своей работе пытается доказать, что те формы, которые выступают в качестве предиката односоставного предложения, омонимичные

кратким прилагательным и наречиям на *-о*, *-е* вроде *легко*, *тяжело*, *весело*, *далеко*, *тихо*, представляют собой не особую часть речи, а новое образование в парадигме имени прилагательного – разряд бессубъектных прилагательных [Мигирин, 1970, с. 152].

Разряд слов, «промежуточных между именами и глаголами и выражающих главным образом состояние» [Виноградов, 2001, с. 330], последовательно выделяется в русских грамматиках с первой трети 19 столетия. Исследование категории состояния изначально было неотрывно от рассмотрения кратких форм имён прилагательных. Грамматист А.Х. Востоков отметил оттенок глагольности (или предикативности) этого разряда слов, что позволяло отнести их к категории глагола. Он включает в группу безличных глаголов слова, «состоящие из причастий страдательных или из прилагательных среднего рода, например, *велено*, *сказано*, *можно*, *должно*, *весело*, *скучно*, и отдельные существительные: *лѣзя*, *жалѣ*, *лень*» [Востоков, 1831, с. 205].

Подобное определение кратких имён прилагательных как спрягаемых форм было отвергнуто большинством русских грамматистов первой половины XIX века: они делали акцент на историко-генетическом родстве кратких форм имён прилагательных с существительными (см. работы К.С. Аксанова и Г.П. Павского). Лишь Н.П. Некрасов стал решительным последователем идеи А.Х. Востокова, доказывая в своей работе, что «прилагательное имя, через краткую форму с окончанием среднего рода или с безразличным окончанием, может принимать

значение глагола» [Некрасов, 1865, с. 248].

Мысль о категории состояния как о самостоятельной части речи была впервые сформулирована в работе Л.В. Щербы «О частях речи в русском языке», в которой исследователь предлагает считать формальными признаками данного класса слов «неизменяемость, с одной стороны, и употребление со связкой – с другой: первым она отличалась бы от прилагательных и глаголов, а вторым – от наречий» [Щерба, 1957, с. 75]. Эта идея возникает у Л.В. Щербы из-за затруднения подведения ряда слов, «таких как *нельзя, можно, надо, пора, жаль* и т.д., под какую-либо категорию, такие слова не подводятся под категорию наречий, потому что они не относятся ни к глаголу, ни к прилагательному, ни к другому наречию» [Щерба, 1957, с. 74]. Эти слова составляют одну группу с такими формами, как *холодно, светло, весело* и т. д., которые так же нельзя считать наречиями: они не примыкают к глаголам, а употребляются со связкой, они не приписывают какого-либо признака другим языковым единицам – другими словами, они употребляются как безличная форма.

Вслед за Л.В. Щербой В.В. Виноградов выступает за особый статус таких слов, тоже называя их категорией состояния, и приводит их основные грамматические признаки: «Употребление или исключительно, или преимущественно в функции сказуемого и неизменяемость по падежам – при близости к именам прилагательным и существительным, от наречий отличаются значением времени, отношением к лицу или оттенками безличности, а главное, тем, что эти слова не обозначают признака качества и действия» [Виноградов, 2001, с. 330].

Опираясь на важный признак – синтаксический, А.В. Исаченко использует термин «предикатив» и исследует предикатив в диахроническом аспекте: его работа посвящена истории возникновения предикатива в древнерусском языке и изучению сложившихся в историческом развитии морфологических, синтаксических и семантических признаков этого разряда слов в сопоставлении с фактами некоторых других индоевропейских языков. А.В. Исаченко, как и В.В. Виноградов, охарактеризовал позицию сказуемого как важнейший признак предикатива. Относящиеся к предикативам языковые факты – это слова, «могущие выступать исключительно в функции сказуемого» [Исаченко, 1955, с. 64].

Опираясь на предлагаемые учеными признаки слов категории состояния, можно выделить устойчивый признак данного класса слов – употребление словоформы, выражающей состояние, в функции сказуемого при наличии связки.

Процесс семантико-грамматического развития глагола *быть* имеет ключевое значение в вопросе возникновения категории состояния как особой части речи. Трансформация глагола *быть* в связку объясняется В.В. Виноградовым следующим образом: «Термины, служащие для обозначения понятия *быть*, первоначально имели более конкретное значение, выражая определенную форму *бывания*, т. е. *пребывания в определенном состоянии и, в особенности, пребывания в том или ином месте*. Лишь на почве длительного процесса дифференциации постепенно образуется абстрактное значение бытия в смысле существования» [Виноградов, 2001, с. 333]. На этом основании устанавливается использование глагола *быть* как связки.

У связки *быть*, фактически не являющейся глаголом, сохранены его отдельные грамматические значения: времени и наклонения, – что, в свою очередь, позволило сформировать специфические аналитические формы грамматических категорий времени и наклонения у слов категории состояния.

Связка играет важную роль в развитии категории состояния. По словам Н.С. Пospelова, слова категории состояния образуют особую часть речи потому, что «им присущи специфические для них аналитические формы выражения грамматических категорий времени и наклонения, причём связка или её значимое отсутствие является необходимым компонентом такой аналитической формы» [Пospelов, 1955, с. 56]. В отличие от спрягаемых глаголов, временные отношения категории состояния находят отражение в парадигматических формах связки: прошедшее и будущее время образуются посредством присоединения соответствующих форм связки *быть*: – *Мне было стыдно приходить к вам с ослиными ушами* (Сергей Козлов, Как Ёжик с Медвежонком спасли Волка // «Мурзилка», 2003); *В воскресенье, думаю, будет жарко* (Михаил Елизаров, Библиотекарь, 2007). Настоящее время выражается значимым отсутствием связки: *...стыдно мне, больно мне, что и я человек* (Ю.О. Домбровский, Обезьяна приходит за своим черепом, часть 1, 1943-1958). Изъявительное и сослагательное наклонение также выражаются категорией состояния с помощью связки: *Впервые в жизни мне грустно, а ведь это не в моем характере* (Екатерина Завершнева, Высотка, 2012) *Тумаши из всех сил сдерживал знакомые приступы тошноты; как*

медику ему было бы *стыдно* не выдержать первым (Василь Быков, Болото, 2001).

По мысли П.А. Леканта, лексемы вроде *холодно, весело, больно* относятся к предикативу – гибридной части речи, «совмещающей признаки имени прилагательного – род, число (согласуемые формы) и глагола – наклонение, время, лицо (включая безличную форму), число» [Лекант, 2011, с. 24]. Главным грамматическим значением данного класса слов является *предикативность*, глагольные формы выражаются аналитически – посредством связки *быть*. П.А. Лекант признаёт существование как безличных, так и личных предикативов, общей спецификой которых является употребление в функции аналитического (составного) сказуемого, обязательный компонент которого – связка.

Вопрос об аналитической форме, присущей категории состояния, не раз привлекал внимание лингвистов. В работе Г.О. Мкртычевой раскрываются проблемы аналитизма на материале слов категории состояния: выявляется, что аналитизм грамматических форм времени и наклонения, который проявляется в сочетании с глагольной связкой, является основой формирования особой, по преимуществу неизменяемой, части речи – слов категории состояния [см.: Мкртычева, 2011].

Бесспорно, традиционным грамматическим центром категории состояния являются безлично-предикативные слова на *-о*, «которые могут употребляться или бессубъектно, или с дательным субъекта в качестве конструктивно необходимого дополнения» [Поспелов, 1955, с. 57], их дополнительное наименование в классификационной системе – предикативы: (\pm Д.п.) *холодно, темно, морозно*,

жарко, тошно, душно, тревожно, солнечно, пыльно, атмосферно, пятнично, грустно, печально, равнодушно и т. п. Именно сочетание предикатива с лексемой в форме дательного падежа, выражающее значение внутреннего состояния одушевленного субъекта, – дативно-предикативная структура (ДПС) – становится типичным средством выражения семантики состояния, данные подтверждают продуктивность этого структурно-синтаксического типа: «Если в 1800-1850 гг. Основной корпус НКРЯ фиксирует около 200 предикативов ДПС, к 1900 г. их уже более 300, а в современном языке – около 500» [Циммерлинг, 2017, с. 4].

Вместе с тем в исследованиях приводится ряд слов в личном употреблении: «*я готов, я должен, я рад, я болен, я знаком, быть в состоянии, без памяти, без чувств, в сюртуке* и т. п.» [Щерба, 1957, с. 74-75]. (Причем Л.В. Щерба расширяет представление о состоянии, ср: *в сюртуке*.) В.В. Виноградов подчеркивает, что недейственное состояние может «мыслиться безлично (*досадно, стыдно*) или приписываться тому или иному лицу как субъекту, испытывающему это состояние (*я рад, ты должен* и т. д.)» [Виноградов, 2001, с. 332]. А.В. Исаченко также не оставляет без внимания личные словоформы с семантикой состояния и относит к категории состояния ряд словоформ со значением отрицания, а именно: «он не у дел, он не прочь, он не в духе» [Исаченко, 1955, с. 61]. Предложно-падежные формы, выполняющие функцию предиката и выражающие в том числе значение состояния, неоднократно привлекали внимание современных исследователей (см. работы [Сирота, 1990, 2021; Матханова, 2001; Калинин, 2003; Пряников, 2000, 2012]

и др.).

Состояние является синтаксическим концептом, репрезентируемым разными структурными схемами простого предложения [см.: Сирота, 1990, 2021]. По словам Е.В. Сироты, «категория состояния является разноуровневой категорией, представленной лексическими, грамматико-лексическими и грамматическими способами» [Сирота, 1990, с. 4]. Разнообразие способов представления категории состояния – не только безлично-предикативные слова на *-о*, но и личные – предложно-падежные формы, в которых значение состояния появляется в результате переноса лексического значения опорных компонентов, – подчеркнуто в работах исследователя: «состояние, сосредоточенное в субъекте, не требует выхода за пределы его носителя» [Сирота, 2021, с. 293]. Состояние на лексическом уровне может быть свойственно различным частям речи – существительным, прилагательным, глаголам, наречиям и фразеологическим сочетаниям; грамматико-лексическое средство – это слова категории состояния как части речи, представленные прежде всего разрядами безлично-предикативных слов на *-о*; к грамматическим средствам состояния относятся предложно-падежные группы [Сирота, 1990].

И.П. Матханова развивает мнение Е.В. Сироты, включая в ядерную часть состояния «конструкции с безлично-предикативными словами, безличными модально-деагентивными глаголами типа *не спится, (хорошо) работается*, предложно-падежными формами существительных (*'в + предл. пад.'*), которые

обладают свойством специализированности» [Матханова, 2001, с. 68]. Ядро функционально-семантического поля состояния составляют безлично-предикативные слова, центральное положение которых обусловлено тем, что «в семантике безлично-предикативных слов не содержатся такие семы, которые противоречат признакам состояния» [Матханова, 2001, с. 140].

В то же время «наиболее типичной для передачи стательной семантики является форма *в + предл. пад. имени существительного*, которая может способствовать стательной интерпретации лексем, не имеющих значения состояния в изолированном виде» [Матханова, 2001, с. 158]. «В значении данной формы закреплены признаки статичности и ориентированности на субъект, длительность является немаркированным признаком, а семантические признаки инактивности субъекта ситуации и перцептивности отсутствуют» [Матханова, 2001, с. 159].

Таким образом, мы полагаем, что категория состояния не ограничивается безличной конструкцией. Односоставность и двусоставность – это два способа представления человеком как творцом и носителем языка внеязыковой действительности: «в односоставном предложении состояние представлено говорящим как неконтролируемое, проявляющееся независимо от воли субъекта, а двусоставное предложение подчёркивает активность субъекта состояния и (в некоторых случаях) контролируемость состояния со стороны субъекта» [Исаченко, 1955, с. 17-19].

Безличная конструкция не представляет собой единственное синтаксическое

условие для выражения семантики состояния, «релевантным признаком категории состояния не является способ оформления субъекта состояния – датив или номинатив» [Милованова, 2018, с. 6]. Релевантными признаками категории, вслед за Л.В. Щербой считаем следующие: неизменяемость слова в обязательной связи с предикативностью; семантика состояния субъекта; аналитическая форма представления времени и наклонения – при необходимом употреблении связки *быть* или других (лексических) глагольных связок.

1.1.2.2. Структура категории состояния: ядро категории и ее периферия

Категория состояния, как и любая часть речи, подвергается изменениям в ходе исторического развития, пополняясь новыми лексическими единицами. В работах В.М. Панфилова и О.В. Тюкинеевой рассматривается история развития лексического состава категории состояния. Древние памятники письменности и значительное количество художественных произведений XVIII-XX вв. свидетельствуют, что к началу письменности категория состояния была уже сложившейся частью речи [Панфилов, 1961]. Категория состояния как часть речи появилась в древнерусском языке в X-XI вв., в период с XI по XVII вв. её лексический состав претерпел существенные изменения и к концу XVII в. приобрел современные черты [Тюкинеева, 2005].

Этимологические исследования подтверждают положения Л.В. Щербы,

В.В. Виноградова и А.В. Исаченко о том, что основным источником формирования категории состояния были *краткие имена прилагательные и наречия с финалью -о*, а также *имена существительные*. Всего в древний период (с X по XVII вв.), как отмечает В.М. Панфилов, фиксируется более 50 слов, подводимых им под категорию состояния, которые восходят к существительным: *«благо, ведро, веремя, вредь, годе, гобино (= изобилье), гладь, горе, грехъ, диво, (не) добро, жаль, зазорь, зло, клопотъ, користь, лзя, лихъ, люте, лень, миръ, мързость, мзда, мятежь, мука, надобе, неволя, (не) досугъ, оудобь, нужда, обида, пагуба, печаль, пора, (не) похвала, радость, светъ, скорбь, скоудо, слота, срамъ, стыдение, тма, туга, оужась, шумъ, тоска, тепло, слота, тишина, требе и т. д.»* [Панфилов, 1961, с. 6-7]. Потом наблюдается тенденция замены и вытеснения существительных-предикативов *безлично-предикативными словами на -о*, этимологически связанными с прилагательными или наречиями: *«В XV в. формами ведряно, мятежно, радостно заменились существительные-предикативы ведро, мятеж, радость; в XVI в. вместо мързость, убыток употребляются мерско, убыточно; в XVIII в. гладь – голодь, пагуба, потреба – потребе, скоудо, оудобь – удобе заменяются формами гладно – голодно, пагубно, потребно, скудно, удобно»* [Панфилов, 1961, с. 8].

Замена существительных-предикативов формами на *-о* продолжается в последующие века – *безлично-предикативные слова на -о* начинают формировать ядро категории состояния: *«...насчитывается не менее 90 процентов среди других разрядов предикативов, или категории состояния»* [Панфилов, 1961, с. 9]. Итак,

безлично-предикативные слова на *-о* постепенно приобретают статус основного способа оформления семантики состояния [Матханова, 2001, с. 12; Поспелов, 1955, с. 55-65; Циммерлинг, 1998, с. 36-59; Циммерлинг, 2018а, с. 7-33 и др.].

Опираясь на современные и историко-этимологические исследования, мы отметили «особенность» разряда слов, по форме соотносительных с краткими именами прилагательных, наречиями на *-о* и именами существительными, обладающих общей семой «*состояние*» и реализующих синтаксическую функцию предиката. «Безлично-предикативные формы, грамматически однородные с качественными наречиями на *-о*, *-е*, *-ски*, образуют грамматическое ядро категории состояния: они особенно широко распространены в категории состояния, их больше, чем слов типа *рад*, *горазд*, *готов* и т. д.» [Виноградов, 2001, с. 335].

Безлично-предикативные слова, соотносительные с краткими формами имен прилагательных среднего рода, делятся В.В. Виноградовым на четыре основных разряда: «1) слова, обозначающие чувство, эмоциональное состояние, психологическое переживание: *грустно*, *весело*, *радостно*, *печально*, *страшно*, *тревожно* и т. д.; 2) слова, обозначающие физическое состояние: *голодно*, *щекотно*, *дурно*, *плохо*, *больно* и т. д.; 3) слова, обозначающие состояние природы: *сухо*, *тепло*, *темно*, *светло*, *тихо* и т. д.; 4) слова, обозначающие состояние окружающей среды: *шумно*, *уютно*, *удобно*, *пустынно* и т. д. Хотя эти слова сохраняют омонимичные связи с однородными наречиями и краткими прилагательными, они лексически и грамматически резко отличаются от последних, и часть из них находит параллелизм

в группах безличных глаголов, ср.: *грустно / взгрустнулось, тепло / потеплело, темно / темнеет, светло / светлеет, сухо / подсохло* и т. д.» [Виноградов, 2001, с. 336].

Предложив термин «предикаты внутреннего состояния», Анна А. Зализняк выделила три подкласса: «предикаты эмоционального состояния (*рад, огорчен, удивлен; страшно, весело; сердить, раздражать, смущать* и т. п.); предикаты эмоционального отношения (*бояться, любить, презирать, доверять* и т. д.); и ментального состояния: *знать, полагать, надеяться, подозревать, сожалеть* и т. д.» [Зализняк, 1992, с. 31].

Развивая мысли Анны А. Зализняк, А.В. Циммерлинг делит все предикаты состояния на внутренние, связанные с одушевленным семантическим субъектом (*мне грустно; он был навеселе*), и внешние, не предполагающие наличия семантического субъекта (*было пасмурно*) [Циммерлинг, 2016, 2017, 2018 и др.]. Предикаты внешнего состояния указывают на «локус, внешнюю среду, обозначая ситуации, чувственно воспринимаемые (часто – визуально наблюдаемые) либо оцениваемые некоторым субъектом, при этом личность наблюдателя нерелевантна для слов типа *солнечно, пыльно, знойно, ветрено*, описывающих объективно существующие характеристики среды» [Циммерлинг, 2016, с. 21]. Предикаты внутреннего состояния выражают состояния психики и физиологии человека. По А.В. Циммерлингу, модель дативно-предикативной структуры, в которую входит «неканоническое подлежащее», обозначающее одушевленный субъект, и безлично-предикативные слова на -о

«со значением физических состояний (*X-у холодно, жарко, тошно*), модальности (*X-у надо, положено*), эмоциональных состояний (*X-у грустно, тревожно*), моральных оценок (*X-у стыдно, неловко*), общей оценки (*X-у хорошо, плохо, комфортно*), эффективности (*X-у вредно, полезно, выгодно*), сенсорных и интеллектуальных реакций (*X-у видно, слышно, понятно*) и др.» [Циммерлинг, 2017, с. 18], является типичным и продуктивным структурно-синтаксическим типом для выражения семантики состояния.

Тем не менее данная семантика продолжает свое развитие. Новое содержание семантики состояния находит выражение в традиционных формах – безлично-предикативных словах на *-о*. В социуме появляются новые разновидности состояния, значимые для их носителей и нуждающиеся в фиксации, и соответственно – новые понятия и слова, их обозначающие. К примеру, в современном обществе обостряется конфликт между заинтересованностью молодого человека в политике и невозможностью изменить сложившуюся политическую ситуацию. «Эта новая мысль выражается заимствованным из итальянского языка словом *куалункуизмо*, обозначающим *состояние, когда ты настолько устал от того, что происходит в политике, обществе и вокруг тебя, что тебе уже нет ни до чего дела* (pikabu.ru/story)²» [Милованова, Хуан Яньюй, 2021, с. 41].

Помимо этого, сравнительно недавно оказались вписаны в речевую

² 13 иностранных слов, не имеющих аналогов в русском языке, хотя они бы оченьгодились // Пикабу [сайт]. URL:https://pikabu.ru/story/13_inostrannyikh_slov_ne_imeyushchikh_analogov_v_russkom_yazyike_khotya_oni_byi_ochen_prigodilis_1684574 (дата обращения: 03.03.2021).

действительность, благодаря развитию неформального общения в социальных сетях, слова на -о *атмосферно* и *фэнишуйно*: *Здесь так атмосферно, что хочется всё запечатлеть и оставить в памяти* (Instagram³). *Фэнишуйно* и его варианты *фенишуйево, фэнишуйево, фэйшево* употребляются как молодёжный сленг в смысле *‘красиво, изящно, стильно’*, а иногда в самом общем значении положительной оценки (= хорошо): *Ну что, дорогие, кто хочет потестить всё ли там фэнишуйно и кошерно?* (ВКонтакте) *Пушистик: Вау, фэйшево!*⁴

Как отмечает М.С. Милованова, «изначально нейтральные лексемы, характеризующие природный объект, в результате метафоризации получают субъективные оттенки» [Милованова, 2022, с. 151]. Внешнее состояние вполне может перерасти в значение внутреннего состояния, которое будет выражено с помощью модели ДПС: все потому, что какой-либо четкой границы между подклассами семантики состояния не наблюдается.

В работе А.В. Циммерлинга отмечено как невозможное употребление *солнечно* и *пыльно* в рамках ДПС, ср.: «*мне солнечно, *нам пыльно», с учётом того, что «признак *быть солнечно / пыльно* осмысливается как свойство внешней ситуации, одинаково воспринимаемое всеми потенциальными наблюдателями, и не может быть представлен как внутреннее состояние конкретного одушевленного субъекта в некоторый момент времени» [Циммерлинг, 2017, с. 469]. Однако сегодня мы

³ katikorol profile // Instagram [сайт]. URL: https://www.instagram.com/p/Bhl_9cbgkTc (дата обращения: 03.03.2021)

⁴ Словарь молодёжного сленга // MathSolution.ru [сайт]. URL: <https://www.math-solution.ru/slang/11101> (дата обращения: 03.03.2021).

наблюдаем тенденцию расширения употребления слов *солнечно* и *пыльно* в ДПС. Слова категории состояния *солнечно* и *пыльно* приобретают «новую семантику – оценочную» [Коваленко, 2020, с. 151] и «получают дополнительную валентность на дативный компонент» [Милованова, 2022, с. 150-151], ср.: *Мне солнечно, когда ты просто рядом, и так тепло под добрым взглядом, я рада тебя видеть!*⁵ (Пожелания любимым, Мне солнечно); *Мне пыльно, хочется пройтись чуть влажной тряпкой*⁶ (Пыльно, Юрий Ка // Стихи. ру).

Сравним: *Было тепло и солнечно, несмотря на то, что осень явно перешла в наступление* (Вера Белоусова, Второй выстрел, 2000) и *Мне солнечно, когда ты просто рядом, и так тепло под твоим добрым взглядом* (Мне солнечно // Мир поздравлений и пожеланий, 06.02.2022). В первом примере слова *тепло* и *солнечно* обозначают объективно существующие характеристики среды, чувственно воспринимаемые субъектом, при этом личность наблюдателя нерелевантна. Во втором примере в значении слов *солнечно* и *тепло* происходит переосмысление – речь идёт не о погоде, а о психологическом состоянии субъекта: *мне весело и приятно*, когда ты рядом со мной. В активной трансформации значений объективных в субъективные важную роль играет вербализация субъекта состояния. Косвенное указание на семантический субъект (*мне*) маркирует личностное начало, оценочные оттенки, становясь маркером субъективизации значения внешнего состояния.

Безлично-предикативные слова на *-о* является активным источником

⁵ <https://mir-pojelania.ru/mne-solnechno/> (дата обращения: 21.08.2022)

⁶ <https://stihi.ru/2008/10/29/2533> (дата обращения: 21.08.2022)

пополнения фонда категории состояния: «Процесс предикативации кратких прилагательных среднего рода и наречий на *-о* активно протекает в современном русском языке» [Коваленко, 2020, с. 151]. Об активности безлично-предикативных слов на *-о* свидетельствует и расширение синтаксической валентности: фиксируется сочетаемость безлично-предикативных слов, таких как *видно*, *слышно*, *жалко* и т. д., с винительным падежом существительного со значением объекта [Виноградов, 2016]. «Эти слова категории состояния, семантически и словообразовательно связаны с переходными глаголами (*видно* – *видеть*, *слышно* – *слышать*; *жалко* – *жалеть*)» [Виноградов, 2016, с. 47], ср.: *Иногда и такие: «Понаставили каких-то стен, рекламы, киосков и аттракционов, за которыми не **видно** зверей»* (О.Г. Баринов, Зоологический сад // «Первое сентября», 2003). *И вот что получается. Меня хорошо слышно? Сейчас я только взойду на трибуну* (Игорь Мартынов, Это наша с тобой абстиненция // «Столица», 1997.03.18). *Ещё немного **жалко** военных, журналистов и прочих, чья профессия присутствовать при социальном катаклизме* (Запись LiveJournal, 2004).

Как показывают этимологические исследования, другим серьезным источником пополнения слов категории состояния являются безлично-предикативные слова, соотносительные с существительными, которые служат для той или иной *оценки действия*: *грех*, *стыд*, *смех*, *горе*, *мука*, *страх*, *ужас* и т. д., ср: *Мне **грех** жаловаться – не бедствую, живу в хорошей квартире, езжу на хорошей машине, сыт... «пьян, и нос в табаке», – подскажут мне, быть может, иронизируя* (И.Э. Кио, Иллюзии

без иллюзий, 1995-1999). *Н-ну, с этими вояками будет мне смех и горе!* (Виктор Астафьев, *Прокляты и убиты. Книга первая. Чертова яма, 1995*). «В таких предложениях действие обозначено инфинитивом, а его оценка – словом категории состояния» [Галкина-Федорук, 2009, с. 123].

Соотносительные с именем существительным безлично-предикативные слова имеют следующие значения: модально-этическая оценка действия, модально-эмоциональная оценка действия, модальные оттенки долженствования в отношении времени совершения действия, модально-волевые проявления [Галкина-Федорук, 2009]. Однако безлично-предикативные слова, соотносительные с именительным падежом существительного, в современном русском языке остаются в пассивном запасе, являясь периферийными единицами в структуре категории состояния.

Напротив, предложно-падежные формы имени существительного сегодня испытывают актуализацию и все чаще служат средством оформления семантики состояния, тем самым активно расширяя состав категории состояния. Как отмечал В.В. Виноградов отметил, «некоторые виды наречий, оформленные предложными конструкциями, с оттенками качественного состояния, развивают всё сильнее способность замещать сказуемое» [Виноградов, 2001, с. 344]. Ср.: 1) *Враги побегут в ужасе* (Максим Соколов); 2) *К утру я был от него в ужасе* (М.А. Булгаков). Словоформа *в ужасе* в своём употреблении обнаруживает двойственные грамматические значения. В первом примере наиболее четко обнаруживаются дифференциальные признаки качественно-обстоятельственного наречия: словоформа

в ужасе выполняет функцию обстоятельства, примыкающего к глаголу *побегут* и обозначающего психологическое состояние при выполнении данного действия. Во втором примере словоформа *в ужасе* является ядром аналитической формы сказуемого, в состав которой связка *быть* входит только как грамматический показатель определенного времени и наклонения. Переход предложно-падежных форм в категорию состояния мы подробно рассматриваем в параграфе 1.2.

Л.В. Щерба, помимо этого, подводил под категорию состояния ряд слов в личной конструкции, которые могут найти параллельные формы в других классах слов, к примеру, «*я рад (радуюсь), я способен (я в состоянии), я болен (болею), я весел (я веселюсь, я весёлый), он грустен (он грустит, он грустный)*» [Щерба, 1957, с. 75].

Недейственное состояние может «мыслиться безлично (*досадно, стыдно*) или приписываться тому или иному лицу как субъекту, испытывающему это состояние (*я рад, ты должен* и т.д.)», – подчеркивал В.В. Виноградов [Виноградов, 2001, с. 332]. Он описал путь перехода кратких прилагательных в категорию состояния, который, по-видимому, протекает следующим образом: «...краткие формы имен прилагательных, такие как *мал* (ср. *малый*), *велик* (ср. *великий*), *рад, должен, намерен, горазд, солон, прав, здоров, виден* (ср. *видный*), утратившие склонение и укрепившись в позиции сказуемого, приобретают конструктивные возможности глагола, они перестают быть названиями, а становятся предикативными характеристиками» [Там же]. Краткие формы прилагательных относятся

к периферии категории состояния, потому что у них отсутствует «неизменяемость» (ср. изменение по родам и числам: *рад, рада, рады; намерен, намерена, намерены*), которая является релевантным признаком категории состояния.

Таким образом, изучение истории развития слов категории состояния и различных интерпретаций её объемов позволяет сделать вывод, что релевантным признаком категории состояния является не форма оформления субъекта, а неизменяемость слова в совокупности с его предикативностью («неизменяемость» предложно-падежных форм проявляется в том, что «одна из форм парадигмы имени существительного подвергается консервации» [Милованова, 2018, с. 7]), семантикой состояния субъекта и аналитической формой выражения времени и наклонения, в случае необходимости включающей связку *быть* или другие глаголы-связки.

Категория состояния представляет собой развивающийся и продуктивный класс слов. Этимологические исследования категории состояния показывают, что основными источниками формирования категории состояния являются безлично-предикативные слова на *-о*, восходящие к прилагательным или наречиям, безлично-предикативные слова, восходящие к именительному падежу существительного, краткие прилагательные и предложно-падежные формы существительного. Переход слов из других частей речи способствует оформлению категории состояния в виде ядерно-периферийной системы: ядро системы занимают безлично-предикативные слова, периферию составляют остальные формы, в том числе, предложно-падежные формы, которые при этом составляют активный запас категории состояния.

1.2. Русская падежная система как оппозиция *именительный падеж – косвенные падежи*: эмансипация предложно-падежных форм имени существительного

Один из наиболее сложных разделов русской грамматики – это предложно-падежная система. Все разнообразие функционально-семантических отношений – субъективные, предикативные, атрибутивные, объективные, обстоятельственные – выражается в речи с помощью предложно-падежных форм. Как отмечает Л.В. Крючкова: «На функциональном уровне в падежных формах имен отражается понимание связи между предметами, явлениями, действиями, качественными характеристиками в мире окружающей действительности» [Крючкова, 2014, с. 60].

Грамматическая мысль о значении и сущности падежа является предметом пристального внимания лингвистов, которые дают разные толкования этого понятия. А.А. Зализняк подчеркивал, что «строгого определения падежа в традиционных лингвистических сочинениях нет» [Зализняк, 1967, с. 614].

В падежных формах имени существительного отражается связь между предметом, явлениями, действиями и качествами в мире материальной действительности. По В.В. Виноградову, «падеж – это форма имени, выражающая его отношение к другим словам в речи. <...> Тут объединяется множество грамматических категорий, выражающих семантические оттенки пространственных,

временных, притяжательных, причинных, целевых и других отвлеченных отношений» [Виноградов, 2001, с. 143-144]. По определению П.А. Леканта, «падеж – это словоизменительная категория существительных, выражающая отношение обозначаемого существительным предмета к другим предметам, действиям, признакам» [Лекант, 2009, с. 204]. Термин *падеж*, по словам А.А. Зализняка, может употребляться в двух смыслах: «а) конкретный падеж, которому в данном языке противопоставлены другие конкретные падежи; б) падеж вообще (= грамматическая категория), т. е. грамматическое явление, состоящее в том, что в данном языке противопоставляются два или более конкретных падежа» [Зализняк, 1967].

В настоящей работе нас интересует другое противопоставление – именительного падежа прочим падежам, падежам косвенным, которое сформулировал А.М. Пешковский: «Если именительный падеж является безотносительной предметностью, то **косвенный падеж существительного есть категория несамостоятельной предметности, т. е. предметности, поставленной в какое-либо отношение к чему-то другому в речи**» [Пешковский, 1956, с. 73]. (Выделено нами. – Х. Я.).

Разные падежные формы оформляют «представления о времени и пространстве, о действии, о субъекте и объекте действия, о количестве, признаке, причине, цели, следствии, реальности и нереальности и многих других закономерностях окружающего мира» [Виноградов, 1972, с. 16]. «В косвенных падежах объединяется множество грамматических категорий, выражающих семантические оттенки

пространственных, временных, притяжательных, причинных, целевых и других отвлеченных отношений» [Виноградов, 2001, с. 144]. Таким образом, падежные формы не замкнуты и изолированы друг от друга, они существуют только во взаимосвязи с другими компонентами предложения. Поэтому исследование семантики падежных форм не может быть осуществлено без рассмотрения синтаксических условий, в которых функционирует та или иная падежная словоформа.

Разные аспекты изучения предлогов представлены в трудах Т.И. Антоновой, Н.И. Астафьевой, О.С. Ахмановой, И.М. Багрянского, М.С. Буниной, В.В. Виноградова, В.В. Веселитского, М.В. Всеволодовой, Т.П. Засухиной, Г.А. Золотовой, В.В. Истоминой, М.А. Каламовой, Е.С. Шереметьевой, Е.Т. Черкасовой, Ф.П. Филина, З.Д. Поповой, Г.А. Шигановой, В.Л. Ибрагимовой, Г.Л. Ибрагимовой, Г.Н. Манаенко, Т.А. Пантелеевой и некоторых других. Роль предлогов в русском языке трудно переоценить. Они служат для организации текста, выполняют строевую функцию, делают текст связным, выражая отношения между словами. «Предлог соединяет лексико-грамматические единицы, то есть слова. Внешним выражением этого категориального значения предлога – значения отношения (релятивности) – служит их сочетаемость с другими словами. Предлог, в отличие от полнозначных слов, функционирует в условиях двусторонней синтаксической связи» [Филин, 1979, с. 227].

Предлоги не только выполняют «строевую функцию», но и участвуют

в создании падежного, грамматического значения имени существительного. Благодаря значению, которое вносит предлог, исходное значение самой падежной формы развивается, дополняется и усиливается. Таким образом, предлог не только поддерживает и усиливает значение падежей: так или иначе он специализирует их и делает их сложнее.

Выделение, актуализация, эмансипация предложно-падежных форм как форм косвенных падежей стали заметны в начале XIX века: «Предложно-падежные сочетания, первоначально связанные с глаголами и зависевшие от них, с развитием и усложнением грамматического строя русского языка, особенно с XIX века, стали непосредственно присоединяться к именам существительным, например: *мандарины из Грузии, рамки из сосновых шишек, коренные поморы с севера* и т. д.» [Виноградов, 1975, с. 225]. Вследствие эмансипации предложно-падежных форм от управляющего глагола наблюдается упрочение позиции существительного в роли сказуемого и рост предикативности (предикативации) имени существительного, что способствует сближению имен существительных и глаголов [Виноградов, 1975, 2001] – и как следствие, актуализируются **связочно-субстантивные (бисубстантивные)** конструкции [Герасименко, 2012, 2018 и др.] и **полупредикативный субстантивный оборот** [Шаповалова, 2020].

Как отметил А.А. Шахматов, предикативные отношения являются изъяснительными, поскольку они содержат утверждение или отрицание чего-либо. Вместе с тем между субъектом и предикатом могут возникать и предикативно-

атрибутивные отношения: «атрибутивными являются отношения между представлениями, входящими в состав одного сложного, нерасчлененного представления, расчленение ведет к выделению из него субъекта и предиката, стоящих между собой в предикативных отношениях» [Шахматов, 2001, с. 29].

Сказуемое выражается существительным, обозначающим признак качества, свойства или состояния, который говорящий возводит в предикативную связь с подлежащим. А.А. Шахматов указывал на то, что «в некоторых случаях именительный падеж сказуемого заменяется под влиянием аналогии со стороны связочных и связочно-сказуемых предложений творительным падежом: *Дружба дружбой, а служба службой* (погов.); *Худо тому дому, где жена попом, а муж дьяконом* (посл.); *Рука граблями, ноги вилами* (Даль, II, 27)» [Шахматов, 2001, с. 189].

В работе А.М. Пешковского проанализированы глагольные личные нераспространённые предложения с составным сказуемым, которое состоит из глагольной связки и полнозначного слова и условно может быть названо «вторым членом составного сказуемого, или присвязочным членом, или вещественным членом, или второстепенным предикативным членом» [Пешковский, 1956, с. 215]. Присвязочный член, или предикативный второстепенный член, по словам А.М. Пешковского, есть «полное слово, соответствующее вещественной стороне глагольного сказуемого» [Пешковский, 1956, с. 220].

А.М. Пешковский выделил различные виды второстепенных предикативных

членов, в том числе существительное в имен. пад.: *«ты будешь командир;* существительное в твор. пад.: *ты будешь командиром;* существительное в разных косвенных падежах с предлогами и в родительном без предлога: *он был из немцев, был с характером, был большого ума»* [Пешковский, 1956, с. 222]. Предикативная роль предложно-падежного сочетания, по его мнению, «обуславливается преимущественно значением предлога, именно тем, что он не имеет здесь пространственно-временного значения, а всегда более отвлеченное» [Пешковский, 1956, с. 248].

П.А. Лекант считает, что «основное назначение именной части сказуемого – выражение вещественного значения сказуемого, названия признака» [Лекант, 1976, с. 107]. По признаку внутренней формы составного именного сказуемого (связи основного, именного компонента со вспомогательным) различаются *специализированные* и *неспециализированные* формы именной части: «к специализированным формам относятся краткие формы прилагательных и причастий, именительный и творительный падежи имен (ср.: *был студент – был студентом. Поза моя – было величие, Я сей дорогой не ходок. Я из-под неволи не проповедник*), неспециализированные формы в современном русском языке представлены *косвенными падежами имени существительного* (и субстантивированных слов), преимущественно с **предлогами**» [Лекант, 1976, с. 115]. Данные формы являются неспециализированными, поскольку они «не обусловлены ни лексическо-грамматическими особенностями связок, ни употреблением

в качестве именной части» [Лекант, 1976, с. 114]. «Неспециализированные формы характеризуются общим значением отношения нетождественности между существительным в подлежащем и в именной части сказуемого, и частным значением, оформленным **различными падежными и предложно-падежными формами**» [Лекант, 1976, с. 117].

Развивая мысль П.А. Леканта, Н.А. Герасименко отметила, что «в современном русском языке становятся актуальными аналитические явления, одной из продуктивных форм проявления которых являются **бисубстантивные предложения**, в которых предикативные отношения формируются при участии связки в соотношении двух субстантивов – имени существительного (или его эквивалента) в позиции подлежащего и имени существительного в позиции именной части *связочно-субстантивного сказуемого*» [Герасименко, 2011, с. 71].

Падежные формы, которые функционируют в бисубстантивных предложениях, в русской грамматической традиции разделяются на *«предикативные и непредикативные* (или специализированные и неспециализированные в терминологии П.А. Леканта)» [Герасименко, 2012]. Непредикативные падежные формы (все формы косвенных падежей, кроме творительного предикативного, и все предложно-падежные формы существительного) функционируют в позиции основной части связочно-субстантивного сказуемого «с теми частными значениями, которые сформировались в структуре словосочетаний, характеризующихся отношениями определяемого – определяющего (преимущественно атрибутивными)»

[Лекант, 1976, с. 115].

С учётом того, что «всякие атрибутивные отношения могут мыслиться и предикативно» [Шахматов, 2001, с.179], «предложно-падежные формы, для которых определительное значение является центральным значением, активно функционируют в позиции предиката в бисубстантивных предложениях» [Герасименко, 2011, с. 79]. При этом нужно заметить, что предложно-падежные формы в качестве неспециализированного средства выражения сказуемого неспособны самостоятельно оформлять предикативные отношения. «В этом плане решающая роль отводится вспомогательному компоненту – *связке* или *глаголу-связке*, выражающей основные предикативные значения модальности и синтаксического времени» [Пряников, 2012, с. 397].

Как отмечает Н.А. Герасименко, «основными значениями связочно-субстантивного сказуемого, активно реализующимися в современной русской речи, являются *характеризация, состояние, оценка, сходство, подобие*, которые отражают разные виды мыслительной деятельности говорящего» [Герасименко, 2018, с. 37]. Связочно-субстантивное сказуемое со значением состояния особенно динамично развивается «с появлением новых для русского общества состояний человека (см. лексемы, связанные с употреблением наркотиков, игроманией и др.: *в опьянении, в ярости, в хмельном ослеплении, под дозой, в трансе*)» [Герасименко, 2018, с. 41]. Учёный в работе подтвердила, что «регулярность и продуктивность функционирования имен существительных в бисубстантивных предложениях

для обозначения состояния позволяет некоторым из них переходить в категорию состояния при соблюдении следующих основных условий: 1) наличие семы 'состояние' в семантической структуре имени существительного или возможность такого осмысления существительного в определённом синтаксическом окружении; 2) использование в функции предиката; 3) определённая грамматическая форма» [Герасименко, 2012, с. 225].

А.А. Калинин в своей диссертационной работе обосновал тот факт, что «по характеру выражения предикативного признака предложно-падежные формы существительных подразделяются на словоформы предикативно свободного и предикативно связанного употребления» [Калинин, 2003, с. 8]. Последние характеризуются особой семантикой – «значением качественного состояния лица или предмета (*в тревоге, в отчаянии, на подъеме, при смерти*), близкими к ним модально-оценочными значениями (возможности / невозможности: *(не) в силах, (не) в состоянии*), значением оценки лица: *(не) к добру, (не) по вкусу, (не) по правилам*)» [Калинин, 2003]. Таким образом, предложно-падежные формы, втянутые в структуру категории состояния, характеризуются семантикой состояния (которая является превалирующей) с модальным и оценочным оттенками.

В бисубстантивных предложениях, в том случае если в сказуемом реализуется значение состояния, меняется семантика всего предложно-падежного сочетания: «предлог вступает в более тесную связь с именем существительным, утрачивает самостоятельное значение, формализуется, становясь лишь средством передачи

отношений» [Пряников, 2000, с. 102]. Таким образом, складываются «устойчивые, неразложимые предложно-падежные формы, которые находятся на пути превращения в своеобразные предикативные сочетания, по значению близкие к наречиям, *словам категории состояния* и модальным словам» [Там же]. В нашей работе применяются термины «*предложно-падежные формы*» и «*словоформы*», а не «*предложно-падежные сочетания*», потому что мы учитываем тесную связь между предлогом и падежными формами: из них образуются единые языковые единицы.

Отметим, что в русской падежной системе существует оппозиция между именительным падежом и косвенными падежами: если именительный падеж обозначает безотносительную предметность, то косвенные падежи – предметность, поставленную в какие-либо отношения, где они получают потенциальную возможность на «изменение» или «трансформацию». В начале XIX века предложно-падежные формы проявляют тенденцию к эмансипации от управляющего глагола, становясь структурным и семантическим центром предложения.

Предложно-падежные формы, определенные как «неспециализированные формы именной части сказуемого» (по П.А. Леканта) или «непредикативные падежные формы», регулярно и продуктивно функционируют в позиции именной части *связочно-субстантивного сказуемого* для обозначения состояния в бисубстантивных предложениях. Наблюдается рост предикативности / предикативации предложно-падежных форм, отстранившихся от парадигмы существительного, которые и составляют потенциал категории состояния.

1.3. Явления переходности в области частей речи: проблемы функциональной омонимии

Изучение истории развития категории состояния и семантики падежных форм показало значимость для нашего исследования такого явления, как переходность: слова категории состояния образуются за счет перехода слов и словоформ из других частей речи, предложно-падежные формы в предикативной позиции являются синкретическими образованиями, синтезирующими дифференциальные признаки существительного и категории состояния.

Цитируя профессора А. Белича, В.В. Виноградов писал, что «в живом языке <...> нет идеальной системы с однообразными, резкими и глубокими гранями между разными типами слов. Грамматические факты двигаются и переходят из одной категории в другую, нередко разными своими сторонами примыкая к разным категориям» [Виноградов, 2001, с. 45-46]. В связи с этим нельзя утверждать, что языковую систему наполняют лишь факты, полностью соответствующие имеющимся классификациям: «... в живом языке и речи преобладают факты, у которых нет полного набора дифференциальных признаков какой-либо одной грамматической категории» [Бабайцева, 2000, с. 4], факты, которые относятся к явлениям переходности.

Явления переходности в языке привлекали внимание многих лингвистов и не раз становились предметом специальных исследований [Виноградов, 1977; Мигирин,

1971; Бабайцева, 1955, 1988, 1991, 2000, 2003; Баудер, 1976 и др.]. Китайские русисты также посвящали работы данной теме [Чжоу Хайянь, 2003, 2012, 2021; У Мэй, 2009].

Переходные явления в области морфологии заключаются в лексико-грамматической трансформации языковых единиц, которая способствует обогащению и совершенствованию грамматического строя. Явления переходности имеют эволюционный характер и совершаются в процессе исторического развития языка, что возможно только благодаря постоянной взаимосвязи между различными языковыми единицами. При этом можно говорить, как о диахронных преобразованиях, когда исходная точка утрачивается, так и о синхронных, когда два явления существуют одновременно [Бабайцева, 2000, с. 15]. Результатом подобных процессов становятся переходные, промежуточные языковые факты, для которых характерна контаминация семантико-грамматических свойств разных частей речи.

Следствием завершившегося процесса перехода является образование функциональных омонимов – этимологически родственных слов, совпадающих по звучанию, но относящихся к разным частям речи [Бабайцева, 2000, с. 194]. Такие омонимичные единицы отмечались лингвистами уже в начале XX века. В.В. Виноградов предлагал использовать термин «грамматические омонимы» и – чуть позднее – «лексико-морфологические омонимы» для описания данного языкового явления, по мнению Р.А. Будагова, их стоило называть морфологическими, а с точки зрения А.И. Смирницкого – лексико-грамматическими, О.М. Ким

использовала термин «транспозиционные», О.С. Ахманова – «функциональные»: именно ей принадлежит наиболее последовательный и полный анализ случаев функциональной омонимии – омонимии знаменательных слов [Виноградов, 1977; Будагов, 1953; 1978; Ахманова, 1957].

Среди многочисленных терминов, обозначающих омонимию частей речи, В.В. Бабайцева выбрала термин «функциональные омонимы», так как именно функционирование данных языковых единиц в речи – в определенной синтаксической функции – наиболее ярко показывает основные различия между ними. В.В. Бабайцева использует этот термин вслед за О.С. Ахмановой, однако расширяет его содержание, включая в функциональную омонимику и служебные слова [Бабайцева, 2000, с. 194].

Свойства разных уровней: морфологического, синтаксического, лексического, морфемного – позволяют говорить об отличиях функциональных омонимов друг от друга. Как отмечает В.В. Бабайцева: «В группах функциональных омонимов за одним и тем же звуковым комплексом скрывается несколько слов, относящихся к разным частям речи. Принадлежность к разным частям речи – самый отличительный признак функциональных омонимов» [Бабайцева, 2000, 203].

Единая звуковая оболочка, звуковой комплекс, объединяющий в себе несколько языковых единиц, получил в работах В.В. Бабайцевой название «омокомплекс». Омокомплекс может скрывать за собой минимум две лексемы, однако как слово он может быть определен только в речи. «Взятое вне речевого контекста или речевой

ситуации слово, имеющее функциональные омонимы, не может быть точно определено грамматически» [Бабайцева, 2000, с. 203]. Так, только контекст может позволить определить часть речи омокомплексов *столовая* или *правда*: ***столовая*** *комната* / *красивая **столовая***; *чистая **правда*** / *он **правда** придёт*. Морфологические свойства функциональных омонимов проявляются и в плане словоизменения. Например: *Его лицо **весело*** (краткое прилагательное) / *Ему **весело*** (категория состояния). *Весело*, будучи кратким прилагательным, изменяется по родам и числам (*весел, весела, весело, веселы*), как слово категории состояния оно лишено данного признака.

Переход слова из одной части речи в другую сопровождается утратой одних морфологических признаков и приобретением других. К примеру, причастие в ходе адъективации приобретет способность обозначать разную степень признака, что будет выражаться в сочетании с соответствующими наречиями, однако обладать категориями вида и времени оно больше не будет: ...*она придвигается ближе* <...> *Вид у неё при этом **очень сосредоточенный*** (М. Петросян, Дом, в котором..., 2009). ... *он пинком отбрасывает с дороги брошенный стул.* <...> ***Жутко расстроенный** словами Черного, а может, моей реакцией на них* (М. Петросян, Дом, в котором..., 2009). Функциональные омонимы также могут иметь разный морфемный состав. У прилагательных среднего рода *-о* будет окончанием, в то время как у омонимичных наречий и слов категории состояния – суффиксом: *Его лицо **весело*** (*-о* окончание) / *Он **весело** смеётся* (*-о* суффикс) / *Ему **весело*** (*-о* суффикс).

Основное условие развития специфических категориальных значений – это синтаксическая функция. Как заметил В.Н. Мигирин, «Изменение категориального значения следует за изменением функции» [Мигирин, 1971, с. 154]. Типичные функциональные омонимы четко различаются по синтаксической функции и обусловленному ею категориальному значению. Вновь обратимся к примеру с омокомлексом *весело*: (1) *Его лицо весело*. (2) *Он весело смеётся*. (3) *Ему весело*. В первом случае *весело* – краткое прилагательное среднего рода, функция которого – сказуемое двусоставного предложения, значение – признак предмета (*лицо*). Во втором – наречие, выполняющее функцию обстоятельства и обозначающее признак действия (*смеётся*). В третьем – слово категории состояния, чья роль – предикат односоставного предложения, а значение – внутреннее состояние одушевленного субъекта (*ему*).

Для перехода языковой единицы из одной части речи в другую важным является понятие первичной / вторичной синтаксической функции (см. работы Е. Куриловича). «Основное условие перехода слов из одной части речи в другую – употребление слов во вторичной (не первичной!) функции, в функции, не свойственной данной части речи», – подчеркивает В.В. Бабайцева [Бабайцева, 2000, 301]. Имя существительное может выполнять в предложении любую синтаксическую функцию, однако роли подлежащего и дополнения для него первичны. В связи с этим употребление существительных в функции обстоятельства способствует появлению наречий, генетически связанных с существительными, скажем, *порой*, *вдали*, *сначала* и др.

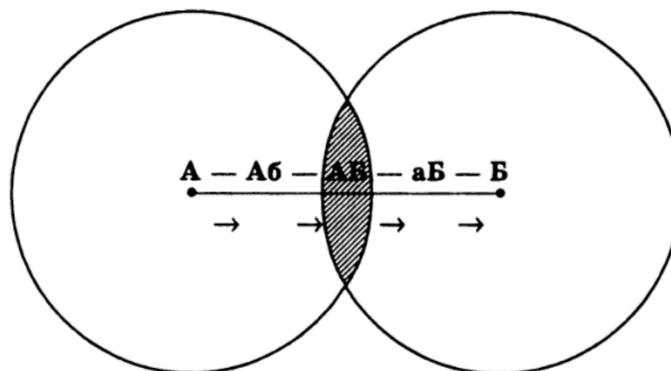
Обилие наречий на *-ом* вроде *авансом, битком, галопом, мельком, мимоходом, часом, следом, шагом*, появившихся в результате перехода существительных в форме творительного падежа, является еще одним ярким примером.

Способность имени существительного выполнять любую синтаксическую роль становится причиной того, что именно эта часть речи оказывается одной из наиболее подвижных для перехода. Однако употребление языковой единицы в нехарактерной для нее функции не означает автоматического перехода в другую часть речи. Для этого требуются предпосылки – «наличие в структуре и семантике языковых и речевых явлений потенциальных свойств, способных в благоприятных синтаксических условиях изменить исторически сложившиеся соотношения формы и содержания для более точного и яркого выражения замысла говорящего» [Бабайцева, 2000, с. 189]. Так, наличие семы 'состояние' обеспечивает переход краткого прилагательного *весело* в категорию состояния, семы 'время' – адвербиализацию лексемы *летом*, общие грамматические признаки способствуют адъективации причастий типа *сосредоточенный* или *расстроенный* рассмотренных выше.

Переход языковой единицы из одной части речи в другую, как правило, происходит поэтапно. При работе с функциональными омонимами и синкретичными явлениями важную роль играет оппозиционный анализ, позволяющий сопоставить исследуемые языковые факты. Рассмотреть всю последовательность перехода помогает шкала переходности, впервые предложенная В.В. Бабайцевой

в монографии «Переходные конструкции в синтаксисе» и активно используемая другими исследователями (Л.Д. Чесноковой, В.В. Шигуровым, И.В. Высоцкой и др.).

Рисунок 1 – Шкала переходности, разработанная В.В. Бабайцевой

Представленная на изображении ось является наглядной иллюстрацией того, как используется шкала переходности. Крайние точки – *A* и *B* – это функциональные омонимы, равноправные члены оппозиции, каждый из которых обладает полным набором дифференциальных признаков соответствующей части речи. «*Ab, AB, aB* – это переходные соединительные ступени, или звенья, отражающие взаимодействие между соотносительными (противопоставленными) явлениями» [Бабайцева, 2000: 133].

В нашей работе шкала переходности применяется для того, чтобы показать поэтапный характер изменений категориальных значений словоформ имени существительного при их переходе в категорию состояния. Точки *Ab, AB, aB* на шкале переходности показывают, как в исследуемых нами предложно-падежных формах распределяются дифференциальные признаки существительных и слов

категории состояния, когда можно говорить о большей близости к имени существительному (*Аб*), когда – о положении на периферии категории состояния (*аБ*) или о синкретичном образовании (*АБ*). Во второй главе мы попытаемся определить, какое место на шкале переходности в процессе перехода «имя существительное – категория состояния» занимают конкретные предложно-падежные формы.

Выводы по главе 1

Рассмотрев объём и границы понятия *состояние* в философской и психологической науках, способы оформления семантики состояния, историю развития категории состояния и грамматических представлений о категории состояния, соотношение именительного падежа и косвенных падежей в русской падежной системе, явления переходности в области частей речи, мы можем сделать следующие выводы.

1. Учитывая философские и психологические концепции *состояния*, мы понимаем под состоянием положение дел, характеризующееся относительной статичностью на определённом отрезке времени и способное подвергаться изменениям при определённых условиях. 2. Семантика состояния крайне важна для русской языковой картины мира, а потому связана не только с определенной группой лексем, но и имеет грамматическую категоризацию, особую часть речи – категорию состояния.

3. Способ оформления субъекта состояния не является первостепенным признаком данного класса слов. Релевантны неизменяемость, предикативный характер лексемы, семантика состояния субъекта и аналитическая форма представления времени и наклонения, оформляемая посредством связки *быть* или других глаголов-связок в случае необходимости.

4. Категория состояния представляет собой развивающийся и продуктивный класс слов, для которого характерна ядерно-периферийная структура. Ядро

категории состояния занимают безлично-предикативные слова на -о, периферию – безлично-предикативные слова, восходящие к именительному падежу существительного, краткие имена прилагательных и предложно-падежные формы. При этом последние составляют тот пласт слов категории состояния, который на сегодняшний день демонстрирует наиболее активное развитие.

5. В современном русском языке наблюдается тенденция к эмансипации и предикативации предложно-падежных форм существительного: данные единицы регулярно функционируют в позиции именной части связочно-субстантивного сказуемого, в том числе – для обозначения состояния в бисубстантивных предложениях.

ГЛАВА 2. Транспозиция предикативных предложно-падежных форм имени существительного в категорию состояния

В этой главе мы рассмотрим условия, предпосылки и причины перехода предложно-падежных форм существительного в категорию состояния. Нам предстоит проанализировать все собранные предложно-падежные формы (общее количество – 249, однако список открыт и продолжает пополняться) и классифицировать их с учетом семантических разновидностей и актуальности употребления в предикативной позиции в качестве слов категории состояния. Процесс лексических и грамматических трансформаций типичных словоформ будет прослеживаться нами как в диахронии, так и в «микродиахронии, или микродиахронном срезе» [Милованова, 2022]. Таким образом с помощью шкалы переходности мы попытаемся определить степень сдвига категориальных значений языковых единиц с учётом разработанных нами критериев определения статуса предложно-падежной формы существительного. Значимым оказывается и то, насколько активно употребляется та или иная предложно-падежная единица. Такие словоформы, как «*в переписке, в кураже, в духе* (в отличие от варианта с отрицанием *нет*) оказываются в пассивном запасе» [Милованова, 2018, с. 8], выражения (*быть в восторге, в ужасе, в шоке* стабильно употребляются в речи уже в течение продолжительного времени и по-прежнему активны сегодня, а языковые единицы (*быть в шоколаде, в ажуре, в плюсе* актуализируются в последние 30 лет (после 90-х годов XX века). Отметим также возможность употребления выражения *быть*

в грусти, раньше рассматриваемого как неупотребительного сочетания [см.: Матханова, 2001; Цейтлин, 1976], которое активизируется в современной речи.

2.1. Условия, предпосылки и причины транспозиции предложно-падежных форм существительного

Выражающие состояние предложно-падежные формы имени существительного, которые функционируют в именной части составного сказуемого в бисубстантивном предложении, испытывают лексические и грамматические трансформации. Они в разной степени сближаются с категорией состояния и, соответственно, занимают разные звенья шкалы переходности. Чтобы определить, какие предложно-падежные формы потенциально способны к переходу в категорию состояния, нам необходимо выявить предпосылки и условия перехода предложно-падежных форм существительного в категорию состояния.

2.1.1. Условия перехода предложно-падежных форм существительного в категорию состояния

Неотъемлемое условие перехода слов из одной части речи в другой – это функционирование в нетипичных синтаксических условиях [Виноградов, 2001, с. 31; Бабайцева, 2000, с. 187]. Выделение категории состояния как части речи стало возможным именно потому, что имена регулярно выступали в нетипичной

предикативной функции [Щерба, 1957]. Предикативация предложно-падежных форм существительного – исторически сложившееся в русском языке явление: «Семантика предложно-падежных форм существительного в предикативной функции отличается устойчивостью» [Собинникова, 1964, с. 115]. Предикативная позиция усиливает значение отвлечённости предложно-падежных форм, что можно иллюстрировать противопоставлением предложного падежа в разных функциях – предикативной и обстоятельственной: в первом случае реализуется прямое значение слова, во втором – переносное [см.: Андреева, 1964].

Л.А. Андреева отмечает, что разграничить предикативное и обстоятельственное употребление лексем в форме предложного падежа с предлогом *в* непросто, особенно в таком случае, когда «обстоятельственные формы утратили наличную связь с глаголом и в предложении представлены без глагола, т. е. эллипсировались, ср.: *Отец в Москве, Отец в беде, Поезд в тупике, Человек в тупике*» [Андреева, 1964, с. 80]. Отличие будет заключаться в следующем: предложно-падежные формы в предикативной позиции характеризуются употреблением в переносном значении – в метафорическом использовании, кроме это, их заменить глаголом (*Человек в беде, в печали, в горести / Человек бедствует, печалится, горюет*) или установить сочинительную связь с глагольной лексемой (*Он был в беде, но не унывал*), также глагол *быть* в предикативных конструкциях является связкой, а в обстоятельственных представляет собой глагол нахождения, пребывания [Андреева, 1964].

Предложно-падежная форма в предикативной позиции имеет отпечаток абстрактности, её значение формируется в результате метафоризации пространственного значения. Поэтому при разграничении конструкций стит учитывать, что в обстоятельственной функции предложный падеж обозначает пространственность, протяженность (*Отец в Москве*), в то время как в предикативной функции используются абстрактные понятия (*Отец в печали, в страхе, в отчаянии...*) [Андреева, 1964].

В своей работе А.А. Калинин обращает внимание на то, что «предложно-падежные формы существительного активно используются в предикативной позиции в языке второй половины XX – начала XXI вв., состав предикативно функционирующих предложно-падежных форм является достаточно стабильным: центр системы составляют словоформы предложного и родительного падежей» [Калинин, 2003, с. 5]. Исследователь предлагает принцип классификации предикативных предложно-падежных форм существительного с учетом специфики выражения предикативных отношений и выделяет словоформы предикативно свободного (ср.: *Он был в пальто, без шапки, с портфелем* и т. п.) и предикативно связанного употребления (ср.: *Он при смерти, с похмелья, на игле* и т. п.) [Калинин, 2003]. В нашей работе особое внимание уделяется словоформам предикативно связанного употребления – фразеологизированным предложно-падежным единицам: именно они имеют возможность переходить в категорию состояния.

Употребление падежных и предложно-падежных форм в позиции сказуемого

сегодня фиксируется все чаще, одним из наиболее активных значений становится обобщённое значение состояния. Оно приобретает статус особого, характерного только для определённого ряда неспециализированных форм существительного [Лекант, 1976, с. 119]. Процесс актуализации устойчивых предложно-падежных словоформ с семантикой состояния, регулярно функционирующих в позиции предиката, «свидетельствует об увеличении доли неспециализированных форм в системе именной части сказуемого и усилении аналитизма в грамматической форме составного именного сказуемого» [Лекант, 1976, с. 120-121].

Современная жизнь, наполненная постоянными изменениями, стимулирует поиск новых средств выражения семантики состояния, безличные конструкции с безлично-предикативными словами на *-о* уже не удовлетворяют говорящего в полной мере: «Личность получила возможность более свободно выражать свои оценки, характеристики, отношение к миру, что отразилось в языке в виде увеличения частоты употребления предложений, отражающих ментальную деятельность человека, среди которых бисубстантивные предложения занимают заметное место» [Герасименко, 2018, с. 39]. В связи с этим крайне продуктивной становится тип бисубстантивных предложений, составленных из существительного в *И. п.* (или его эквивалента – субстантивированного слова, местоимения-существительного и т. д.) в роли подлежащего и «связочно-субстантивного сказуемого, традиционно выполняющего в русском языке функцию обозначения разных видов состояния лица с использованием формы *П. п.*» [Герасименко, 2018,

с. 41].

Тип неглагольных двусоставных конструкций, бисубстантивные предложения становятся продуктивной синтаксической конструкцией для оформления состояния актуализированного субъекта [Герасименко, 2012; Берестова, 2003]. Структурно-семантической особенностью таких предложений является «полное совпадение понятий грамматический и семантический субъект, поскольку подлежащее этих конструкций всегда называет лицо (субъект состояния)» [Берестова, 2003, с. 9]. Уже существующие в языке формы, не имеющие аналогов среди безличных форм на -о и наиболее подходящие для передачи новых смыслов, активизируются: такому процессу подвержена, в частности, *личная* форма бисубстантивных синтаксических структур как средство выражения семантики состояния, где позиция носителя данного состояния является актуализированной (*Я / ты / мы в гневе, в панике, в стрессе, на эмоциях* и т. д).

Предикативная роль предложно-падежных форм существительного в первую очередь обуславливается значением предлога: не типичным пространственно-временным, а вторичным, более отвлеченным: «Каждый предлог с пространственным значением имеет потенциальные способности на перенос значений при необходимых словарных условиях» [Пешковский, 1956, с. 305]. При этом глагол (*быть, находиться, пребывать* и т. д.) утрачивает своё собственно глагольное значение нахождения, пребывания где-либо, а функционирует как связка, которая делает сочетание предикативным.

Связочная система представлена неоднородными грамматическими формами – связкой *быть*, глаголами-связками и аналитическими именными связками [см.: Попова, 2013]. Помимо типичной связки *быть* слова категории состояния также могут использоваться с глаголами-связками, которые в разной степени обладают признаками глагола. Прежде всего, речь идет о бытийных глаголах – *находиться / пребывать / жить*, обозначающих пассивное, нединамичное состояние. Например: *После финиша он находился в шоке, видимо, не ожидал, что по ледяному желобу можно нестись с такой скоростью* (С. Подушкин, Евгений Попов: «Мне сейчас не до Шумахера» // Известия, 01.03.2002). *Купцы Нижнего Новгорода пребывали в панике и озлобленности* (Бандиты, приятные во всех отношениях // Криминальная хроника, 06.10.2003). *Лучше жить в зависти, чем в жалости* (В.И. Даль, Пословицы русского народа).

Помимо этого, предикативные предложно-падежные формы с семантикой состояния также могут сочетаться с такими глаголами, как *застыть / замирать / останавливаться* (значение прерванного действия): *А когда стало чуть светлее, мальчик и вовсе застыл в ужасе* (М. Тырин, Будет немножечко больно, 2014). *Вся больница, от главврача до последней медсестры, замерла в ужасе – ждали кары* (Л. Улицкая, Казус Кукоцкого (Путешествие в седьмую сторону света) // Новый мир. 2000, № 8). *Вы дышите чистым, кристальным осенним воздухом. И вдруг вы в ужасе останавливаетесь* (И. Мартынов, Это наша с тобой абстиненция // Столица, 18.03.1997). В рассматриваемых предложениях предложно-падежная форма *в ужасе*

не только обозначает состояние субъекта, но и содержит значение причины возникновения данного состояния: *Почему мальчик застыл? – От ужаса.*

Значение сохранения, стабильности состояния, противопоставленное значению изменения, выражает связка *остаться / оставаться*: *Потом все пошли гулять, а Японец остался в школе* (Г.Г. Белых, Лапти, 1929). *Я почти никогда не оставался в одиночестве* (А.А. Ботев, Кот Шредингера // «Волга», 2013).

Встречаются и случаи, когда предикативные предложно-падежные формы сочетаются с глаголами-связками, обозначающими смену состояния, – в значении *‘приходить / прийти в данное состояние и выходить / выйти из него’* и каузативными глаголами, обозначающими *‘привести кого-то в данное состояние и вывести из него’*: *Он пришел в неистовство, побил Подругу и остриг ее, как рабыню* (М.Л. Гаспаров, Занимательная Греция, 1998). *Тётка вышла из оцепенения и ответила бранчливо: «Если двоек не будет»* (Анатолий Азольский, Облдрамтеатр // «Новый Мир», 1997). *Если, рассказывая о прошлом, злоупотреблять старинными выражениями, можно поставить в тупик читателя* (А. Алексеев, Возвращение к фактам, или как восстановить единство истории // «Наука и жизнь», 2006). Подобное функционирование позволяет сказать, что предикативные предложно-падежные формы могут выражать не только статическое, неподвижное состояние, но и динамическое состояние или его изменение.

Глагол-связка не только функционирует как грамматический показатель времени и наклонения: он имеет важное значение в формировании семантики состояния и

предикативной позиции у предложно-падежных форм. С помощью разнообразных глаголов-связок предикативные предложно-падежные формы могут как выражать характеристики собственно состояния (видовые различия), так и приобретать сему причины возникновения данного состояния и другие дополнительные семы. Помимо этого, по мере редукции лексических значений глагола-связки и метафоризации предложно-падежные формы в предикативной функции в большей степени сближаются с категорией состояния.

Таким образом, бисубстантивные предложения предоставляют благоприятные условия для перехода предложно-падежных форм существительного в категорию состояния, а употребление с разнообразными глаголами-связками способствует обогащению семантических оттенков, представленных предложно-падежными формами.

2.1.2. Предпосылки перехода предложно-падежных форм существительного в категорию состояния

Детально изучив грамматические явления переходности, В.В. Бабайцева сделала вывод о том, что «предпосылки перехода слов из одной части речи в другую, из одного лексико-грамматического разряда в другой кроются прежде всего в значении слов – лексическом и грамматическом» [Бабайцева, 2000, с. 189]. Как грамматические класс имена существительные уже имеют предрасположенность к переходным процессам: «Имя существительное говорит о представлении,

об известном состоянии, об образе, о явлении» [Виноградов, 2001, с. 50]. В категорию состояния переходят предложно-падежные формы тех существительных, в индивидуальном лексическом значении которых есть сема состояния. В отличие от глагола, имя существительное обозначает недейственное состояние предмета. Статичность и неактивность, являющиеся одними из ключевых семантических признаков имени существительного, служат основанием для перехода форм существительного в категорию состояния.

В русском языке существует лексико-семантическая группа суффиксальных отглагольных абстрактных имён существительных, обозначающих психическое и физическое состояние человека: *восхищение, испуг, обида, огорчение, беспокойство, волнение, страдание, мука, мучение, переживание, разочарование, бодрствование, дремота, жажда, изжога, воспаление, заболевание* и т. д. [Громакова, 2008].

Выделяются также группы существительных с определёнными суффиксами, обозначающими абстрактное значение – состояние: (1) *-ство, -ество*: *вдовство, девство, одиночество, довольство, единство, бегство, беспокойство, беспамятство, бешенство, замешательство, неистовство*; *-ствие*: *противодействие, спокойствие*; (2) *-ие, -ье*: *веселье, раздумье, волнение, восхищение, возмущение, отчаяние, сопротивление, исступление, недоумение, нетерпение, смущение, смятение*; (3) *-ота*: *чистота, тошнота, слепота, немота, глухота, суета, нищета, беднота*. Кроме того, имеется немало лексем со значением эмоционального состояния человека: *восторг, тоска, печаль, ужас, шок, гнев, депрессия, паника, тревога, ярость, скука* и

др. Эти существительные при употреблении с предлогом способны переходить в категорию состояния [см.: Цейтлин, 1976].

Опираясь на выделенные Т.В. Шмелевой 5 сфер состояния, Н.А. Герасименко различает три основные семантические разновидности: психо-физическое состояние лица (*во сне, в забытии, в беспамятстве, в памяти, в агонии, в кризе, в обмороке, в депрессии, в ступоре, в шоке* и др.), эмоционально-интеллектуальное состояние лица (*в восторге, в отчаянии, в испуге, в страхе, в ужасе, в опасности / безопасности, в горе* и др.) и социальное состояние лица (*в бегах, в труде, в делах, в службе, в разъезде, в движении, в плену* и др.) [Герасименко, 2012]. А.А. Калинин предлагает разделить предложно-падежные формы на словоформы, которые обозначают «значения качественного состояния лица или предмета: *в тревоге, в движении, на подъёме, при смерти* и т. п., близкие к ним модально-оценочные значения: возможности / невозможности: *(не) в силах, (не) под силу, (не) по силам, (не) в состоянии* и т. п., и значение оценки лица или предмета со стороны логико-смысловой или эмоционально-экспрессивной: *(не) к добру, (не) по вкусу, (не) по правилам, (не) в тягость* и т. п.» [Калинин, 2003, с. 14].

Как мы отметили, предикативные предложно-падежные формы существительного, которые в исходном значении обладают семой состояния, проявляют активность в переходе в категорию состояния. Помимо этого, существует разряд словоформ, у которых значение состояния возникает в качестве переносного значения в результате **метафоризации**. К данному разряду словоформ относятся

такие лексемы, как *в шоколаде, в моменте, в потоке, в плюсе, в минусе, в трауре, на винтах, на игле, на ножках, на ногах, под кайфом* и т. д. Все эти словоформы сохраняют значение предметности и живые связи с другими членами парадигмы, однако одна из форм словоизменительной парадигмы в результате устойчивого употребления подвергается метафоризации и, приобретая большую степень абстрактности, развивает новое значение – значение состояния. Сравним: *Она была в трауре с длинной вуалью* (В. Брюсов, НКРЯ⁷). *Когда он умер в Санкт-Петербурге в 1719 году, царь не только посетил отпевание, но и шёл в трауре за гробом Стрешнева до самого монастыря* (НКРЯ⁸). *А теперь мой бедный Париж в трауре* (НКРЯ⁹). В первом примере *в трауре* употребляется в прямом значении существительного – ‘*в одежде, повязке, носимой в знак скорби*’. Второй пример (сочетание словоформы с глаголом *шёл*) отмечен синкретизмом семантики: ‘*быть в траурной одежде + быть в состоянии скорби*’. В последнем примере словоформа в сочетании с глаголом-связкой употребляется как устойчивый оборот со значением ‘*в состоянии скорби*’.

В результате метафорического переноса у словоформы *в шоколаде* появляется значение ‘*получить выгоду, быть в приятной ситуации, везении*’. Если человек *в шоколаде*, значит, ему повезло, посчастливилось, его сопровождает удача.

⁷ Цит. по НКРЯ: Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 03. 03. 2022).

⁸ Там же.

⁹ Там же.

Употребление такого метафорического переноса исходит из символического значения шоколада, с которым ассоциируется чувство удовольствия, счастья и весёлой жизни, ср.: *Я вся – в шоколаде* (Леонид Зорин, Юпитер (2001) // «Знамя», 2002). *Если наша команда верх возьмет – одна песня: мы все будем в шоколаде* (Даниил Корецкий, Менты не ангелы, но... 2011).

Рассматривая связь чувственного и рационального, эмоциональных реакций и интеллектуальной деятельности человека, Е.М. Вольф утверждает, что возникновение эмоций связано с физиологическим возбуждением, с одной стороны, с другой – с когнитивным действием по идентификации эмоций – осознанием и интерпретацией ситуации [Вольф, 2002, с. 214-216]. Оценка обусловлена самой человеческой природой: «Находясь в том или ином состоянии, субъект сам сознает ценностную реальность и как бы живет в ней» [Вольф, 2002, с. 228]. В речевом акте говорящий, выражая свое состояние (*Мне грустно; Я рада; Мы в шоке*), одновременно передает свое отношение к объекту, ставшему первопричиной данного состояния.

Все лексемы, входящие в круг слов с семантикой состояния, имеют оценочную или потенциально-оценочную сему в лексическом значении. Слова состояния «группируются под углом зрения субъективной оценки: *хорошо – плохо – безразлично*» [Милованова, 2018, с. 8]. Так, среди слов состояния с положительной оценкой можно отметить такие лексемы, как *в восторге, в порядке, в курсе, в плюсе* и другие. Отрицательная оценка будет характерна для таких лексем, как *в тревоге,*

в тоске, в кашле, в мокроте, в соплях, в слезах, не в настроении, в минусе и других. Помимо этого, «среди объектов окружающего мира имеется зона, безразличная по отношению к оценке» [Вольф, 2002, с. 17]. М.С. Милованова подчеркивает смысловую значимость безразличного / никакого / среднего с точки зрения оценки для современного носителя русского языка, включая в список лексем с безразличной оценкой такие слова категории состояния, как *всё равно, без разницы, по барабану* и т. д. [Милованова, 2018, с. 8].

Итак, предпосылки перехода предложно-падежных форм существительного в категорию состояния заключаются в том, что в их индивидуальном лексическом значении есть сема состояния, сопровождающаяся оценочной или потенциально-оценочной семой. Сема состояния или уже зарождается в прямом значении существительного, или возникает в результате метафоризации, происходящей в синтаксических условиях бисубстантивных предложений, где предложно-падежные формы функционируют в предикативной позиции.

2.1.3. Причины перехода предложно-падежных форм существительного в категорию состояния

Монография В.В. Бабайцевой «Явления переходности в грамматике русского языка» открывается словами Л.В. Щербы: «... Надо помнить, что ясны лишь крайние случаи. Промежуточные же в самом первоисточнике – в сознании говорящих – оказываются колеблющимися, неопределёнными» [Щерба, 1958, с. 36].

Существование явлений переходности в языке и речи обусловлено спецификой человеческого сознания, его перенчивостью и непостоянностью. При определении причин перехода предложно-падежных форм существительного в категорию состояния мы должны учитывать и экстралингвистические факторы – «разнообразные и сложные явления действительности и связи между ними и всё растущее стремление точнее и полнее отразить их языковыми средствами» [Бабайцева, 2000, с. 179].

В современном обществе наблюдается трансформация сознания человека и, соответственно, переоценка ценностей: «гносеологический (познавательный) подход к восприятию действительности вытесняется аксиологическим (оценочным)» [Милованова, 2019, с. 64] – субъект стремится не столько познать мир вокруг себя, сколько подвергнуть его оценке. Развитие, модернизация социально-экономических и политических отношений сопровождается индивидуализацией членов общества, обусловленной, прежде всего, усложнением современного социума, резко возросшим желанием адаптации индивидов к переменам, порождаемым бурным технологическим развитием [Бауман, 2002, с. 8]. Трансформация социально-экономической реальности, изменение пропорций реального и виртуального общения непосредственно воздействует на ценности человека, этику, отношение к обществу и образ восприятия мира.

«Внимание к себе как к личности, своему развитию косвенно отражается на растущей частоте употребления лексем с компонентом *само-*»

[Шамсутдинова, 2022, с. 87]. По результатам опросов, проведенных экспертами в последние десятилетия, *самовыражение* и *самореализация* являются основной ценностной ориентацией. Как показывает исследование, проведенное авторским коллективом Государственного университета управления по теме «Изучение особенностей формирования социальных представлений студенческой молодежи о современном мире», в список основных ценностей современной российской молодежи входят *материальные ценности, любовь / отношения, дружба / социальные контакты / общение, патриотизм / гражданская позиция, культурные ценности / культурная идентичность, карьера, индивидуализм, здоровый образ жизни, образование / знания, социальная успешность / социальный статус, семья, удовольствия, стремление к переменам* [Чуев, 2017, с. 49]. Причем наиболее приоритетными, по мнению экспертов, являются *ценности материального достатка, карьеры, общения, самовыражения, индивидуализма* [Там же].

По данным социологических опросов среди молодежи России и Казахстана, проведенных в период с октября 2017 года по май 2018 года, молодое поколение «личностные особенности (*уверенность в себе, целеустремленность, независимость*), характеризующие *лидерские качества*, считает более приоритетными, нежели общечеловеческие качества (*ответственность и доброта*)» [Ростовская, Калиев, 2019, с. 155]. Опросы показывают, что для нынешней молодежи крайне важны самовыражение и субъективное благополучие, что подтверждает «высокий уровень использования молодежью социальных сетей, в особенности:

ВКонтакте, Instagram, Facebook, которые в свою очередь могут выступать инструментами свободного и откровенного самовыражения и самореализации» [Там же].

Стремление современного человека (и прежде всего молодёжи) к *самореализации* и *самовыражению* находит отражение в речевой деятельности человека. В современном русском языке наблюдается общая активизация местоимений: «... в непрерывном оценивании всего вокруг с позиции **Я-здесь-сейчас** проявляются трансформационные процессы, затрагивающие аксиологическое сознание современного человека, и в первую очередь – поворот к своему **Я**, к *себе*» [Шамсутдинова, 2020, с. 196]. На наш взгляд, «поворот к *себе*» находит отражение в упрочении личного местоимения в позиции подлежащего, ср.: *Из тех, кто может свою судьбу перевернуть и из тех, кто плывет по течению. Вот ты смог и я смог. А Коля этот, у него даже мечты нет!* (Форум: комментарии к фильму «Все будет хорошо», 2008-2011). **Я рад, честно рад, что здесь мы солидарны** (Переписка в icq между agd-ardin и Герда, 17.03.2008).

Выбор формы именительного падежа имени существительного или личного местоимения и всей конструкции бисубстантивного предложения с моделью «‘подлежащее со значением лица + связка + предложно-падежная форма существительного’ (*модель S + связка + предикативная предложно-падежная форма*)» [Милованова, 2022, с. 164] в целом только закрепляет тенденцию к актуализации личности: *Если честно, то я от них в шоке... чудом избежали*

позора для себя... (Гооооол! 2006). *А Весля молодец, с 1998 года не ожирел, [Весля] держится в форме* (коллективный. Форум: Блэйд (трилогия) Blade 2008-2010). *Пока нет закона, основываясь на который можно отчислять чел-ка если он под кайфом!!!* (Наркотики (форум) 2005).

Как отмечает В.В. Бабайцева, «все преобразования, отражённые в языковой системе, происходят первоначально в условиях речи, в речевой деятельности говорящих, подыскивающих наиболее точные языковые средства для выражения мысли во всём богатстве её оттенков, с той точностью, которую хочет выразить говорящий» [Бабайцева, 2000, с.186]. Усложнение мышления современного человека требует языковых средств для выражения тонких и сложных чувств и эмоций. Предикативные предложно-падежные формы существительного, сохраняющие исходную синтаксическую валентность, позволяют говорящим выразить мыслечувствования в деталях, ср.: *И опять были эмоции: на сей раз Сантини был в невероятном восторге!* (И.К. Архипова, Музыка жизни, 1996). *Лет 10 назад был бы в форменном восторге* (Форум: Блэйд (трилогия) Blade, 2008-2010). *Я в жутком шоке – такой прыти от нее не ожидал* (Арас Агаларов, Ольга Ципенюк, «Мне создавать хочется» // «Огонек», 2015). Предикативность (или глагольность) предикативных предложно-падежных форм существительного придает словоформам – подобно глаголу – способность к управлению: *Я просто в восторге от того, как архитекторы Херцог и де Морон сумели превратить старую электростанцию в художественную галерею* (Юлия Пешкова, Пиковый

kozyрь // «Домовой», 2002.01.04). *Я правда не в курсе, имела ли место покраска волос:-)* (Наши дети: Подростки, 2004). *Насколько даже я в теме, там много мелочей, и мы, возможно, что-то еще уточним...* (Роман Солнцев, Полураспад. Из жизни А.А. Левушкина-Александрова, а также анекдоты о нем (2000-2002) // «Октябрь», 2002). Промежуточный статус предикативных предложно-падежных форм существительного, занимающих положение между существительным и категорией состояния, расширяет сочетаемостные возможности словоформ, чем обусловлено богатство и оттенки выражения семантики состояния.

Итак, мы полагаем, что причины перехода предложно-падежных форм существительного в категорию состояния заключаются в усилении языкового эгоцентризма в сознании носителей языка, стремлении к самовыражению и самореализации. Предикативные предложно-падежные формы существительного, сочетающие дифференциальные признаки существительного и категории состояния, дают носителям языка возможность найти наиболее точные языковые средства для выражения мысли о состоянии во всём богатстве её оттенков, что соотносится с тенденцией к актуализации личности в общественном сознании.

Семантика состояния непрерывно расширяет свои границы, пополняясь новым содержанием. Стремительное развитие семантики состояния заключается не только в появлении новых лексем с данной семантикой, но и в актуализации синтаксической конструкции бисубстантивных предложений, которая предоставляет благоприятные условия для оформления актуальной мысли о состоянии. В этих условиях

предложно-падежные формы имени существительного подвергаются лексической и грамматической трансформации и находятся на разных стадиях перехода из существительного в категорию состояния.

Условия перехода заложены в возможности словоформы «изолироваться» от общей системы склонения – употребляться со связкой как устойчивый оборот, выполняя роль сказуемого в бисубстантивном предложении. Лексические предпосылки перехода словоформ заключаются в наличии семы состояния и оценочной (или потенциально-оценочной) семы. Тенденция к актуализации личности в общественном сознании способствует продуктивному употреблению личной конструкции, построенной по модели «*S + связка + предикативная предложно-падежная форма*», служащей для оформления актуальной мысли о состоянии.

2.2. Семантика и функционирование транспонированных актуальных единиц предикативных предложно-падежных форм существительного

2.2.1. Анализ предикативных предложно-падежных форм по семантическим разновидностям

В категорию состояния из существительного переходят предикативные предложно-падежные формы, в индивидуальном лексическом значении которых есть сема внутреннего состояния. Эти словоформы «группируются под углом зрения субъективной оценки: *хорошо – плохо – безразлично*» [Милованова, 2018, с. 8]. Слова категории состояния, которые употребляются в бисубстантивных предложениях, синкретичны по своей грамматической сути. Они характеризуются и бóльшим семантическим объёмом, чем классические представители категории состояния, и бóльшим разнообразием семантических вариантов. Опираясь на критерии классификации типов семантических разновидностей слов категории состояния, разработанные многочисленными учёными и исследователями [Пряников 2000; Матханова, 2001; Берестова, 2003; Герасименко, 2012 и т. д.], мы четыре семантических разновидности, реализуемые предикативными предложно-падежными формами: *психоэмоциональное состояние, физиологическое состояние, социальное состояние и новейшие разновидности состояния*, разнообразие которых невозможно зафиксировать полностью.

Психоэмоциональное состояние

По нашим наблюдениям, психоэмоциональное состояние выражается, как правило, предикативными предложно-падежными формами, для которых типичны следующие значения: *эмоциональное состояние (положительное, отрицательное, амбивалентное), состояние удивления, медитативное состояние* и т. д.

Предикативные предложно-падежные формы *в восторге, в восхищении, в радости, в предвкушении, в веселье, в духе* обозначают повышенное настроение: *Подарок уже подарили: рыцарский замок:)). В восторге всё семейство:))* (Наши дети: Подростки, 2004). *Настоящая рукопись настоящего рассказа, я был в восхищении* (А.И. Слаповский, Библиотека // «Волга», 2013). *Конечно, и мамаша, и Сашенька, и сам я – все в радости и восторге, а вместе с тем подумать: до чего неразумен человек!* (Л.Н. Андреев, Иго войны, 1916). *Мы все в предвкушении – погреем свои косточки* (Отзыв на сайте о летнем лагере, 2003). *И, как каждый подлинно чистый человек, он, этот герой, не несет на себе язв Америки – он в веселье и в печали человечен* (С.А. Дангулов, Сароян, 1981). *Я был в духе, импровизировал разные необыкновенные истории; княжна сидела против меня и слушала мой вздор с таким глубоким, напряжённым, даже нежным вниманием, что мне стало совестно* (М.Ю. Лермонтов, Герой нашего времени, 1839-1841).

Словоформы *в упоении, в экстазе* и фразеологизм *на седьмом небе* обозначают повышенное настроение с переживанием высшей степени радости, восторга, воодушевления: *...сладко пропел Мельхиор, принимая последние цветочки. – Я*

в упоении! Смотрите, брат, теперь и вы в экстазе! (И.А. Гончаров, Обрыв, 1869).
Я был на седьмом небе от счастья, исполнилась моя мечта и, если надо ждать, буду ждать (Анатолий Рыбаков, Тяжелый песок, 1975-1977).

Словоформа в *умилении* обозначает *‘нежное, теплое чувство, возбуждаемое чем-л. трогательным’*¹⁰: *Сегодня вечером я в умилении от папа. Пошли мы с ним после обеда к Самариным за книгами для переделки в маленькие Чертковские издания* (Т.Л. Сухотина-Толстая, Из дневника, 1880-1910).

Положительное эмоциональное состояние обозначают также словоформы, исходными компонентами которых является предлог *без* и существительное с лексическим значением отрицательного эмоционального состояния: *без волнений, без горя, без забот, без печали, без страха, без тревог*, например: *Я живу близ Охотского моря, где кончается Дальний Восток. Я живу без тоски и без горя, строю новый в стране городок* (Анатолий Жигулин, Черные камни, 1988). *После обеда он поехал на поля за травой. Размышляя дорогой о своей жизни, Артем решил плюнуть на все и жить без тревог, без забот, так, как жил до того вечера, когда Маняшка впервые увела его в хоровод* (Г.М. Марков, Строговы. Кн. 2, 1936-1948). *Потому из чего нам буянить? Мы знаем, что господа нас не минуют, – поэтому мы совсем без печали... О чем печалиться-то?* (А.И. Левитов, Беспечальный народ, 1869).

Словоформы с отрицательной частицей *не* – *не в духе, не в настроении, не*

¹⁰ Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 4. С–Я. С. 491.

в авантаже, не в своей тарелке, объединяются общей семой 'в плохом настроении, в дурном самочувствии, в плохом расположении духа', ср.: *Лучше всего, если вы не пойдёте к директору, – сказала Клара. – Он, по-моему, что-то очень не в духе* (Ю.О. Домбровский, Факультет ненужных вещей, часть 1, 1978). *Она сегодня была явно не в настроении – черные волосы, черные глаза, черное платье...* (Татьяна Тренина, *Никогда не говори «навсегда»*, 2004). Существительное *авантаж* в Толковом словаре Ушакова объясняется как 'выгода, благоприятное положение, в авантаже (разг. устар.) – в блестящем виде, в выгодном свете (о внешности)'¹¹, словоформа *не в авантаже* обозначает 'в плохом, дурном самочувствии, состоянии кто-либо'¹², ср.: *Кстати, Веселкин рассказал, что родной наш Смоленск наполнился жидями. И так, русские не в авантаже!* (архиепископ Николай Японский (Касаткин), *Дневник*, 1900). *Раз до сих пор не капнул, значит, пронесло. Я же вижу, ты не в своей тарелке. Ты же гробанешься с таким настроением!* (Фазиль Искандер, *Сандро из Чегема* (Книга 2), 1989). Словоформа *не в себе* употребляется в значении 'В сильном душевном расстройстве; не похож на себя; в состоянии помрачения рассудка, часто близком к потере сознания'¹³. Если человек пребывает *не в себе*, значит, он находится в необычном для себя состоянии, чувствует себя не так, как всегда, ощущает потерю душевного равновесия, испытывает внутренний

11 Толковый словарь Ушакова. Д.Н. Ушаков. 1935-1940. <https://gufo.me/dict/ushakov/%D0%B0%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%B0%D0%B6>

12 Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель, АСТ. А. И. Фёдоров. 2008. <https://phraseology.academic.ru/8/%D0%9D%D0%B5%D0%B2%D0%B0%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%B0%D0%B6%D0%B5>

13 Телия В.Н. (ред.) Большой фразеологический словарь русского языка. М.: АСТ-Пресс. 2006. https://phrase_dictionary.academic.ru/1433/%D0%9D%D0%95%D0%92%D0%A1%D0%95%D0%91%D0%95

дискомфорт: – *Извини... Я сегодня немного не в себе. Я растерялся* (Вера Белоусова, Второй выстрел, 2000).

Переживание эмоционального дискомфорта, тревожное состояние обозначают словоформы *в тревоге, в беспокойстве, в волнении*, ср.: *Читаю пьесу, и, может быть, даже яснее, чем прежде, всплывает основа: все эти люди в тревоге* (Анатолий Эфрос, Профессия: режиссер, 1975-1987). *Но он был в беспокойстве, ерошил волосы и подпирал иногда, в тоске, обеими руками голову, положив продранные локти на залитый и липкий стол* (Ф.М. Достоевский, Преступление и наказание, 1866). *Петенька тоже был в волнении, хотя и не в таком изрядном и совершенно по другому поводу* (С.И. Шуляк, Квартира номер девять. Роман с чертовщиной // «Волга», 2013).

Сема *‘состояние грусти’* объединяет словоформы *в грусти, в печали, в тоске, в унынии, в депрессии, в отчаянии, в расстройстве, в горе, в муках, в огорчении, в прострации, в слезах, в скуке, в трауре* и другие. Словоформа *в грусти* употребляется со значением *‘чувство легкого томного уныния, тоскливой печали’*¹⁴: *Я вот тоже в грусти...* (Беременность: Планирование беременности (форум), 2005). Словоформа *в печали* обозначает *‘скорбно-озабоченное, нерадостное, невеселое настроение, чувство’*¹⁵: *А то пришла в чужой дом и права качает – не трогайте меня, я вся в печали...* (Женщина + мужчина: Брак (форум), 2004). Словоформа *в тоске* обозначает *‘тяжелое гнетущее чувство, душевную тревогу, состояние*

¹⁴ Толковый словарь Ушакова. Д.Н. Ушаков. 1935-1940. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/783598>

¹⁵ Толковый словарь Ушакова. Д.Н. Ушаков. 1935-1940. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/935926>

душевного томления, сильной скуки, уныния': *А я вот весь в тоске*, – говорю я, – почему это мне Градусов приказать забыл? (Алексей Иванов, Географ глобус пропил, 2002). Словоформы *в горе, в огорчении* называют 'повышенную степень грусти, печали': *Сестра в горе, дети, слава богу, пока еще не знают о нависшей над ними беде* (Петр Акимов, Плата за страх, 2000). *Но теперь – ничего не могу. Надя моя в огорчении: у них в родильное отделение попал откуда-то дифтерит, и роженицы мрут ужасно, так что пришлось прекратить прием. Без своего милейшего Франца Егоровича (Фельдмана) я чувствую себя совсем сиротой* (В.М. Гаршин, Письма Е.С. Гаршиной, 1884). Близкое по смыслу выражение – *в расстройстве* ('состояние упадка, неблагополучия, вследствие понесенного ущерба, нарушения порядка в чем-л.; плохое, подавленное настроение; огорчение'¹⁶), ср.: *Даже дети в расстройстве оттого, что сигареты стали «возвышенными»* (Марина Булгакова, Надежда Куртенина, Кризис глазами детей // «Нижегородские губернские ведомости», 1998.09.11).

Словоформа *в унынии* обозначает 'мрачное, подавленное состояние духа'¹⁷: *Он по-прежнему в унынии и напуган: кажется, сжег свою записку «О созвании депутатов» – плод восьмилетних трудов* (Ю.Н. Тынянов, Пушкин, 1935-1943). Словоформа *в депрессии* называет 'психическое расстройство, основными признаками которого являются сниженное – угнетённое, подавленное, тоскливое, тревожное, боязливое или безразличное – настроение и снижение или утрата способности

¹⁶ Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 3. П–Р. С. 668.

¹⁷ Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 4. С–Я. С. 499.

получать удовольствие'¹⁸: После похорон она долго была **в депрессии** (Елена Тихонова, Жениться надо на училках! // «Амурский Меридиан» (Хабаровск), 2004.12.22). В словоформу *в отчаянии* включена не только сема подавленного состояния, но и значение *‘состояние безнадежности, безвыходности’*: Я был **в отчаянии**, но упорно продолжал поиск. (Аркадий Мильчин, В лаборатории редактора Лидии Чуковской // «Октябрь», 2001). В *прострации* обозначает *‘угнетенное, подавленное состояние, сопровождающееся полным упадком сил, безразличным отношением к окружающему’*: Олег **в прострации**, Лиля с собой борется, чтобы в кататонию не погрузиться, ребенок не в счет... (Ольга Новикова, Каждый убивал // «Сибирские огни», 2012).

Вокруг значения *‘состояние раздражения, гнева, душевного возбуждения’* группируются предикативные предложно-падежные формы *в гневе, в бешенстве, в иступлении, в неистовстве, в раздражении, в ярости, ср.*: Король Филипп IV был **в гневе**: его стране как никогда требовались деньги (Ренат Темиргалеев, Сокровища под парусами // «Зеркало мира», 2012). Долго мы там просидели – и под конец ему уже это надоело, он уже **в бешенстве** (Шура Буртин, Зелимхан Читигов, Сто часов в аду // «Русский репортер», № 37 (215), 22 сентября 2011). Он всегда **в раздражении**, всегда открыт к его сердцу путь всему злему. Такой человек не знает легкости (Конкордия Антарова, Наука радости // «Семейный доктор», 2002.01.15). В *иступлении* (со значением *‘состояние крайней степени душевного возбуждения,*

¹⁸ [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B5%D0%BF%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%81%D0%B8%D1%8F#:~:text=%D0%94%D0%B5%D0%BF%D1%80%D0%B5%CC%81%D1%81%D1%81%D0%B8%D1%8F%20\(%D0%BE%D1%82%20%D0%BB%D0%B0%D1%82.%20deprimo%20C2%AB%D0%B4%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D1%82%D1%8C,%D1%83%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B0%20%D1%81%D0%BF%D0%BE%D1%81%D0%BE%D0%B1%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8%20%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%83%D1%87%D0%B0%D1%82%D1%8C%20%D1%83%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B8%D0%B5%20\(%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D1%8F\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B5%D0%BF%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%81%D0%B8%D1%8F#:~:text=%D0%94%D0%B5%D0%BF%D1%80%D0%B5%CC%81%D1%81%D1%81%D0%B8%D1%8F%20(%D0%BE%D1%82%20%D0%BB%D0%B0%D1%82.%20deprimo%20C2%AB%D0%B4%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D1%82%D1%8C,%D1%83%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B0%20%D1%81%D0%BF%D0%BE%D1%81%D0%BE%D0%B1%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8%20%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%83%D1%87%D0%B0%D1%82%D1%8C%20%D1%83%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B8%D0%B5%20(%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D1%8F))

*сопровождающееся потерей самообладания, неистовство*¹⁹) и в ярости (со значением *'сильный гнев, озлобление'*²⁰) отмечаются высокой степенью гнева и раздражения: *Все точно в исступлении от затаенной страсти Версилова* (Н.А. Бердяев, *Мирозерцание Достоевского*, 1923). *Я просто в ярости, – забыла дом!..* (А.Н. Толстой, *Хождение по мукам. Книга третья. Хмурое утро*, 1941).

Состояние страха, испуга обозначают словоформы в ужасе, в страхе, в трепете: *Мессир, я в ужасе, – завыл кот, изображая ужас на своей морде, – на этой клетке нет короля* (М.А. Булгаков, *Мастер и Маргарита*, часть 2, 1929-1940). *А люди уже были в страхе, они уже не могли считать эту власть своей* (Юрий Борисенко, *Западная Украина и Западная Белоруссия: депортации 30-х годов // «Знание – сила», 2009*). *Признаюсь, я был в трепете, я собирался на великое дело; сердчишко во мне билось, как у котенка, когда его хватает чья-нибудь костлявая лапа за шиворот. – Позвольте, monsieur Ползунков!* (Ф.М. Достоевский, *Ползунков*, 1848).

Словоформы в замешательстве, в растерянности, в смятении, в панике, в смущении активно употребляются в предикативной позиции со значением *'состояние замешательства, паники, смущения от сильного волнения'*, к примеру: *Валуев был в замешательстве: то ли Богинов и в самом деле его разыгрывает, то ли приставлен к команде каким-то учреждением, которое снабжает его валютой?* (Евгений Рубин, *Пан или пропал. Жизнеописание*, 1999-2000). *Он был*

¹⁹ Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1. А-Й. С. 687.

²⁰ Толковый словарь Ушакова. Д.Н. Ушаков. 1935-1940. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1099854>

в растерянности: Таня поступила совсем уж никудашно (Людмила Улицкая, Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000). *Шурасик виновато почесал щеку. Он был в смятении. «Туалетная вода дрянь!»* (Дмитрий Емец, Таня Гроттер и колодец Посейдона, 2004). *Одно время от безысходности я была просто в панике* (Эльвира Савкина, Если впрягаюсь, то основательно // «Дело» (Самара), 2002.05.03). *Анеля была в смущении: как оставить троих малолетних на руках шестнадцатилетней девочки?* (Людмила Улицкая, Медя и ее дети, 1996).

Отметим, что словоформы со значением эмоционального состояния характеризуются ярким отпечатком оценки – положительной или отрицательной. В контекстах употребления рассмотренных предикативных предложно-падежных форм выражается не только эмоциональное состояние реферируемых лиц, но и их отношения к объекту оценки. Подчеркнем, что в состав лексем со значением эмоционального состояния входят словоформы, обозначающие *амбивалентное, недифференцированное эмоциональное состояние*, определить субъективные оценки которых можно только в конкретных контекстах, к примеру: *на эмоциях, вне себя*. Ср.: *Когда вчера я ей позвонил, она была такая веселая и возбужденная – в общем, вся на эмоциях* (Николай Леонов, Судить будет полночь, 2010). Словоформа в предложении очевидно имеет положительную оценочную сему *хорошо – в хорошем настроении*.

На эмоциях, выражающее отрицательную оценку, фиксируем в следующих предложениях: *Как видите, нюансов множество, и учесть их все сгоряча,*

на эмоциях, сложно (Наталья Царенко, «Как мы портим наших детей: коллекция родительских заблуждений», 2015). *Непонятно все-таки, Юрий Сергеевич, как удалось Столетову протащить на комсомольском собрании хамскую резолюцию? Неужели только на эмоциях? Расскажите, пожалуйста. Петухов наконец переменил положение: выпрямился, расцепил руки, поправил галстук* (Виль Липатов, И это все о нем, 1984). Употребляясь в качестве лексемы состояния с отрицательной оценкой, данная словоформа реализует значение *‘не думая разумом, а под влиянием эмоций и чувств’*.

«Функционирование сложных предложно-падежных сочетаний интересно с той точки зрения, что практически каждое из них относится к переходной зоне в системе частей речи, т. е. категориальный статус таких единиц неустойчив и во многом зависит от контекста» [Сарайкин, 2000, с. 163]. Впрочем, иногда даже контекст не даёт возможность однозначной оценочной интерпретации: *То, что в Москве, на эмоциях, вызывало восторг, здесь, на холодную голову, выглядело ужасно* (Наталья Бестемьянова, Игорь Бобрин, Андрей Букин, Пара, в которой трое, 2000-2001).

Значение *амбивалентного эмоционального состояния* также имеет словоформа *вне себя* – *‘в состоянии крайнего возбуждения: раздражение, возмущение, негодование, волнение, радость, счастье, невозможность контролировать себя’*, субъективная оценка которой также определяется контекстуально. Словоформа обозначает крайнюю степень эмоционального состояния

– или положительного, или отрицательного. В этих случаях словоформа обладает положительной оценкой: *Я просто вне себя от восторга, – сказал он, – видеть в этих мрачных стенах такую очаровательную женщину, слушать её!* (Ю.О. Домбровский, Факультет ненужных вещей, часть 5, 1978). *Импровизатор ещё от роду не видал столько монеты и был вне себя от радости* (В.Ф. Одоевский, Импровизатор, 1833). В следующих случаях словоформе приписывается отрицательное оценочное значение: *Он был вне себя от гнева, велел мне уйти из класса и пойти к инспектору* (Г.А. Газданов, Вечер у Клэр / начало романа, 1930). *Царевич был вне себя от горя и, как отмечал Плейер, несколько раз падал в обморок* (Алексей Морохин, «Аншальт учинить» (2007) // «Родина», 2011).

В группе «психоэмоциональное состояние» также относятся словоформы со значением *состояния удивления*, к примеру, *в шоке, в недоумении, в ауте* и т. д. Словоформа *в шоке* употребляется со значением *‘состояние крайнего потрясения, подавленности, растерянности или изумления’²¹*: *Пятнадцать лет назад я был на стажировке в Америке и, конечно, был в шоке* (Татьяна Гурова, Игорь Лукашов. Регулярный фитнес // «Эксперт», 2014). *Мы в шоке от тарифов, рассказывал Сергей Тюляндин* (Галина Костина, Государство против рака // «Эксперт», 2015). Кроме того, словоформа *в шоке* употребляется для обозначения физиологического

²¹ <https://ru.wiktionary.org/wiki/%D1%88%D0%BE%D0%BA#:~:text=%D0%97%D0%BD%D0%B0%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5.%20%D0%BC%D0%B5%D0%B4.%20%D0%BE%D0%B1%D1%89%D0%B5%D0%B5%20%D1%82%D1%8F%D0%B6%D1%91%D0%BB%D0%BE%D0%B5%20%D1%80%D0%B0%D1%81%D1%81%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE,%D0%B8%20%D0%B1%D1%8B%D0%BB%20%D0%B2%20%D0%B3%D0%BB%D1%83%D0%B1%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D0%BC%20%D1%88%D0%BE%D0%BA%D0%B5>

состояния, указывая на *‘тяжёлое расстройство функций организма, вызванное нарушением нервной регуляции жизненно важных процессов вследствие сильного физического повреждения или психического потрясения²²’*: Я была в трансе и в шоке, поэтому продолжала задавать бессмысленные вопросы (А.И. Слаповский, 100 лет спустя. Письма нерожденному сыну (окончание) // «Волга», 2009).

Словоформа *в недоумении* употребляется со значением *‘состояние сомнения, колебания, как следствие того, что субъект не может понять, в чем дело²³’*: Тютчев был *в недоумении от жизни, в недоумении от любви* (А.Н. Бузулукский, Пальчиков // «Волга», 2014). Словоформа *в ауте* имеет значение *‘очень удивиться чему-л, быть вне себя от ужаса, от возмущения, от нервной встряски²⁴’*: Честно, я была в шоке...вроде бы показательная зона, но ремонта не было ну очень давно... есть приличные комнаты, есть, мягко говоря, не очень, туалет и душ кошмар (((я *в ауте* была... (коллективный. Форум: Колонии Нижегородской области, 2009-2011).

Семантику психоэмоционального состояния представляет и значение *медитативного состояния*, к которому относятся такие словоформы, как *в раздумьях, в размышлениях, в задумчивости*, называющие *‘состояние*

²² <https://ru.wiktionary.org/wiki/%D1%88%D0%BE%D0%BA#:~:text=%D0%97%D0%BD%D0%B0%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5.%20%D0%BC%D0%B5%D0%B4.%20%D0%BE%D0%B1%D1%89%D0%B5%D0%B5%20%D1%82%D1%8F%D0%B6%D1%91%D0%BB%D0%BE%D0%B5%20%D1%80%D0%B0%D1%81%D1%81%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE,%D0%B8%20%D0%B1%D1%8B%D0%BB%20%D0%B2%20%D0%B3%D0%BB%D1%83%D0%B1%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D0%BC%20%D1%88%D0%BE%D0%BA%D0%B5>

²³ Летягова Т.В. Тысяча состояний души: краткий психолого-филологический словарь. 2011.

²⁴ Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М: Олма Медиа Групп. 2007.

сосредоточенности, задумчивости и т. д.: Я тогда как раз пребывал **в раздумьях**, чем бы заняться, поскольку только что закончил книгу о политике и очень от нее устал (коллективный. Русские мифы о блюзе // «Русский репортер», № 7 (7), 5-12 июля 2007). Я всегда **в размышлениях** (Мы все зависимы друг от друга // «Жизнь национальностей», 2002.06.05). Мордочка у него была с кулачок, лисья, и был он **в задумчивости** (Людмила Улицкая, Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000).

Физиологическое состояние

Физиологическое состояние включает словоформы, обозначающие **болезненное состояние**: Ну, она, натурально, хлоп в обморок. Начали ее приводить в чувство, а она уже вся **в тифу** (Н.А. Тэффи, Воспоминания, 1932). Он был весь **в жару**, явно с высокой температурой (Вячеслав Фетисов, Овертайм, 1997). Алёнка вся **в соплях**, что тоже не добавляет оптимизма – простуда крайне неудачно дополняет её растянутую коленку (Отчёт о велосипедном походе, 2001). Михаил простыл и теперь лежал **в жару, в бреду** (Алексей Иванов, Сердце Пармы, 2000); **состояние комы**: Целую неделю, пока он был **в коме**, я спать не могла (Елена Зиминова, Трагедия на трассе «Россия» (2013.05.26) // «Новгородские ведомости», 2013). Он сегодня явно выдохся. Он **в отключке**. Может, он так спит? (Владимир Маканин, Неадекватен // «Новый Мир», 2002). – На что? Пока не знаю, оставьте графу свободной... Я был **без сознания** и не мог вас видеть. А вы меня вспомнили? (Вацлав Михальский, Храм Согласия, 2008).

Одна из под групп данной семантической разновидности представлена значением *состояния алкогольно опьянения* (в кураже, под куражом, в подпитии, под градусом, в клеточке, под градусом, под мухой, в запое и т. д.). К примеру, Бедолага, вероятно, был **в кураже** (Р.Ш. Валеев, Колесо // «Уральская новь», 2003). Нам пришлось выпить чачи и закусить свежим шашлыком. Мы и так были уже **в подпитии**. Поэтому дальнейший путь не очень запомнился (Давид Самойлов, Проза поэта, 1970-1980). Совсем опустилась, подумал он, что она, абсент запоем пьет? Впрочем, сегодня он сам был **под градусом**. Кеша потянул супругу за руку – прочь из спальни (Виктор Пелевин, Любовь к трем цукербринам, 2014). Такие словоформы, как *на игле, под винтом, под кайфом, под дозой* употребляются для обозначения **наркотического состояния**, ср.: Крупный делец наркобизнеса, понятно, как правило, не ширяется, а вот мелкая сошка почти всегда сидит **на игле**... (Даниил Корецкий, Менты не ангелы, но... 2011). Только чаще Леня стал к нему заезжать – все равно он уже наркоман, так что можно и почаще, и это будет даже честней. Но однажды Леню, когда он пребывал **под винтом** в полной отключке, посетило видение (Майя Кучерская, Современный патерик: чтение для впавших в уныние, 2004). Кроме того, что он сам был **под кайфом**, в кармане у него нашли ещё две-три порции наркотиков (Фазиль Искандер, Сюжет существования, 1965).

Словоформы *в поту, в голоде, в сытости, на сносях, на расслабоне, в раздрае, в запаре, в замоте, в завязке* используются для обозначения **других**

физиологических состояний, ср.: *Весь пол был заляпан белыми пятнами, все мы были в поту* (М.А. Булгаков, Полотенце с петухом, 1926). *Мужики просто на расслабоне, пока мы идем, а как мы не сможем-сами начнут. Я в этом уверена!* (Беременность: Планирование беременности (форум), 2005) *Еще он был алкоголиком в завязке.* (Е. Кучеренко. О Богородице, дурочке Машке и простой человеческой жизни (2015.09.21) // Православие и мир (pravmir.ru), 2015).

Состояние голода / сытости: Народ – в голоде (Алесь Пашкевич, Сим победиши // «Сибирские огни», 2013). *Всякий работник у них постоянно в сытости, одет не в обрывках, а на каждом способный тужурный жилет, обут в толстые щиглеты с железными набалдашниками, чтобы нигде ноги ни на что не напороть; работает не с бойлом, а с обучением и имеет себе понятия* (Н.С. Лесков, Левша, 1881). *Состояние беременности: – А чего это с ней? – Да на сносях она. Третий раз уже* (Татьяна Соломатина, Акушер-ХА! Байки, 2009).

Социальное состояние

К семантике социального состояния относятся предикативные предложно-падежные формы, обозначающие *состояние межличностных отношений – состояние противодействия / единства: Я бы хотел предупредить о страшной опасности идеи многополярности и абсолютной ее необоснованности. Ведь полюса всегда находятся в противодействии друг другу, взаимно отталкиваясь и борясь друг с другом* (Валерий Лебедев, Посыпание головы пеплом // Интернет-альманах «Лебедь», 2003.05.19). *При Петре они были в оппозиции, и один из них, стольник*

*Федор Алексеевич, был замешан в заговоре Циклера и казнен вместе с ним и Соковниным (А.С. Пушкин, Опровержение на критики, 1830). Но их ещё будет много. Будем все **в единстве**, в любви, в послушании – и Господь поможет нам. Да хранит Вас Матерь Божия, св. (протоиерей В. П. Свенцицкий, Письма из ссылки, 1928).*

***Состояние зависимости от другого человека:** под каблуком ('в полной зависимости, часто подразумевается зависимость мужа от жены'), ср.: Яков Миронович был полностью **под каблуком** у своей супруги и нормально не мог бы распоряжаться такой суммой (И.М. Дьяконов, Книга воспоминаний. Глава девятая (1935-1936), 1995); на посылках ('в полном подчинении, в готовности исполнить любое, малейшее желание'), ср.: У интуристовского подъезда меня ждал один Сергей Иванович, стажер. Как и положено, он был **на посылках**. Молча обменялись рукопожатием, молча ехали в лифте в толпе гогочущих и перекликающихся, как в лесу, немцев (Александр Кабаков, Путешествие экстраполятора, 1988-1999); на хлебах: Я вообще ничего своего не имею: все это, что вы здесь видите, и дом принадлежат жене и детям. Я живу здесь **на хлебах** у жены. Если жена меня прогонит, то я пойду к Вам или еще к кому-либо из знакомых, – разве меня не покормят?» (И.С. Ивин-Кассиров, Автобиография, 1901).*

***Деятельное состояние:** Мама как всегда **в делах**, в основном на кухне, немножко шьёт мне и Ане (Письмо семейное, 2003). Лара вся была **в трудах и заботах** (Б.Л. Пастернак, Доктор Живаго, 1945-1955). С утра до вечера, измочалив*

спутников, он в бегах по цехам и верфям, по мастерским и причалам (А.И. Красницкий, Трон и любовь, 1910).

Недеятельное состояние: Мы на отдыхе, и нас ждут великие дела (Семен Данилюк, Рублевая зона, 2004). *Анатолий Акентьев сейчас в отпуске, а исполняющим обязанности является Александр Кравцов* (Андрей Митьков, «Принципиально вы должны занять позицию: Да или Нет...». Олимпийский комитет России отказывает Лазутиной и Даниловой в поддержке // «Известия», 2002.06.25). *Я читаю и нахожусь в праздности* (М.Я. Гробман, Дневник, 1967).

Материальное состояние: Что все та же Боярская дума, а народ в нищете и небрежении (Николай Дежнев, Принцип неопределенности, 2009). *Экономический бум никак не сказался на тех, кто жил в бедности и тем более нищете* (Александр Волков, На полпути от Миллениума // «Знание – сила», 2011). *Теперь я вас не покину! У вас будет все, чтоб жить в довольстве. Но скажите... вы не проклинали меня?* (И.И. Лажечников, Вся беда от стыда, 1858).

Разнообразные новейшие состояния

Интернет как платформа для коммуникации, обладающая мультимедийными ресурсами, обеспечивает массовость и тиражированность лексических новообразований, передающих актуальные ценности носителя языка, в первую очередь молодого человека [Милованова, 2022, с. 173]. Интернет-мониторинг позволил нам включить в категорию состояния новейшие предикативные предложно-падежные формы, которые активно употребляются в речи.

Словоформы *в моменте, в потоке, в ресурсе* обозначают специфическое состояние *‘удовлетворенность текущим состоянием’*, ««скриншот» текущего состояния, состояние комплексное, нерасчленённое» [Милованова, 2022, с. 171]. Выражение *быть в моменте* обозначает состояние, когда *‘человек проживает свою жизнь прямо сейчас, ощущает её, наслаждается ею, а не живёт ожиданием’*²⁵, ср.: *Я не играю в догонялки, я не мечтаю о себе придуманном, я живу в моменте* (А.И. Слаповский, Большая Книга Перемен // «Волга», 2010). *Будучи в моменте, не стоит жить будущим* (Елизавета Евгеньевна Морозова, PRO Счастье, 2020). *Эй... Я в моменте! Меня в небо вознесет попутный ветер, / И я с солнцем поцелуюсь на рассвете!*²⁶ (Андрей Кожеманов, В моменте // Стихи.ру, 2021).

Быть в потоке / в состоянии потока обозначает *‘максимальное вовлечение в какую-либо деятельность, полное и глубокое погружение в своё занятие’*²⁷: *Одна из них – «Будь здесь и сейчас, будь в потоке»* (Роман Васильевич Поздеев, Маленькие принципы больших публичных выступлений, 2018). *Наслаждайся жизнью, будь в потоке!* (Андрей Исаков, Право на любовь. 2019).

Быть в ресурсе значит, что *‘человек обладает позитивной энергией, значительно большей, чем нужно для поддержания себя в нейтральном настроении. Сопровождается наличием духовных, эмоциональных, душевных и физических сил для решения выстроенных целей и задач’*²⁸. Например: *Сейчас я учусь чётко и грамотно планировать свои дела по особой системе, чтобы не растрчивать свою*

²⁵ https://zen.yandex.ru/media/dotoshnyi_turist/ia-v-momente-i-pochemu-mne-nravitsia-eta-fraza-gotova-sporit-61520976de58dd2f985e3ab0

²⁶ <https://stihi.ru/2021/05/07/7814>

²⁷ <https://zen.yandex.ru/media/smotrivsebja/chto-oznachaet-byt-v-potoke-5df771341a860800aeadb61>

²⁸ https://aif.ru/health/psychologic/byt_v_resurse_chto_znachit_eta_fraza

энергию зря и оставаться в ресурсе (Екатерина Беспятых, Ресурсный тайм-менеджмент для женщин, 2020). *Итак, вы ничего не сможете изменить, если сами находитесь не в ресурсе* (Анастасия Троянова, Как учить уроки без истерик. Основано на личном опыте, 2020).

Значение состояния появляется у словоформ *быть в моменте, в потоке, в ресурсе* в результате метафоризации: *момент, поток, ресурс* – это метафоры драгоценных вещей, которые могут быстро исчезнуть: поймать время, поток, ресурс – значит поймать шанс в реальной жизни.

Предикативные предложно-падежные формы (*быть*) *на волне, в тренде, на движении, на стиле*, объединены своеобразным состоянием «непокойного покоя» и общей интеллектуальной, моральной, психологической удовлетворенностью от гармонии с окружающим миром.

Под словоформой *на волне* понимается '*понимание друг друга*', *Быть на волне* – это '*когда в отношениях мы дополняем друг друга, это когда $1+1=11$, это когда усиливаем действия, поддерживаем, смотрим в одну сторону, уважаем мнение друг друга*'²⁹, ср.: *Л'Этуаль на одной волне с тобой! Мы заботимся о тебе и обо всех, кто тебе дорог!*³⁰ (слоган интернет-магазина Л'Этуаль, записанный 27.03.2020). *Я безумно его любила, мне казалось, что мы с ним на одной волне, причем такой-что понимаем с полуслова и с полужеста друг друга* (Женщина + мужчина: Психология любви (форум), 2004). *Лучик солнца, узнать ты сможешь*

²⁹ <https://zen.yandex.ru/media/masterskayasejchas/na-odnoi-volne-chto-dlia-vas-znachit-eto-vyrajenie-5e492c6c5c1f4e253331669f>

³⁰ https://vk.com/wall-18523333_170249

наверно, ведь когда люди **на одной волне**, то между ними какая-то связь точно присутствует! (Счастье в улыбке, или почему... (форум), 04.02.2007).

(Быть) в тренде чаще всего употребляется в модной индустрии в том смысле, что 'человек следит за свежими новинками и модными направлениями, а также успешно применяет их в своём гардеробе'³¹, однако границы его применения значительно шире, **(быть) в тренде** – 'это уметь выделить для себя ключевые аспекты конкретного веяния и суметь воплотить их в жизнь наилучшим образом в текущий момент'³², ср.: Так что тут мы полностью **в тренде** (пока) (коллективный. Форум: Ура! Платные парковки внутри бульварного кольца, 2013). Я отметила про себя: надо же, женщина совсем не молодая, а **в тренде!** (Евгения Пищикова, Чистота // «Русская жизнь», 2012). По крайней мере знак информации для туриста возле «Красной избы» даёт понять, что мы **в тренде** (Мария Клапатнюк, Двигайтесь по стрелке (2013.05.28) // «Новгородские ведомости», 2013).

Выражением **(быть) на стиле** не только можно охарактеризовать «человека, который модно одевается, но и можно применить к образу жизни человека в целом, индивидуальный характер которого выделяет его из толпы, это и есть его стиль»³³, ср.: Даже не думай что-то отменять, у нас всё остаётся в силе, мы эту ночь сегодня будем разукрашивать, а мы **на стиле.. ама, мама, я у тебя на стиле... Всё в стиле...** (Текст песни На Стиле группы «Время и Стекло», 2016).

Итак, в коммуникативной практике активно употребляются не только

³¹ <https://tkaner.com/stil/chto-znachit-byt-v-trende-i-zachem-v-nyom-byt/>

³² <https://my-busines.ru/useful/trend-i-byt-v-trende-chto-jeto-takoe-vidy-trendov>

³³ <https://folkmap.ru/articles/vyrazhenie-na-stile-chto-znachit.html>

предикативные предложно-падежные формы, сами по себе обозначающие психоэмоциональное состояние, физиологическое состояние и социальное состояние (*в восторге, в шоке, в ужасе, в тревоге, в жару, в тифу, в коме, в оппозиции, в трудах, в отпуске* и т. д.), но и новейшие словоформы, в которых мысль о новом состоянии появляется в результате метафоризации (*в потоке, в моменте, в ресурсе, в тренде, на волне, на стиле* и т. д.). Отметим, что предикативные предложно-падежные формы с разнообразными новейшими состояниями характеризуются ярким оценочным оттенком.

2.2.2. Анализ лексических и грамматических трансформаций актуальных единиц предикативных предложно-падежных форм существительного

Предложно-падежные формы существительного, занимающие позицию предиката, подвергаются лексическим и грамматическим трансформациям. С помощью методики статистики мы проследим пути эволюции лексических значений и признаков функционирования типичных словоформ, которые обладают потенциальной возможностью переходить в категорию состояния, в диахронии (на временном отрезке более 30 лет) и микродиахронии (за последние 30 лет). В качестве примеров мы выбрали словоформы *в восторге, в ужасе, в шоке, в грусти, в шоколаде, в плюсе, в ажуре*.

(быть) в восторге

Предложно-падежная форма *в восторге* характеризуется высокой степенью

фразеологизации, о чём свидетельствует малое количество случаев употребления в качестве свободного сочетания в прямом значении – *‘восхищение, огромное удовольствие, радость’* (значение 1). В основном корпусе НКРЯ зафиксирован только один случай такого употребления: ***В восторге** обычно бывают все: и тинейджеры-экстремалы, и робкие первоклашки, не освоившие еще хитрую науку плавания, и, конечно же, их измученные долгой зимой и недостатком ярких впечатлений родители* (Мария Давыдова, Как я провел каникулы // «100% здоровья», 2003.02.14). В этом случае словоформа обладает полным набором дифференциальных признаков существительного – в чём (*восторге*) бывают все.

В основном корпусе НКРЯ зафиксировано множество примеров, в которых словоформа занимает положение в зоне синкретизма между существительным и категорией состояния. Чаще всего словоформа употребляется как примыкающий к глаголу компонент и имеет значение *‘чувство радости, упоения при выполнении субъектом какого-н действия’* (значение 2). Такие употребления впервые зафиксированы в сказках автора М.Д. Чулкова: *Ах, государыня, – **вскричал** тогда **в восторге** Силослав, – когда б только учинили боги это со мною благополучие, сколько б я им был за сие одолжён!* (М.Д. Чулков, Пересмешник, или Славенские сказки, 1766-1768).

Среди данных основного корпуса НКРЯ обнаруживается множество случаев употребления словоформы в статусе слова категории состояния со значением *‘погруженный в чувство радости, восторга’* (значение 3). Такие употребления

впервые зафиксированы в текстах публицистического стиля в начале XX в.: *Едва успел уйти король из залы представления, как он начинает хлопать в ладоши и безумно хохочет... И зритель в восторге* (И.Ф. Анненский, Вторая книга отражений, 1909).

Таблица 1 – Общая динамика изменения тенденций употребления словоформы *в восторге* в разных значениях (по данным основного корпуса НКРЯ)

Знач.	Статус	Период				
			1766-1989	1990-1999	2000-2009	2010-2018
1	Форма сущ.	Всего	0	0	1	0
		Употр. /год	0	0	0	0
2	Синкр. образ.	Всего	14	3	77	9
		Употр./ год	0,063	0,3	7,7	1
3	Кат. сост.	Всего	25	3	346	69
		Употр./ год	0,112	0,3	34,6	7,667

Как видно из таблицы 1, 1) фиксируется только один случай употребления словоформы в качестве свободного сочетания; 2) за период 2000-2009 гг. количество употреблений словоформы – синкретичного образования увеличилось приблизительно в 25,67 раз (за период 1990-1999 гг. эта скорость составляет $3 / 10 = 0,3$ употр. / год, тогда как за период 2000-2009 гг. эта скорость составляет $77 / 10 = 7,7$ употр. / год.); 3) за период 2000-2009 гг. количество употреблений словоформы как слова категории состояния резко возрастает (за период 1990-1999 гг. эта скорость

составляет $3 / 10 = 0,3$ употр. / год, тогда как за период 2000-2009 гг. эта скорость составляет $346 / 10 = 34,6$ употр. / год., скорость «прироста» увеличилась приблизительно в 115,3 раз.). Употребление словоформы *в восторге* в качестве категории состояния актуализуется с 2000 г.

Итак, словоформа *в восторге* в статусе слова категории состояния появилась в начале XX века, а начала активно употребляться с начала XXI века. Благодаря своей экспрессивности словоформа *в восторге* постоянно употребляется в разговорной речи, выражая подъём радостных чувств, ср.: *Подарок уже подарили: рыцарский замок:)). В восторге всё семейство:))* (Наши дети: Подростки, 2004). *Вот от этой рекламы я просто в восторге!!!* (Рекламные ролики на TV 2007). *Тогда и сюда напишу:-) купила коляску..... я в восторге!!!!* (Наши дети: Малыши до года (форум), 2004). Словоформа *в восторге* обладает отчетливым оценочным оттенком, что позволяет говорящему выражать свое отношение к фактам действительности, причем в довольно экспрессивной форме. Данная языковая единица нередко употребляется в отзывах на сайтах интернет-магазинов, где покупатели делятся собственным мнением о купленных товарах, не скрывая эмоций.

Арминэ xxx8066

★★★★★ 14 1月 2022

Очень вкусные перепелки, муж просто в диком восторге! Продукт качественный, очень нежное мясо.

Татьяна xxx2691

★★★★★ 5 3月 2022

Я в восторге от этих пирожных 🍪 тааакие вкусные, сочные, нежные, воздушные! Прямо таят во рту! Очень понравилось фисташковое с малиной, просто нежнота!

Диахронический анализ лексико-грамматических трансформаций словоформы *в восторге* показывает, что, получив статус категории состояния еще в 1909 году, данная языковая единица начала актуализироваться только в начале XXI века. Сегодня употребление *в восторге* как слова категории состояния по-прежнему актуально, о чем свидетельствует её активное употребление в социальных сетях и в таком новом текстовом жанре, как отзывы на страницах интернет-магазинов.

(быть) в ужасе

Существительное *ужас* может употребляться в сочетании с предлогом *в*, реализуя свое прямое значение – ‘*Чувство сильного страха, испуга, приводящее в состояние подавленности, оцепенения, трепета*’ (значение 1). При употреблении в непредикативной позиции словоформа демонстрирует все дифференциальные признаки, характерные для существительного: *Тайну прелесть находила и в самом ужасе она...* (А.С. Пушкин, Евгений Онегин).

В основном корпусе НКРЯ зафиксировано множество примеров, где словоформа *в ужасе* находится в двойной синтаксической связи – с именем и глаголом: *Я в ужасе бросилась к Мише Аграновичу* (Алла Сурикова, Любовь со второго взгляда, 2001). *Зинаида Николаевна в ужасе вскидывает на него взгляд* (Зоя Масленикова, Разговоры с Пастернаком, 2001).

В ряде примеров свойства имени существительного, а также формальная связь с данным классом слов проявляется ярче, что обусловлено наличием определяющего слова: *Пианист Сергей Безродный встречается меня в полном ужасе* (Сати Спивакова, Не всё, 2002). *Кальцатый, узнав о лопнувшей оси, округлил глаза в весёлом ужасе: «Надо же, подвела проклятая...»* (Анатолий Азольский, Лопушок // «Новый Мир», 1998).

В других примерах, где данная словоформа функционирует в качестве именной части составного сказуемого – в сочетании с полузнаменательной связкой, заметнее становятся свойства категории состояния: *А когда стало чуть светлее, мальчик и вовсе застыл в ужасе* (Михаил Тырин, «Будет немножечко больно», 2014). *Вся больница, от главврача до последней медсестры, замерла в ужасе – ждали кары* (Людмила Улицкая, Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000). *Вместо того, чтобы пребывать «в ужасе», думаю, родителям и учителям следовало бы организовать и добиваться желаемого (для них) результата* (коллективный. Форум: ЕГЭ все «за» и «против» (мнения относительно единого государственного экзамена), 2009). В этих случаях словоформа расположена в зоне синкретизма, в разной степени – в зависимости от конкретного примера – приближаясь к существительному или категории состояния, однако объединяющим фактором становится следующее значение – ‘психологическое обстоятельство страха и испуга субъекта при каком-то действии’ (значение 2).

Первые употребления словоформы *в ужасе* в качестве слова категории состояния

со значением ‘находиться в состоянии испуга, ужаса’ (значение 3) связаны с художественными текстами начала XX в.: *Наконец произошло то, чего я опасался: Брюсов предложил и мне прочитать «моё». Я в ужасе. В девятисотых годах Брюсов был лидером модернистов* (В. Ф. Ходасевич, Брюсов, 1924). *К утру я был от него в ужасе* (М.А. Булгаков, Записки покойника (Театральный роман), 1936-1937).

Таблица 2 – Общая динамика изменения тенденций употребления словоформы *в ужасе* в разных значениях (по данным основного корпуса НКРЯ)

Знач.	Статус	Период					
			1833-1900	1901-1960	1961-1990	1991-2000	2001-2020
1	Форма сущ.	Всего	1	0	0	0	1
		Употр. /год	0,015	0	0	0	0,05
2	Синкр. образ.	Всего	4	15	16	9	457
		Употр./ год	0,06	0,25	0,53	0,9	22,85
3	Кат. сост.	Всего	0	7	6	5	103
		Употр./ год	0	0,12	0,2	0,5	5,15

Таблица 2 наглядно показывает, что словоформа *в ужасе* получила статус категории состояния в начале XX века, в период с 2001 по 2020 гг. частотность подобного употребления резко возрасла, а это значит, что данная словоформа как слово категории состояния актуализируется в течение последних 20 лет.

(быть) в шоке

Существительное *шок* в сочетании с предлогом *в* может употребляться в прямом значении, указывая на *'тяжёлое расстройство функций организма вследствие физического повреждения или психического потрясения'* (значение 1). Употребление в непредикативной позиции означает полный набор дифференциальных признаков имени существительного. Подобное функционирование данной предложно-падежной формы впервые зафиксировано в публицистических текстах 2003 года: *Вы считаете, что в шоке не было необходимости?* (Владимир Абаринов, Россия в «голде» // «Совершенно секретно», 2003.07.07).

В основном корпусе НКРЯ отмечаются примеры, в которых *в шоке* устанавливает двойную синтаксическую связь – с именем и глаголом, обладая значением *'физическое повреждение или психическое потрясение при каком-то действии'* (значение 2). Такое употребление впервые зафиксировано в художественном тексте конца XX века: *И от боли в шоке я вдруг заговорил...* (Светлана Алексиевич, Цинковые мальчики, 1984-1994), словоформа *в шоке* вступает в синтаксическую связь как с подлежащим *я*, так и со сказуемым *заговорил*.

Как слово категории состояния словоформа *в шоке* употребляется в предикативной позиции и обозначает *'состояние психического потрясения'* (значение 3). Первые употребления словоформы в качестве слова категории состояния отмечаются в художественных текстах середины XX в., ср.: *Правда, кровящи натекло в пыль, но от этого так скоро не умирают, он просто в шоке был, потому и молчал* (Георгий Владимов, Три минуты молчания, 1969). Будучи словом

категории состояния, данная словоформа может обозначать и физиологическое состояние – *‘тяжелое расстройство функций организма вследствие психического потрясения или сильного физического повреждения’*³⁴, например: *Вообще, нет универсальной схемы, нужно смотреть по ребенку, если вдруг вылезает аллергия – никто кормить не будет, а если аллергии нет, но потенциальным аллергеном по совету естественных родительниц, до пяти лет не кормить, организм может быть в шоке от непривычного продукта* (коллективный. Форум: Холивар, 2012).

Таблица 3 – Общая динамика изменения тенденций употребления словоформы *в шоке* в разных значениях (по данным основного корпуса НКРЯ)

Знач.	Статус	Период				
			1969-1979	1980-1990	1991-2001	2002-2017
1	Форма сущ.	Всего	0	0	0	1
		Употр. /год	0	0	0	0,07
2	Синкр. образ.	Всего	2	0	20	18
		Употр./ год	0,2		2	1,2
3	Кат. сост.	Всего	7	16	137	257
		Употр./ год	0,7	1,6	13,7	17,13

Как показывает таблица 3, словоформа *в шоке* в качестве слова категории состояния актуализируется начиная с 1991 г., актуальность данного словоупотребления сохраняется и сегодня.

³⁴ Толковый словарь Ушакова. Д.Н. Ушаков. 1935-1940. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1093094>

(быть) в грусти

Словоформа *в грусти* – пример сочетания, которое ранее считалось неупотребительным, однако актуализировалось в современной речи. Так, С.Н.Цейтлин отмечала, что «фразы типа *Я в грусти; Он в скуке* являются ‘разрешенными’ с точки зрения языковой системы, но тем не менее совершенно неупотребительными» [Цейтлин, 1976, с. 164]. В докторской диссертации И.П. Матхановой перечислены однокоренные языковые формы для передачи мысли о состоянии: *Ему грустно, Он грустит, Он грустен, Ему грустится*. При этом высказывание *Он в грусти* автором отмечено как невозможное [Матханова, 2001, с. 12]. Однако наши наблюдения свидетельствуют о том, что предикативная словоформа *в грусти* относительно стабильно используется в речи.

С предлогом *в* существительное *грусть* может употребляться в прямом значении, называя ‘чувство печали, уныния’ (значение 1). Полный набор дифференциальных признаков существительного связан с функционированием словоформы в непредикативной позиции. Такие употребления предложно-падежной формы *в грусти* впервые зафиксированы в художественных текстах XVIII и XIX столетия, но имеют оттенок непринужденности и разговорности: *Тогда-то Лизарк у всех предметов природы глазам его представляющихся, искал в грусти своей облегчения, но ни пестрота полевых цветов, которыми естество их украсило, ни прекрасное положение мест, волнующия его страсти укротить не могли* (Ф.А. Эмин, Награжденная постоянность, или приключения Лизарка и Сарманды, 1788). *Она*

не похожа на грусть: **в грусти** бывает подчас много прелести, стало быть, и поэзии; в скуке, о которой я говорю, нет её и тени (И.С. Никитин, Письма, 1853-1861).

Анализируемая словоформа также нередко вступает в двойную синтаксическую связь – с именем и глаголом, что подтверждается значительным количеством примеров в основном корпусе НКРЯ: *Проезжий рыцарь в грусти затянул разбойничью песню* (Андрей Белый, Северная симфония, 1917). В подобных контекстах степень связи словоформы с именем и глаголом неоднозначна. В некоторых примерах благодаря наличию определяющего слова обращают на себя внимание свойства имени и формальная связь с классом существительных: *Ничего в ответ. В бесконечной грусти / Я машу им вслед...* (Илья Петрусенко, Я вдыхаю ветер воли... // «Народное творчество», 2003). В других примерах словоформа, функционируя в качестве именной части составного сказуемого при полужнаменательной связке *остаться*, ярче демонстрирует свойства категории состояния: *Я остался в грусти и одиночестве. Надо прощаться с этим куском жизни – видимо, навсегда!* (Валерий Попов, Грибники ходят с ножами, 1997). В подобных примерах данная словоформа синкретична. Степень её сближения с существительным и категорией состояния напрямую зависит от контекста, однако значение едино – ‘психологическое обстоятельство печали и уныния субъекта при каком-то действии’ (значение 2).

Художественные тексты начала XX в. позволяют зафиксировать первые

употребления указанной словоформы: *Старик Верхотуров в грусти, что его переводят в Заин-шаби: здесь он так много положил труда и умения на устройство фактории не только с внешней стороны, но, самое главное, важное – её внутреннего состояния... Сегодня мой орнитолог в грусти: подбил крупного сокола и не нашёл его* (П.К. Козлов, Географический дневник Тибетской экспедиции 1923-1926 гг. №4. 1925-1926). Словоформа *в грусти*, получая статус слова категории состояния, занимает предикативную позицию и называется ‘состояние печали и уныния’ (значение 3). В данном случае лексема обладает оттенком устно-разговорного стиля.

Таблица 4 – Общая динамика изменения тенденций употребления словоформы *в грусти* в разных значениях (по данным основного корпуса НКРЯ)

Знач.	Статус	Период					
			1700-1850	1851-1900	1901-1950	1951-2000	2001-2012
1	Форма сущ.	Всего	4	5	7	2	2
		Употр. /год	0,027	0,1	0,14	0,04	0,167
2	Синкр. образ.	Всего	13	11	21	7	9
		Употр./ год	0,087	0,22	0,42	0,14	0,75
3	Кат. сост.	Всего	0	0	2	0	1
		Употр./ год	0	0	0,04	0	0,083

Для того чтобы продемонстрировать путь лексической и грамматической эволюции словоформы *в грусти*, проанализируем частотность употребления словоформы в диахронии.

Как видно из таблицы 4, синкретичные образования встречаются гораздо чаще, чем случае употребления словоформы с полным набором дифференциальных признаков имени существительного или же словоформы, имеющей статус слова категории состояния. В Национальном корпусе русского языка зафиксировано всего 3 примера употребления словоформы в статусе категории состояния, однако последний пример зафиксирован в 2011 году: *Конечно, надо быть радостными, на три недели нельзя оставаться всё время в грусти* (М.А. Ботева, Огонь и огонь, и нельзя остыть // «Волга», 2011). Очевидно, новейшие факты ещё не вошли в Национальный корпус русского языка.

По нашим наблюдениям, примеры употребления *в грусти* в сети Интернет (не засвидетельствованные в НКРЯ) отмечаются достаточно часто – особенно в поэтических текстах: *Я в грусти, и, значит, Светлана появится ночью. / Влетит налегке, как улыбка чеширского барса* (Ринат Юнусов³⁵). *Когда мы в грусти и печали, / Прошу, не надо громких слов...; Когда ты в грусти и печали, / Ты громких слов не говори...* (Дмитрий Ахременко³⁶).

Кроме того, предикативная словоформа *в грусти* нередко сопровождает однородные компоненты – аналогичные формы со значением состояния наподобие

³⁵ Юнусов Р. URL: http://www.hrono.ru/text/2006/yunus10_06.html (дата обращения: 03.03.2021).

³⁶ Ахременко Дм. URL: http://www.hrono.ru/text/2006/yunus10_06.html (дата обращения: 03.03.2021)

в печали, в тоске, в испуге и др.: *Я в грусти, в трауре, в печали* – «Дом-2» закроют в Новый год! (Влад Нежный³⁷); *Да-да / я в грусти и печали / меня не ждут / меня не ждали* (Никита Данилов³⁸). Ср.: *Я – в унынии, в обиде, в гневе все эти дни* (А.Д. Шмелёв. Дневники³⁹).

Можно предположить, что между классической языковой формой категории состояния *X-у грустно* и предикативной формой *X в грусти* существует конкуренция. Впервые использованная в качестве слова категории состояния в начале XX в., сегодня словоформа *в грусти* проявляет **потенциал** актуализации.

(быть) в плюсе

Словоформа *в плюсе* как актуальная транспонированная в категорию состояния словоформа имени существительного появилась в современной речи совсем недавно. Существительное *плюс* в сочетании с предлогом *в* в рамках реализации своего прямого значения – ‘*знак в виде крестика (+), обозначающий сложение или положительную величину в математике*’ (значение 1). Такое употребление предложно-падежной формы обнаруживается в единичном примере в основном корпусе НКРЯ в текстах художественного стиля: *Последовательная физическая интеграция огромного фактического материала, – это я вам почти наизусть цитирую сейчас из одного журнала за тысяча девятьсот девяносто восьмой год, память у меня феноменальная, – так вот, наука с учётом работ Альберта*

³⁷ Нежный В. Я в грусти, в трауре, в печали. URL: <https://stihi.ru/2020/12/19/1369> (дата обращения: 03.03.2021).

³⁸ Никита Данилов. URL: http://www.hrono.ru/text/2006/yunus10_06.html (дата обращения: 03.03.2021).

³⁹ Цит. по НКРЯ: Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 03.03.2021).

*Эйнштейна, Поля Дирака, Николая Козырева и других подводит к новому пониманию энергоинформационной сущности бытия в большом диапазоне интенсивностей и только в двух знаках реализации – в **плюсе** и минусе* (Юрий Азаров, Подозреваемый, 2002).

Словоформа *в плюсе* сохраняет живую связь с существительным, о чём свидетельствуют такие примеры: *По мнению аналитиков, несмотря на невысокие показатели по прибыли, остальные данные отчётности Сбербанка достаточно хорошие и есть надежда, что текущий год Сбербанк всё же закончит в «плюсе»* (Наталья Старостина, Сбербанк пожертвовал прибылью, 2009.04.23). *Несмотря на недостаточную для защиты от немецких танковых пушек броню, «Шерман» эффективно действовал против «пантер» и «тигров», имея в плюсе несравненно более лучшую манёвренность* (Илья Бояшов, Танкист, или «Белый тигр», 2008). *Как вам удаётся каждый учебный год заканчивать в плюсе?* (Александр Кокшаров, Понять причину // «Эксперт», 2004.12.06). В этих случаях словоформа реализует следующее значение ‘*иметь положительный баланс, иметь что-то преимуществом, получить хорошие результаты*’ (значение 2).

В иных случаях словоформа функционирует в позиции предиката в качестве слова категории состояния и выражает следующее значение: ‘*находиться в приоритетном положении, быть в хорошем состоянии, всё хорошо*’ (значение 3). Такое употребление впервые зафиксировано в тексте романа Александры Марининой: *Сплошные потери, и ни одного очка в плюсе* (Александра Маринина, Не

мешайте палачу, 1996).

Таблица 5 – Общая динамика изменения тенденций употребления словоформы *в плюсе* в разных значениях (по данным основного корпуса НКРЯ)

Знач.	Статус	Период				
			1996-2000	2001-2005	2006-2010	2011-2016
1	Форма сущ.	Всего	0	1	0	0
		Употр. /год	0	0,2	0	0
2	Синкр. образ.	Всего	0	3	4	1
		Употр./ год	0	0,6	0,8	0,17
3	Кат. сост.	Всего	2	13	5	7
		Употр./ год	0,59	2,6	1	1,17

Итак, словоформа *в плюсе* впервые была зафиксирована в 1996 г., что свидетельствует о её новизне. Интересно отметить, что в первых зафиксированных случаях словоформа уже употребляется в качестве слова категории состояния. Количество подобных употреблений за всё время (за все 4 периода) превалирует над другими двумя значениями. Всё это говорит о стабильном употреблении данной словоформы в статусе слова категории состояния, несмотря на её недавнее появление.

(быть) в шоколаде

Существительное *шоколад* с предлогом *в* может употребляться в своем прямом значении, а именно – ‘кондитерское изделие на основе масла какао, являющееся

продуктом переработки какао-бобов – семян шоколадного дерева, богатых теоброминном и кофеином’ (значение 1). Такое употребление данной предложно-падежной формы впервые зафиксировано в учебно-научной монографии писателя П.П. Каратыгина: *Одряхлевшие вельможи обрели в нем источник живой воды; молодые нашли в шоколаде драгоценное свойство усиливать чувственность и сладостно волновать кровь...* (Кондратий Биркин (П.П. Каратыгин), *Временщичи и фаворитки XVI, XVII и XVIII столетий*. Книга вторая, 1871).

В этих случаях словоформа *в шоколаде* употребляется в прямом значении как свободное сочетание – никакого переносного значения здесь нет: *Корягин купил в чайно-колониальном магазине купца И.Я. Чернова, на Большой Пресненской улице, палку шоколада фабрики Эйнем и, разломав ее, нашел в шоколаде живого червяка* (Московская жизнь (1901.10.01) // «Московский листок», 1901). *В шоколаде содержится обычно около 0,4 процента теобромина, доза совершенно безопасная, но достаточная, чтобы придать шоколаду тонизирующие свойства, способность снимать усталость, повышать работоспособность* (И. Вольпер, *Пища богов* // «Химия и жизнь», 1967). *Но не забудьте – я вовсе не утверждаю, что в шоколаде действительно есть мышьяк, – заметил Калле, когда он наконец зажег спиртовку.* (Е. Стрельникова, *Мышь, мышьяк и Калле-сыщик* // *Химия и жизнь*, 2011).

В результате метафорического переноса у словоформы *в шоколаде* появляется значение *‘получить выгоду, быть в приятной ситуации, везении’*. Если человек *в шоколаде*, значит, ему повезло, посчастливилось, его сопровождает удача (особенно

в финансовом смысле). Употребление такого метафорического переноса связано с символическим значением шоколада как источником удовольствия, счастья и весёлой жизни. Словоформа употребляется в статусе категории состояния, реализуя значение *‘быть в выгодном положении, в состоянии удовольствия’* (значение 2). Первый случай подобного употребления был зафиксирован в художественном тексте, в котором словоформа пока не оторвана от значения предметности: *Меньше денег пока тебе в карман будет перепадать, но со временем-то, когда мы, «Стиль» и все наши оптовики, уберем конкурентов – не смотри так, я же не сказал «убьем», сказал «уберем», – будешь весь в шоколаде* (Алексей Грачев, Ярый против видеопиратов, 1999).

Частотное употребление словоформы *в шоколаде* как слова категории состояния отмечается в начале XXI в.: *Тогда она будет вся в шоколаде* (Леонид Зорин, Юпитер (2001) // «Знамя», 2002). *Если в структуре вашей аудитории велик процент мужчин от 25 до 45 лет, считайте, что вы – в шоколаде.* (Валерий Ширяев, Счастье – работать вместе // «Новая газета», 2003.01.09).

Таблица 6 – Общая динамика изменения тенденций употребления словоформы *в шоколаде* в разных значениях (по данным основного корпуса НКРЯ)

Знач.	Статус		Период		
			1871-1990	1991-1999	2000-2016
1	Св. соч.	Всего	20	22	48
		Употр. /год	0,167	0,301	2,821

2	Кат.	Всего	0	1	35
	сост.	Употр. / год	0	0,111	2,05

Как видно из таблицы 6, в период с 2000 по 2016 гг. количество употреблений словоформы *в шоколаде* в качестве слова категории состояний резко выросло, что говорит об актуальности данной языковой единицы в последние 20 лет. Однако стоит отметить, что словоформа не теряет связи с существительным.

(быть) в ажуре

Первичное значение существительного *ажур* трактуется как *‘узор со множеством небольших сквозных участков, разделённых тонкими перемычками и создающих сложную композицию (используемый в изделиях из металла, дерева, камня, а также в вязании, в плетении и т. п.)’* (значение 1). Такое употребление впервые зафиксировано в художественном тексте начала XX века, ср.: *Сундучного ряда, слава на всю Москву, в зеленом ростовском горошке-молочке; жареный гусь под яблоками, с шинкованной капустой красной, с румяным пустотелым картофелем – «пушкинским», курячы, «пожарские» котлеты на косточках в ажуре; ананасная, «курьевская», каша, в сливочных пеночках и орехово-фруктовой сдобе, пломбир в шампанском* (И.С. Шмелев, *Лето Господне*, 1927-1944).

Помимо этого, существительное *ажур* с предлогом *в* используется в качестве бухгалтерского термина в следующем значении: *‘ведение бухгалтерского учёта, при котором все счётные записи делаются в день совершения хозяйственных операций’* (значение 2). Впервые такое словоупотребление фиксируется в художественном тексте середины XX в.: *План мы перевыполняем по валу и*

ассортименту, без авралов, работаем слаженно, по подписке на заем занимаем второе место в районе, отчетность **в ажуре** (Семен Липкин, Записки жильца, 1962-1976). В XXI в. употребление в прямом значении отмечается только один раз в тексте художественного стиля: *А отчетность **в ажуре** – разве кости не мясопродукты?* (А.И. Слаповский, Большая Книга Перемен // «Волга», 2010). Речь в этих случаях идёт о бухгалтерских делах.

Более востребованным является употребление словоформы *в ажуре* в качестве слова категории состояния: *быть в ажуре* значит *‘быть в идеальном состоянии, всё хорошо, всё в полном порядке’* (значение 3). Такое значение появилось в результате метафорического преобразования, если *всё в ажуре* (= все счета в упорядоченном, идеальном состоянии), то *‘всё хорошо, всё в полном порядке’*. Словоформа утрачивает конкретное значение предметности, которое возмещается оценочным значением. Такое употребление впервые зафиксировано в художественном тексте 1963 г.: *Так что, сестрица, надо порядочек на ферме навести... чтоб блестело всё, играло, чтоб всё **в полном ажуре** было... – Какой уж там ажур! – с раздражением сказала Александра.* (А.И. Мусатов, Зелёный шум, 1963).

Таблица 7 – Общая динамика изменения тенденций употребления словоформы *в ажуре* в разных значениях (по данным основного корпуса НКРЯ)

Знач.	Статус	Период					
			1927-1969	1970-1979	1980-1989	1990-1999	2000-2012
1	Св. соч.	Всего	1	0	0	0	1
		Употр. /год	0.02	0	0	0	0.07

2	Св. соч.	Всего	1	1	0	0	1
		Употр./ год	0	0.1	0	0	0.07
3	Кат. сост.	Всего	4	9	8	14	23
		Употр./ год	0.09	0.9	0.8	1.4	1.77

Как свидетельствуют данные таблицы 7, употребление словоформы в качестве слова категории состояния актуализируется после 1970 г., первый количественный скачок приходится на период с 1970 по 1979 гг., второй – на 1990-1999 гг.

Итак, проанализировав лексические и грамматические трансформации типичных предложно-падежных форм в диахронии и микродиахронии с помощью методики статистического анализа данных на материале Национального корпуса русского языка, мы получили следующие результаты. Установлено, что словоформы *в восторге* и *в ужасе* были впервые употреблены в качестве слова категории состояния в начале XX в. и остаются в активном запасе по сегодняшний день. Первый пример словоформы *в шоке* в статусе слова категории состояния зафиксирован в середине XX в. Выражение *(быть) в грусти*, рассматриваемое раньше как неупотребительное сочетание, сегодня активно употребляется в живой речи. Словоформы *в шоколаде*, *в плюсе*, *в ажуре*, у которых значение состояния появилось в результате метафорического переноса, впервые употребляются в качестве слов категории состояния во второй половине XX в., однако актуализируются в последние 20 лет – после 2000 г.

2.3. Критерии определения статуса предложно-падежной формы существительного

Изучив условия, предпосылки и причины перехода предложно-падежных форм существительного в категорию состояния, мы разработали критерии определения статуса предложно-падежных форм существительного, которые позволят нам определить степень перехода данных языковых единиц в категорию состояния.

Синтактико-морфологический критерий

Как показано в параграфе 2.1.1., употребление с позиции предиката является условием перехода предложно-падежных форм существительного в категорию состояния. Благоприятные условия перехода предложно-падежных форм предоставляют конструкции бисубстантивных предложений, в которых в роли подлежащего функционируют одушевленные имена существительные в И. п. (или его эквиваленты) [Герасименко, 2018]. Втянутыми в систему категории состояния оказываются только предложно-падежные формы, «включенные в синтаксическую конструкцию – ‘подлежащее со значением лица + связка + предложно-падежная существительного’ (модель ‘S + предикативная предложно-падежная форма’)» [Милованова, 2022, с. 164].

Валентность предикативных предложно-падежных форм на номинатив со значением ‘лицо’ является первичным маркером их включения в категорию состояния. Транспонированные предикативные предложно-падежные формы сочетаются с существительными, субстантивированными местоимениями и

прилагательными со значением *лица*, к примеру: *Владимир Ленский в ауте* (Даниил Гранин, Искатели, 1954). *Я отметила про себя: надо же, женщина совсем не молодая, а в тренде!* (Евгения Пищикова, Чистота // «Русская жизнь», 2012). *Однажды я приехала, а она в унынии* (Гузель Санжапова, Мария Наумова, Как производство крем-меда спасает глухую деревню: история Малого Турыша // Афиша Daily, 2018). *В городах целый день били в набат: созывали всех, но кто и для чего зовёт, никто не знал того, а все были в тревоге* (Валерий Сердюченко, Вторая мировая революция: война в Ираке // Интернет-альманах «Лебедь», 2003.07.07). *А арестованные были без памяти* (Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий, Обитаемый остров, 1967-1969).

Наблюдаются также случаи, когда транспонированные предикативные предложно-падежные формы употребляются с существительными, подвергающимися персонификации: *Весь город был в тревоге от молвы, будто бы к нему приближается неприятель.* (С.Н. Глинка, Из записок о 1812 годе, 1836). *Вокруг бегали перепуганные американские телевизионщики, весь мир был в шоке* (Олег Гладов, Любовь стратегического назначения, 2000-2003). *Зрительный зал был в трауре* (Софья Пилявская, Грустная книга, 2000). Значение лица в этих случаях появляется за счёт метафоризации пространственного значения. Валентность на персонифицируемые существительные обогащает семантику состояния, представленную предикативными предложно-падежными формами.

Именно в рамках общей бисубстантивной конструкции развивается

специализированная модель для оформления семантики состояния – **номинативно-предикативная структура** (далее – НПС), компонентами которой являются подлежащее, представленное именительным падежом существительного со значением **лица** (= человек) или личным местоимением, и сказуемое, оформленное предикативной предложно-падежной формой существительного со связкой *быть*, служащей не только грамматическим показателем времени и наклонения, но и синтаксическим «узлом» между подлежащим и предикативной предложно-падежной формой.

Метафоризация лексического значения

Как было отмечено ранее, предикативные предложно-падежные формы существительных, исходно обладающих семой состояния, проявляют активность в переходе в категорию состояния. Помимо этого, существует группа словоформ, у которых значение состояния возникает в качестве переносного – в результате метафоризации. Сюда относятся такие лексемы, как *в шоколаде, в моменте, в потоке, в плюсе, в минусе, в трауре, на винтах, на игле, на ножках, на ногах, под кайфом* и т. д. Эти словоформы, с одной стороны, сохраняют значение предметности и живые связи с другими членами парадигмы, с другой, одна из форм в результате устойчивого употребления подвергается метафоризации и развивает новое, абстрактное значение – значение состояния.

Таким образом, словоформы со значением предметности, не подвергающиеся метафоризации в предикативной позиции, не втягиваются в сферу категории

состояния, ср.: *в шоколаде* и *в конфетах*. Первая словоформа подвергается метафоризации в бисубстантивных предложениях, а вторая не имеет такой возможности и употребляется только в прямом значении, ср.: *Бесит, просто нереально бесит реклама Скитлз, где медведь обвалился в конфетах, а потом с него эти конфеты едят* (Рекламные ролики на TV, 2007).

Поскольку предикативные предложно-падежные формы, подвергающиеся метафоризации, сохраняют живые связи с существительными, они ближе к существительным, чем те словоформы, исходное значение которых связано с абстрактным значением состояния.

Семантика состояния-оценки

Как было показано в параграфе 2.1.2., предпосылки перехода предложно-падежных форм в категорию состояния заключаются в том, что в индивидуальном лексическом значении словоформ есть сема состояния. Кроме того, все слова, входящие в круг слов с семантикой состояния, должны иметь оценочную или потенциально-оценочную сему в лексическом значении. Поэтому в семантической структуре транспонированных предикативных предложно-падежных форм совмещаются *сема состояния* и *сема оценки*, которые проявляются в разной комбинаторике и удельном весе – определить их семантику возможно с помощью модели «состояние-оценка» [Милованова, 2022, с. 171]. Предикативные предложно-падежные формы, в которых преобладает семантика оценки (представим как «состояние < оценка»), ближе к имени существительному (звено **Аб**), те словоформы,

в которых наблюдается равновесие семантики состояния и оценки (условно обозначим как «состояние=оценка»), находятся в промежуточном звене между именем существительным и категорией состояния (звено **АБ**), наконец, те, в которых преобладает семантика состояния («состояние > оценка»), приближаются к категории состояния (звено **аБ**).

Введение лексемы «состояние»

Мы видим, что предикативные предложно-падежные формы, имеющие корреляты с лексемой «состояние», оказываются втянуты в систему категории состояния, ср.: *После похорон она долго была в депрессии* (Елена Тихонова, Жениться надо на училках! // «Амурский Меридиан» (Хабаровск), 2004.12.22) / *Не представляю себе, долго ли пребывал бы я в состоянии депрессии, если бы поздно вечером Жанна не позвала меня к телефону.* (Евгений Рубин, Пан или пропал. Жизнеописание, 1999-2000); *Я и так сейчас на нервах, – он начал кусать заусенцы на ногтях и заходил по кухне* (Дмитрий Каралис, Автопортрет, 1999) / *Забыв о сне, мы все уже третьи сутки находимся в состоянии крайнего нервного напряжения* (Игорь Вольский, Пропасть им. Пантюхина: будет ли новый мировой рекорд? 1994); *В общем, я в шоке – ко всему ещё Санька без меня никогда не оставался, не спал, не ел...* (Наши дети: Подростки, 2004) / *Там, в коридоре, я увидел ползущего по стене таракана, я и так-то был в состоянии шока, потому что впервые оторвался от дома, а тут вообще пришел в уныние* (А.Г. Евтушенко, Дневник, 2011). По всей вероятности, можно утверждать, что предикативная предложно-падежная форма,

построенная по модели «предлог + Пр. п. существительного», является результатом эллипсиса конструкции «в состоянии + Р. п. существительного».

Итак, при определении статуса предложно-падежных форм существительного мы будем учитывать описанные выше четыре критерия. Рассматриваемые предложно-падежные формы в разной степени отошли от имени существительного, сблизившись со словами категории состояния в выражении актуального смысла ‘состояние человека’. Для того чтобы наглядно показать процесс изменений категориального значения анализируемых языковых единиц, мы воспользуемся шкалой переходности.

Рассмотрим оппозиционные звенья, представленные единицами, обладающими полным набором дифференциальных признаков, – именем существительным (А) и категорией состояния (Б).

Звено А занимают единицы, обладающие следующими дифференциальными признаками: «семантикой предмета, грамматическими категориями рода, числа, падежа, падежно-числовой парадигмой, субстантивной валентностью и т. п.» [Шигуров, 2012, с. 101]. Они указывают на «внешние и внутренние признаки лица или предмета» [Калинин, 2003, с. 74]: *Была весна, он был в пальто, без шапки, мне кажется, собака у него была* (Борис Любимов, Три главные темы в жизни – Церковь, литература и театр, 2015). *Вся она была в грязи, в одном ситцевом платьишке, которое заменяло и рубашку; ноги были босые, грязные, а голова простоволосая.* (Г.И. Успенский, Не случись, 1883). *Сегодня обнаружил, что светлый кухонный*

столлик с царапинами, за которым я привык работать на прежней квартире, так и подманивает меня (Д.Н. Каралис, Дневник, 1989). *Она очень плохо видела, но, естественно, на сцену выходила без очков* (Сати Спивакова, Не всё, 2002). Эти словосочетания употребляются в непредикативной и предикативной позициях, при употреблении в предикативной функции не меняют свои значения – не подвергаются метафоризации и не обозначают состояние-оценку, а потому не имеют потенциальной возможности переходить в категорию состояния.

Звено **Б** занимают единицы, обладающие ярко выраженными дифференциальными признаками категории состояния: семантикой состояния, предикативной позицией, валентностью на субъект состояния «Я» и др. К звену **Б** принадлежат такие словоформы как *в радости, в веселье, в тревоге, в беспокойстве, в грусти, в тоске, в печали, в голоде, в волнении*, которые изначально обладают лексическим значением ‘состояние’ и образуют пару с безлично-предикативными словами на -о: *в радости / мне радостно, я в веселье / мне весело, я в тревоге / мне тревожно, я в беспокойстве / мне беспокойно, я в грусти / мне грустно, я в тоске / мне тоскливо, я в печали / мне печально, я в голоде / мне голодно, я в волнении / мне волнительно*⁴⁰. О «центральном месте» этих словоформ свидетельствует наличие у них коррелятов с лексемой «состояние»: *в радости / в состоянии радости,*

⁴⁰ Вариант, остающийся за границей нормы, вместе с тем возможный в современной речи. Ср.: *Почему-то было очень волнительно просто произносить это вслух* (Туи Сазерленд, Зверинец, 2013). *Всегда волнительно, когда экспериментирую с рецептами или готовлю в незнакомой духовке* (Ольга Карпова, Фермерский обед. Как создавать кулинарные шедевры из натуральных продуктов, 2019). *Она шагала быстро и уверенно, хотя в крайности не знала куда; и ей становилось волнительно боязно и не по себе от этого, словно какое-то труднообъяснимое чувство толкало её идти дальше* (Константин Матвеевич Подгорный, Матушка Готель, 2012).

в веселье / в состоянии веселья, в тревоге / в состоянии тревоги, в беспокойстве / в состоянии беспокойства, в грусти / в состоянии грусти, в тоске / в состоянии тоски, в голоде / в состоянии голода, в волнении / в состоянии волнения.

Корреляты с лексемой «состояние» также имеют такие словоформы, как *в восторге / в состоянии восторга, в унынии / в состоянии уныния, в возмущении / в состоянии возмущения, в коме / в состоянии комы, в упоении / в состоянии упоения, в экстазе / в состоянии экстаза, в депрессии / в состоянии депрессии, в отчаянии / в состоянии отчаяния, в гневе / в состоянии гнева, в бешенстве / в состоянии бешенства, в исступлении / в состоянии испуга* и другие.

Отметим, что множество предикативных предложно-падежных форм, исходно обозначающих состояние, имеют корреляты с лексемой «состояние» или образуют пару с безлично-предикативным словом на -о. Они занимают звено **Б**, образуя другой центр развития категории состояния, кроме безлично-предикативных слов на -о.

Помимо этого, многие из исследуемых нами предложно-падежных форм по сути являются **синкретичными образованиями**, находящимися в звеньях **Аб, АБ, аБ**: они в большей или меньшей степени сохраняют связь с существительными и в разных пропорциях сочетают дифференциальные признаки существительного и категории состояния.

К звену **Аб** относятся такие словоформы, как *в ажуре, в порядке, в норме, в форме, в шоколаде, в плюсе, в минусе* и т. д., которые имеют тенденцию «продвигаться» в сторону категории состояния, но по категориальному значению

остаются существительными. Так, предикативная предложно-падежная форма (*быть*) в *ажуре* употребляется в разговорной речи в значении ‘*всё хорошо, всё окей, всё в полном порядке, благополучно*’: *Когда Сапар-Кули-ага закончил свой рассказ и все выпили за здоровье Ермасова, встал Хорев и предложил тост за то, чтобы «наш замечательный производственный эксперимент закончился благополучно, чтобы всё было в ажуре»* (Юрий Трифонов, Утоление жажды, 1959-1962). Данная словоформа делает шаг по направлению к категории состояния, однако возможность сочетаться с номинативом лица – носителем актуального состояния – для неё остается недоступной: *я в ажуре**, *у меня всё в ажуре*.

В результате метафоризации словоформа *в шоколаде* приобретает оценочные оттенки и образует синонимичные ряды со словоформой *в ажуре*, о чем свидетельствует аналогичное выражение с оценочным словом *хорошо*: *быть в ажуре / в шоколаде – ‘всё хорошо с делами’*, ср.: *Совершенно не ожидал такого финала, хотя я ему говорил: слушайся меня – будет всё в шоколаде* (Дарья Донцова, Уха из золотой рыбки, 2004). *Я вижу своей задачей не ласковое восхваление того, насколько у вас всё будет в шоколаде... НЕТ* (Алексей Фролов, Очередной случай из практики, 2014.10.20).

Статус словоформ *в порядке, в норме* вызывает сомнение, поскольку отмеченные словоформы сочетаются как с местоимением *всё*, так и с номинативом лица: *Наконец один врач сказал мне «по секрету»: У тебя, дорогая, всё в порядке* (Вероника Стрельникова, Опять акробатика, милый? // «Даша», 2004). *Но я очень замерз!! а ты*

в порядке? (Смс-сообщения старших школьников, 2004). *Всё в норме, всё слышно* (Н.Б. Черных. Слабые, сильные. Часть вторая // «Волга», 2015). *Хватит... Не надо, я уже в норме* (Татьяна Сахарова. Добрая фея с острыми зубками. 2005). Мы относим их к звену **Аб**, потому что в семантике данных словоформ преобладает сема оценки над семой состояния.

Несмотря на структуру НПС, лексическое значение лексем *в плюсе / в минусе* – в первую очередь констатация оценки, в то время как состояние является лишь следствием: *Она со мной согласилась, и прямо чудо произошло: наступил день зарплаты, а Галка не в минусе, а в плюсе!* (Дарья Донцова, Рождественский кролик, 2011). Семантика оценки выражена эксплицитно, а мысль о состоянии вторична и является следствием положительного баланса: *‘Галка в положительном балансе, поэтому ей хорошо / радостно’*. Валентность на актуального субъекта состояния свидетельствует о том, что удельный вес состояния в семантической структуре данной словоформы возрастает: *При этом он всегда в плюсе* (коллективный. Форум: Все о фьючерсах, 2009-2011). *Сегодня мы все в минусе* (Виктор Доценко, Тридцатого уничтожить! 2000). Словоформы сохраняют живые связи с именем существительным, характерной для него предметной семантикой: речь идёт в первую очередь о балансе – положительном или отрицательном, и только потом об оценке и состоянии как вторичном значении.

Итак, принадлежность словоформ *в ажуре, в шоколаде, в порядке, в норме, в плюсе* и *в минусе* к звену **Аб** обусловлена следующими факторами: (1) значение

предметности трансформировано в оценочное значение (= хорошо), в таком случае лексема отделяется от имени существительного; (2) вместе с тем отсутствие валентности на субъект состояния «Я», см.: неупотребительное *я в ажуре**, употребляемое *у меня всё в ажуре* (в роли подлежащего – местоимение *всё*, семантика которого включает представление и о неодушевленных предметах) ограничивает транспозиционные возможности словоформы; (3) в семантике словоформы преобладает значение оценки («состояние < оценка»), значение состояния имплицитно и вторично или представлено как следствие: ‘всё хорошо – следовательно, нам / мне хорошо’.

К звену **АБ** относятся такие новейшие предикативные предложно-падежные формы, у которых наблюдается примерное равновесие дифференциальных признаков существительного и категории состояния, к примеру, *в моменте, в потоке, в ресурсе, на стиле, на волне, в тренде, на движении, на стиле, на позитиве, в теме, в курсе* и другие.

Значение состояния появляется у словоформ *быть в моменте, в потоке, в ресурсе* как результат метафоризации. Слова *момент, поток, ресурс* сами по себе являются символами особо значимых вещей, исчезающих крайне быстро.

Предикативные предложно-падежные формы (*быть*) *на волне, в тренде, на движении, на стиле* характеризуются ярким оценочным оттенком: эти словоформы говорят об абстрактном состоянии и активном отношении к жизни.

Словоформы *в курсе, в теме* объединены значением ‘осведомленности о ходе

дел, о развитии, состоянии чего либо, понимания происходящего’, ср.: *Она была в курсе, что заключён контракт, а в Москве ещё никто не знал об этом* (Сати Спивакова, Не всё, 2002). *Видите ли, Мария, я в теме и я ЗНАЮ, что многое, что там было сказано, есть ложь* (Форум: Свято-Филаретовский институт прокомментировал участие сотрудницы в акции в поддержку Pussy Riot, 02.2013). Данные словоформы отличаются чётким оценочным оттенком и указывают на положительное отношение говорящего к реальной жизни.

В отмеченных словоформах наблюдается равновесие семантики состояния и оценки, а общее значение может быть интерпретировано как *‘быть в состоянии позитивного настроения и иметь положительное отношение к жизни’*, что расценивается говорящим как ‘хорошо’. Значение предметности у этих словоформ ослаблено – в результате метафоризации развивается новое, абстрактное значение состояния и оценки, сохраняется лишь ассоциативная связь с существительным и первичным значением, именно поэтому мы относим их к звену **АБ**.

К звену **аБ** относятся словоформы, в которых преобладают признаки категории состояния. Они употребляются в речи для выражения определённого состояния: это значение появляется в результате метафоризации, связь с исходным значением существительного сохраняется в наименьшей степени по сравнению со звеньями **А**, **Аб** и **АБ**, соотношение сем в семантической структуре семантики может быть представлено как «состояние > оценка». Это звено наполняют такие лексемы, как *в запаре (в запарке), в замоте, в трудах, в делах, в кураже, под куражом, в подпитии,*

под градусом, в клеточке, под градусом, под мухой, в запое, на игле, под винтом, под кайфом, под дозой и другие.

Словоформы *в запаре, в замоте, в трудах, в делах* объединены значением *‘состояние занятости’*. В *запаре* или вариант *в запарке* обозначает *‘спешку, напряжённость в работе или делах из-за перегруженности, нехватки времени’*: *Подруга была «в запаре»* (Маша Трауб, Не вся la vie, 2008). *Вы же не по злобе, а сгоряча, в запарке* (Эльдар Рязанов, Эмиль Брагинский, Вокзал для двоих, 1983). *Быть в замоте* обозначает *‘состояние усталости от множеств утомительных дел, суеты’*: *Отвезёшь домой моего сына после занятий, а то я в замоте?* (Александр Полюхов, Афганский исход. КГБ против Масуда, 2015). Он **в трудах**: есть электричество, есть вода, весной он уже копает грядки, а осенью собирает урожай (коллективный. Неделя. Письма // «Огонек», 2015). *Заботы, думы о будущем как бы вовсе от меня отступили, весь я был в делах семьи, в которой жил, поглощен весенними превращениями в природе...* (О.В. Волков, Из воспоминаний старого тенишевца, 1988).

Словоформы, объединенные значением *состояния алкогольного опьянения* (*в кураже, под куражом, в подпитии, под градусом, в клеточке, под градусом, под мухой, в запое* и т. д.) и *наркотического состояния* (*на игле, под винтом, под кайфом, под дозой*) тоже включены в звено **аБ**: *Анисенька моя была весела, чем и возбуждала любовь мою, отчего и я был в кураже и старался знакомиться с новыми родными* (Г.Ф. Квитка-Основьяненко, Пан Халявский, 1839). *Обратите внимание*

на состояние двух подонков и женщины, они все были в **подпитии** (Владимир Шахиджанян, 1001 вопрос про ЭТО (№№ 501-1001), 1999). *Он пять лет уже на игле, с семнадцати* (Влада Валеева, Скорая помощь, 2002). *Костя сидел напротив, ему стало совсем хорошо и хотелось, как всегда **под кайфом**, посмеяться и еще – стихи посочинять* (Сергей Каледин, Записки гробокопателя, 1987-1999).

Анализ ряда транспонированных предикативных предложно-падежных форм с помощью шкалы переходности позволил выявить, что та или иная единица занимает определенное звено на шкале переходности – находится на определенном этапе перехода из имени существительного в категорию состояния в зависимости от сочетания нескольких факторов: 1) синтактико-морфологический критерий: закреплённость лексемы в предикативной позиции с референциальной связью с понятием *человек / лицо* (модель ‘**S + предикативная предложно-падежная форма**’); 2) метафоризация лексического значения (если изначально сема ‘состояние’ не включена в семантическую структуру слова); 3) семантика «состояния-оценки»: обязательным элементом семантики состояния является оценочная сема, которая вместе с тем не может превалировать (ср.: *я в плюсе, ты в минусе*); 4) введение лексемы «состояние»; 5) пара с безлично-предикативными словами на *-о*.

С учётом этих критериев мы рассмотрели оппозиционные звенья, представленные единицами предикативных предложно-падежных форм, обладающими полным набором дифференциальных признаков: к звену *A* относятся словоформы, обладающие дифференциальными признаками имени

существительного (*в пальто, без шапки, с царапинами, без очков и др.*), в звено **Б** включены словоформы, обладающие дифференциальными признаками категории состояния (*в радости, в веселье, в тревоге, в беспокойстве, в грусти, в тоске, в печали, в голоде, в волнении, в восторге, в унынии, в возмущении, в коме, в упоении, в экстазе, в депрессии, в отчаянии, в гневе, в бешенстве, в исступлении и др.*).

Периферийное звено **Аб** составляют словоформы, проявляющие потенциальную возможность переходить в категорию состояния (*в ажуре, в порядке, в норме, в форме, в шоколаде, в плюсе, в минусе и др.*), к промежуточному звену **АБ** принадлежат словоформы, характеризующиеся равновесием семантики состояния и оценки (*в моменте, в потоке, в ресурсе, на стиле, на волне, в тренде, на движении, на стиле, на позитиве, в теме, в курсе и др.*), периферийное звено **аБ** занимают словоформы, в которых преобладают признаки категории состояния, связь с исходным значением существительного сохраняется в наименьшей степени по сравнению с прочими звеньями (*в запаре (в запарке), в замоте, в трудах, в делах, в кураже, под куражом, в подпитии, под градусом, в клеточке, под градусом, под мухой, в запое, на игле, под винтом, под кайфом, под дозой и др.*).

Выводы по главе 2

Анализ семантики и функционирования актуальных транспонированных единиц существительного с помощью шкалы переходности «*имя существительное – категория состояния*» позволяет сделать следующие выводы:

1. Стремительное развитие семантики состояния выражается не только в появлении новых лексем состояния, но и в актуализации синтаксической конструкции бисубстантивных предложений, которые предоставляют благоприятные условия для оформления актуальной мысли о состоянии. Условия перехода существительного в категорию состояния заключаются в закреплении словоформ в предикативной позиции – в функционировании в роль сказуемого в бисубстантивной конструкции.

2. Лексические предпосылки перехода словоформ заключаются в наличии семы состояния и оценочной (или потенциально-оценочной) семы. У одних предикативных предложно-падежных форм семы состояния и оценки существуют в исходном значении существительного, у других значение состояния появляется в результате метафоризации: в условиях бисубстантивной конструкции предложно-падежные формы существительного подвергаются лексической и грамматической трансформации и приобретают возможность «изолироваться» от общей системы склонения и употребляться не в своём падежном значении.

3. Экстралингвистический фактор актуализации предикативных предложно-падежных форм существительного связан с трансформацией сознания человека и

переоценкой ценностей. Тенденция к актуализации личности в общественном сознании способствует продуктивному употреблению личной конструкции – *модели «S + связка + предикативная предложно-падежная форма»* для оформления актуальной мысли о состоянии.

4. Опираясь на существующие классификации типов семантических разновидностей слов категории состояния, мы выделяем четыре семантические группы, к которым относятся предикативные предложно-падежные формы, функционирующие в бисубстантивных предложениях: *психоэмоциональное состояние, физиологическое состояние, социальное состояние и разнообразные новейшие состояния.*

5. Каждая лексическая единица – исходная форма имени существительного – проходит свой индивидуальный путь семантической эволюции и приобщения к классу слов категории состояния. Так, *(быть) в восторге, в ужасе, в шоке*, стабильно употребляются в речи в качестве слов категории состояния, употребление словоформ *(быть) в шоколаде, в ажуре, в плюсе* в статусе категории состояния актуализируется в последние 30 лет (после 90-х годов XX века). Словоформа *(быть) в грусти*, раньше относившаяся к потенциально возможным в языковой системе, но неупотребительным в речи, сегодня испытывает процесс актуализации.

6. Критерии определения статуса предложно-падежных форм существительного следующие: 1) закреплённость в предикативной позиции с референциальной связью с понятием *человек / лицо* (модель ‘S + предикативная предложно-падежная

форма’); 2) метафоризация лексического значения (если изначально сема ‘состояние’ не включена в семантическую структуру слова); 3) семантика «состояние-оценка»: обязательным элементом семантики состояния является оценочная сема, которая вместе с тем не может превалировать (ср.: *я в плюсе, ты в минусе*); 4) наличие коррелятов с лексемой «состояние».

7. Используя шкалу переходности, разработанную В.В. Бабайцевой, мы определили степень сдвига в категориальном значении актуальных транспонированных единиц предложно-падежных форм: звено **Аб** составляют словоформы, проявляющие потенциальную возможность переходить в категорию состояния (*в ажуре, в порядке, в норме, в форме, в шоколаде, в плюсе, в минусе* и др.), к промежуточному звену **АБ** принадлежат словоформы, характеризующиеся равновесием признаков существительного и категории состояния (*в моменте, в потоке, в ресурсе, на стиле, на волне, в тренде, на движении, на стиле, на позитиве, в теме, в курсе* и др.), периферийное звено **аБ** занимают словоформы, в которых преобладают признаки категории состояния (*в запаре (в запарке), в замоте, в трудах, в делах, в кураже, под куражом* и др.), в звено **Б** включены словоформы, обладающие дифференциальными признаками категории состояния (*в радости, в веселье, в тревоге, в беспокойстве, в грусти, в тоске, в печали, в голоде, в волнении, в восторге* и др.)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мысль о состоянии, или семантика состояния, является важным фрагментом русской языковой картины мира. Об уникальности семантики состояния в русской языковой картине мира свидетельствует специальная грамматическая категория – категория состояния как часть речи, релевантными признаками которой служит неизменяемость слова в обязательной связи с его предикативностью и семантикой состояния субъекта, а также и аналитическая форма представления времени и наклонения – при необходимом употреблении связки *быть* или *глаголов-связок*.

Категория состояния характеризуется ядерно-периферийной организацией и строится на основе двух специализированных синтаксических моделей: **дативно-предикативной структуры (ДПС)** и **номинативно-предикативной структуры (НПС)**, продуктивных и дополняющих друг друга в выражении мысли о *новом* состоянии. Упрочение предложно-падежных форм в предикативной позиции в модели НПС позволяет словоформам подвергаться лексическим и грамматическим трансформациям и приближаться к категории состояния.

По мере трансформации сознания человека и переоценки ценностей происходит поворот к *себе*, к своему мышлечувствованию. Актуализация транспонированных единиц имени существительного обусловлена, с одной стороны, переактуализацией ценностных ориентиров, стремлением современного человека к индивидуализации, что непосредственно проявляется в его речевой деятельности – все чаще отдается предпочтение актуальному субъекту «Я» при выборе языковых способов передачи

собственных эмоций и чувств, с другой стороны – актуализацией бисубстантивных предложений, в которых предложно-падежные формы регулярно и продуктивно функционируют в позиции именной части связочно-субстантивного сказуемого, обозначая состояние.

Каждая лексическая единица – исходная форма имени существительного – проходит свой индивидуальный путь семантической эволюции и приобщения к классу слов категории состояния. Метод статистического анализа в диахронии и микродиахронии демонстрирует, что предикативные предложно-падежные формы (предложно-падежные формы, закреплённые в предикативной позиции), в исходном значении обозначающие состояние, стабильно употребляются в качестве слов категории состояния с давних времён и сохраняют актуальность до настоящего времени, а те словоформы, у которых значение состояния появляется в результате метафоризации, актуализируется в качестве категории состояния в последние 30 лет (после 90-х годов XX века).

Переход языковых единиц из одной категории в другую – явление динамичное: случаи, прежде не считавшиеся нормой, в будущем могут войти в употребление в роли категории состояния. Новые факты и «перемены» прежде всего происходят в разговорной речи, в интернет-пространстве, где молодёжь может свободно выражать свои мысли. Интернет-мониторинг позволил обнаружить ряд новейших лексем состояния, у которых категориальное значение ещё не определено, но которые широко употребляются среди молодёжи, к примеру: *в моменте*, *в потоке*,

в ресурсе, на стиле, на волне, в тренде, на движении, на позитиве, в теме и т. д. Предикативные предложно-падежные формы, выражающие разнообразные новейшие состояния, характеризуются ярким оценочным оттенком: это свидетельствует о том, что современная молодёжь склонна выражать не только свои чувства и эмоции, но и оценки и отношение к окружающему миру.

Каждая из транспонированных единиц находится в разной степени перехода из существительного в категорию состояния. Для того чтобы определить статус предикативных предложно-падежных форм, мы применили шкалу переходности, разработанную В.В. Бабайцевой, и получили следующие результаты.

Звено *А* занимают словосочетания, при употреблении в предикативной функции не меняющие свои значения – не подвергающиеся метафоризации и не обозначающие состояние-оценку. Они не имеют потенциальной возможности переходить в категорию состояния (ср.: *в пальто, без шапки, с царапинами, без очков*).

Звено *Аб* занимают словоформы, обладающие потенциальной способностью переходить в категорию состояния (*в ажуре, в порядке, в норме, в форме, в шоколаде, в плюсе, в минусе* и др.). Отнесение их к звену *Аб* обусловлено следующими факторами: значение предметности трансформировано в оценочное значение (= *хорошо*), что означает шаг в сторону от класса существительных (в отличие от *в сюртуке*, предложенного Л.В. Щербой); невозможность валентности на прямой субъект – носитель семантики состояния («Я»), ср.: *я в ажуре**, но *у меня всё*

в ажуре; преобладает семантика оценки над состоянием (состояние < оценка). Они имеют тенденцию «продвигаться» в сторону категории состояния, но по категориальному значению остаются существительными.

К промежуточному звену **АБ** мы относим такие словоформы, как *в моменте, в потоке, в ресурсе, на стиле, на волне, в тренде, на движении, на стиле, на позитиве, в теме, в курсе*, у которых есть валентность на субъект состояния «Я». Значение предметности этих словоформ ослаблено – в результате метафоризации развивается *новое*, абстрактное значение состояния и оценки, но ассоциативная связь с существительным и первичным значением сохраняется, у них наблюдается равновесие семантики состояния и оценки.

Звено **аБ** занимают словоформы, в которых преобладают признаки категории состояния (*в запаре (в запарке), в замоте, в трудах, в делах, в кураже, под куражом* и др.). Эти словоформы употребляются в речи для выражения определённого состояния, значение состояния появляется в результате метафаризации, связь с исходным значением существительного сохраняется в наименьшей степени по сравнению со звеньями **А**, **Аб** и **АБ**, соотношение сем в структуре семантики может быть представлено как «состояние > оценка».

Звено **Б** занимают единицы, обладающие ярко выраженными дифференциальными признаками категории состояния, характеризующиеся семантикой состояния, закреплённой предикативной позицией, валентностью на субъект состояния «Я», наличием коррелятов с лексемой «состояние»

(в депрессии / в состоянии депрессии) и коррелирующей пары с предикативами – словами на -о (*Мне грустно – Я в грусти*).

При этом нужно дополнить, что распределение транспонированных единиц предикативных предложно-падежных форм по звеньям шкалы переходности условно: опираясь на разработанные нами критерии, мы исследовали лишь некоторые типичные единицы, статус многих словоформ трудно определить. В перспективе мы продолжим исследовать транспонированные предикативные предложно-падежные формы существительного, изучать процесс их перехода в категорию состояния и отслеживать их индивидуальный путь эволюции семантики и изменения условий функционирования.

БИБЛИОГРАФИЯ

Монографии, статьи, диссертации и авторефераты

1. Андреева Л.А. Разграничение предложного падежа с предложом в предикативной и обстоятельственной функциях // Краткие очерки по русскому языку: материалы пятой научно-методической конференции Объединения кафедр русского языка вузов Центрально-Чернозёмной зоны. М.: Воронеж, 1964. С. 80-85.
2. Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д. Метафора в семантическом представлении эмоций // Вопросы языкознания. 1993. №3. С. 27-35.
3. Апресян Ю.Д. Основания системной лексикографии // Языковая картина мира и лексикография / В.Ю. Апресян [и др.]; отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2006. 910 с.
4. Аристотель. О душе. Перевод П.С. Попова, исправленный и дополненный М.И. Иткиным с примечаниями А.В. Сагадеева. В кн.: Аристотель. Соч. в 4-х томах. Т.1, М.: Мысль, 1976. С. 371-448.
5. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т.2. Ред. З.Н. Микеладзе. М.: Мысль, 1978. С. 72-73.
6. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. Изд. 6-е. М.: URSS, 2009. 382 с.
7. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.

8. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957. С. 160-161.
9. Бабайцева В.В. Переход кратких прилагательных в состав безлично-предикативных слов // Учёные записки Кабардинского государственного педагогического института. Начальник, 1955. Вып. 7. С. 125-152.
10. Бабайцева В.В. Переходность и синкретизм в языке и речи. Межвузовский сборник научных трудов / [Редкол.: В.В. Бабайцева (отв. ред.) и др.]. М.: Прометей, 1991. 266 с.
11. Бабайцева В.В. Понятие о функциональных омонимах // Русская словесность. 2003, №.3. С. 34-39.
12. Бабайцева В.В. Предложение с безлично-предикативными словами в современном русском языке (без инфинитива): Автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Акад. наук СССР. Ин-т языкознания. Москва, 1955. 12 с.
13. Бабайцева В.В. Синкретизм в системе логико-синтаксических типов семантики простого предложения // Бабайцева В.В. Избранное. 1955-2005: Сборник научных и научно-методических статей / Под. ред. проф. К.Э. Штайн. М. Ставрополь: Издательство СГУ, 2005. – С. 326-339.
14. Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматическом строе русского языка и методика их изучения // Явления переходности в грамматическом строе русского языка. М.: МГПИ, 1988. С. 3-13.

15. Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка. М.: Дрофа, 2000 (а). 638 с.
16. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. М.: Свердловск: Из-во Урал. Ун-та, 1989. 184 с.
17. Баудер А.Я. Имена существительные и их функциональные омонимы – модальные слова // Грамматические классы слов. (Сборник статей) / Ред. коллегия: А.Я. Баудер (отв. ред.); М-во просвещения РСФСР. Тамб. гос. пед. ин-т. М.: Тамбов, 1976. С. 3-14.
18. Белошапкина В.А. Современный русский язык [Текст]: Синтаксис: [Учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов]. Москва: Высш. школа, 1977. 248 с.
19. Берестова О.Г. Бисубстантивные предложения со значением состояния лица в современном русском языке: Автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Моск. гос. обл. ун-т. Москва, 2003. 22 с.
20. Берестова О.Г. Бисубстантивные предложения со значением состояния лица в современном русском языке: [Текст]: учебно-методическое пособие; М-во образования и науки Российской Федерации, Камчатский гос. ун-т им. Витуса Беринга. Петропавловск-Камчатский: КамГУ им. Витуса Беринга, 2010. 153 с.
21. Берестова О.Г. Глагольные и субстантивные предложения со значением психического состояния: к вопросу о синтаксических синонимах // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2010. № 5. С. 7-10.

22. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: «Наука», 1987. 348 с.
23. Бондарко, А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка. М.: Наука, 2002. 736 с.
24. Бондарко А.В. Функциональная грамматика. Л.: Ленинград: Наука. Ленинградское отд-ние, 1984. 136 с.
25. Боровикова Н. В. Имя собственное как знак в языке и речи // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2010. № 1. С. 13-19.
26. Будагов Р.А. Очерки по языкознанию. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1953. 280 с.
27. Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов / [Т.В. Бурлыгина, О.Н. Селиверстова, Н.А. Ишевская и др.; Отв. ред. О. Н. Селиверстова]. М.: Наука, 1982. С.7-85.
28. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д., Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 576 с.
29. Васильев Л.М. Предикаты состояния в современном русском языке // Исследования по семантике. Семантика языка и речи. М.: Уфа, 1991. С. 32-51.
30. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. М.: Высш. шк., 1990. 175 с.
31. Васильева О.В. Личные предикативы в псковских говорах: На фоне других

неизменяемых предикативов: дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01. С. Петерб. гос. ун-т. Санкт-Петербург, 2003. 204 с.

32. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Рус. слов., 1996. 411 с.

33. Виноградов В.В. Исследования по русской грамматике [Текст]: Избр. труды / [Предисл. Н. Шведовой]; АН СССР. Отд-ние литературы и яз. М.: Наука, 1975. 559 с.

34. Виноградов В.В. Об омонимии в русской лексикографической традиции // Лексикология и лексикография [Текст]: Избр. труды / В.В. Виноградов; [Отв. ред. и авт. предисл. В.Г. Костомаров; АН СССР, Отд-ние литературы и яз.]. М.: Наука, 1977. С. 288-294.

35. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / Под ред. Г.А. Золотовой. 4-е изд. М.: Рус. яз., 2001. 720 с.

36. Виноградов С.Н. Проявления переходности у слов категории состояния // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: история и современность: Сб. науч. тр. Вып. IV. ... Функционирование. Текст: Межвуз. сб. науч. тр. Киров, 2016. С. 131-137.

37. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф; вступ. ст. Н.Д. Арутюновой и И.И. Чельшевой. Изд. 3-е изд., стер. М.: URSS, 2005. XXII, 259 с.

38. Востоков А.Х. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же Сокращенной грамматики, полнее изложенная. 4-е изд. М.: Санкт-Петербург: тип. Имп. Рос. акад., 1839. XXII, 419 с.

39. Всеволодова М.В., Го Шуфень. Классы моделей русского простого предложения и их типовых значений: Модели русских предложений со статальными предикатами и их речевые реализации (в зеркале китайского языка). М.: АЦФИ, 1999. 168 с.
40. Галкина-Федорук Е.М. Безличные предложения в современном русском языке. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. С. 274.
41. Галкина-Федорук Е.М., Горшкова К.В., Шанский Н.М. Современный русский язык: Синтаксис: Учебное пособие. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 200 с.
42. Ганзен В.А. Системные описания в психологии / ЛГУ им. А.А. Жданова. М.: Изд-во ЛГУ, 1984. 175 с.
43. Герасименко Н.А. Активные процессы в неглагольных предложениях современного русского языка // Педагогическое образование и наука. 2017. № 5. С. 125-128.
44. Герасименко Н.А. Бисубстантивные предложения в русском языке: структура, семантика, функционирование: моногр. М.: Изд-во МГОУ, 2012. 290 с.
45. Герасименко Н.А. Бисубстантивные предложения в системе типов русского предложения // Синтаксические средства как экспрессивный ресурс текста. Коллективная монография. Отв. ред. Шаповалова Т.Е., М.: ООО «Постатор», 2022 (6). С. 24-33.
46. Герасименко Н.А. Бисубстантивный тип русского предложения /

Н.А. Герасименко; М-во общ. и проф. образования РФ. Моск. пед. ун-т. М.: Моск. пед. ун-т, 1999. 134 с.

47. Герасименко Н.А. Развитие аналитизма в связочно-субстантивном сказуемом // Аналитизм в лексико-грамматической системе русского языка. Монография / Под ред. П.А. Леканта. М.: Изд-во МГОУ, 2011. С. 69-101.

48. Герасименко Н.А. Связочно-субстантивное сказуемое как отражение динамических процессов в русской языковой картине мира // Русский язык за рубежом. 2018. № 3. С. 37-41.

49. Герасименко Н.А. Типология двусоставного предложения // Синтаксические средства как экспрессивный ресурс текста. Коллективная монография. Отв. ред. Шаповалова Т.Е. М.: ООО «Постатор», 2022 (а). С. 11-24.

50. Голошубина О.К. Комплексное моделирование речевого жанра «разговор в мессенджере»: дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01. Омск, 2017. 175 с.

51. Городнянская П.А. Многоаспектный анализ лексикализованных предложно-падежных словоформ адвербиального характера в русском языке: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01. Абакан, 2013. 18 с.

52. Громакова О.Н. Словообразовательная категория суффиксальных отглагольных абстрактных имен существительных со значением «состояние человека» в современном русском литературном языке: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01. Ставрополь, 2008. 23 с.

53. Гумбольдт В. фон Избранные труды по языкознанию: Пер. с нем. / Общ.

ред. Г.В. Рамишвили; Послесл. А.В. Гулыги и В.А. Звегинцева. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. 396 с.

54. Гуревич В.В. О субъективном компоненте языковой семантики // Вопросы языкознания. 1998. № 1. С. 27-35.

55. Зализняк Анна А. Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния. М.: München: Sagner, 1992. 201 с.

56. Зализняк А.А. О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях // «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М.: «Языки славянской культуры», 2002. С. 613-647.

57. Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы её представления. М.: Языки славянских культур, 2006. 672 с.

58. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. 368 с.

59. Золотова Г.А. Развитие некоторых типов именных двусоставных предложений в современном русском языке // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М.: 1964. С. 275-302.

60. Ибрагимова В.Л. Семантика глаголов пространственной локализации в современном русском языке. М.: Изд-во Башк. ун-та, 1992. 172 с.

61. Исаченко А.И. О возникновении и развитии «категории состояния» в славянских языках // Вопросы языкознания. 1955. № 6. С. 48-65.

62. Кабанова С.А. Фразеологизированные предложно-падежные субстантивные формы в сербском и русском языках // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация Выпуск №11, 2013. С. 89-98.

63. Калинин А.А. Семантика и предикативное функционирование предложно-падежных форм существительных в современном русском языке: дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01. М., 2003. 243 с.

64. Камалова А.А. Лексика со значением состояния в современном русском языке: дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01. Уфа, 1984. 212 с.

65. Кан Ю.Н. Из истории вопроса об именном сказуемом в форме косвенного падежа имени существительного с предлогом и о некоторых его грамматических особенностях / Ю.Н. Кан // Учёные записки Карагандинского пед. Ин-та. Т. 3. Вып. 1. Филологические науки. Караганда, 1962. С. 179-198.

66. Кант И. Сочинения в шести томах / Под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. М.: изд-во «Мысль», 1963. 543 с.

67. Кацнельсон С.Д. Категории языка и мышления: Из научного наследия / Отв. ред. Л.Ю. Брауде. М.: Языки славянской культуры, 2001. 864 с.

68. Ким О.М. Транспозиция на уровне частей речи и явление омонимии в современном русском языке. М.: Фан, 1978. 227 с.

69. Клобуков Е.В. Семантика падежных форм в современном русском языке (введение в методику позиционного анализа). М.: Изд-во МГУ, 1986. 117 с.

70. Коваленко С.М. Семантический потенциал лексемы солнечно в современном русском языке // Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности / Сборник статей. Москва: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2020. С. 148-152.

71. Колосова Т.А. Русские сложные предложения асимметричной структуры. М.: Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. 164 с.

72. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. М.: Наука, 1990. 103 с.

73. Копотев М.В., Стексова Т. И. Исключение как правило: Переходные единицы в грамматике и словаре. М.: Языки славянской культуры: Рукописные памятники Древней Руси, 2016. 168 с.

74. Крючкова Л.С. Русский язык как иностранный: синтаксис простого и сложного предложения: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 032900 Рус. яз. и лит. (ДПП.ДС. 032906 «Рус. яз. как иностр.»). М.: Владос, 2004. 463 с.

75. Крючкова Л.С. Предложно-падежная система русского языка: взаимодействие формы, семантики, функции // Вестник РУДН, серия Русский и иностранные языки и методика их преподавания, 2014, №1. С. 59-63.

76. Куликов Л.В. Психические состояния / Сост. и общая редакция Л.В. Куликова. М.: Питер, 2001. 512 с.

77. Левитов Н.Д. О психических состояниях человека [Текст] / Н.Д. Левитов;

Акад. пед. наук РСФСР. М.: Просвещение, 1964. 344 с.

78. Лекант П.А. Аналитическая часть речи предикатив в современном русском языке // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». 2011 (а). № 2. С. 20-27.

79. Лекант П.А. Аналитические формы и аналитические конструкции в современном русском языке: монография. М.: ИИУ МГОУ, 2015. 86 с.

80. Лекант П.А. Предикатив в системе частей речи в русском языке // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы XII Международной научной конференции (Владимир, 26-28 сентября 2017 года), посвященной 65-летию кафедры русского языка. Владимир: Транзит-ИКС, 2017. С. 281-288.

81. Лекант П.А. Тенденция роста аналитизма в грамматическом строе современного русского языка // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». № 6, том 2. 2011 (б). С. 23-29.

82. Лекант П.А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке, Учеб. Пособие для студентов филолог. Специальностей пед. Ин-тов. М.: Высш. школа, 1976. 143 с.

83. Лекант П.А. Развитие форм сказуемого // Мысли о современном русском языке: Сб. Ст. / Под ред. В.В. Виноградова. Сост. А.Н. Кожин. М.: Просвещение, 1969. С. 140-153.

84. Лекант П.А. Часть речи предикатив // Очерки по грамматике русского языка. М.: Изд-во МГОУ, 2002. С. 26-31.

85. Лёвкин В.Е. Психические состояния: Учебное пособие. М.: Издательство Тюменского государственного университета, 2015. 304 с.
86. Малютина Э.К. К вопросу о категории состояния // Спорные вопросы синтаксиса: Сборник статей / Отв. ред. д-р филол. наук В.А. Белошапкина; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Москва, 1974. С. 244-260.
87. Маркелова Т.В. Выражение оценки в русском языке // Русский язык в школе. 1995. №1. С. 76-82.
88. Маркелова Т.В. Прагматика и семантика средств выражения оценки в современном русском языке: монография. М.: МГУП имени Ивана Федорова, 2013. 300 с.
89. Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 263 с.
90. Матханова И.П. Высказывания с семантикой состояния в современном русском языке: дис. ... доктора филологических наук. СПб., 2001. 337 с.
91. Медведев В.Б. Специфика предложно-падежных конструкций и падежей с пространственным значением (на материале русского и немецкого языков): дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19. Казань, 1983. 250 с.
92. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика: Пособие для студентов гуманитарных вузов и учащихся лицеев. М.: АО «Аспект-пресс», 1994. 205 с.
93. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1945. 322 с.
94. Мещанинов И.И. (отв. ред.) Язык и мышление. Том 11. М.: Издательство

Академии наук СССР, 1948. 424 с.

95. Мигирин В.Н. Категория состояния или бессубъектные прилагательные? // Мигирин В.Н. Исследования по современному русскому языку. М.: Изд-во МГУ, 1970. С. 150-157.

96. Мигирин В.Н. Очерки по теории процессов переходности в русском языке. М.: Бельцы, 1971. 199 с.

97. Милованова М.С. Аксиологические аспекты семантики состояния // Общая и русская лингвоаксиология. М.: Изд-во «Канцлер», 2022 (а). С. 148-191.

98. Милованова М.С. Безразличие как семантика и как реальность // Языкознание Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2015, № 2 (2), С. 469-472.

99. Милованова М.С. Современное русское аксиологическое сознание и актуальные тенденции в языке // Педагогическое образование и наука. 2019. №1. С. 63-66.

100. Милованова М.С. Состояние категории состояния в современном русском языке // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы XII Международной научной конференции (Владимир, 26-28 сентября 2017 года), посвященной 65-летию кафедры русского языка. Владимир: Транзит-ИКС, 2017. С. 336-341.

101. Милованова М.С. Язык и мир: лексический фонд категории состояния в современном русском языке // Русский язык за рубежом. 2018. №3. С. 4-10.

102. Милованова М.С., Хуан Яньюй. Актуальные транспонированные формы имени существительного (семантика состояния) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология 2021. № 2. С. 40-50.

103. Милованова М.С., Хуан Яньюй. Транспозиция форм имени существительного: семантика и функционирование актуальных единиц (шкала переходности «имя существительное – категория состояния») // Русский язык за рубежом. 2022 (6). № 2. С. 48-57.

104. Мкртычова Г.О. К вопросу о влиянии слов категории состояния на рост аналитических тенденций в языках синтаксического типа // Научная мысль Кавказа. 2010. №2. С. 104-107.

105. Мкртычова Г.О. Слова категории состояния: аналитизм категоризации и грамматикализации: на материале русского и английского языков: дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Мкртычова Г.О.; Ростов-на-Дону, 2011. 158 с.

106. Некрасов Н.П. О значении форм русского глагола. М.: Типография и литография И. Паульсона и К°. 1865. 314 с.

107. Норман Б.Ю. Синтаксис речевой деятельности. Минск: Вышэйшая школа, 1978. 149 с.

108. Омельченко Л.Н. Явления функциональной омонимии в современной русской речи // Мир науки, культуры, образования. 2016. 3 (58). С. 309-310.

109. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки

славянской культуры, 2004. 608 с.

110. Падучева Е.В. Эгоцентрические единицы языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. 440 с.

111. Пантелеева Т.А. Семантико-грамматическая структура предлога НА1, оформляющего винительный падеж, и предлога НА2, оформляющего предложный падеж, в современном русском языке: дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Челяб. гос. пед. ун-т. Челябинск, 2006. 245 с.

112. Панфилов В.М. К истории развития категории состояния, или предикативов, в русском языке: автореферат дисс. ... кандидата филологических наук. Красноярск, 1961. 22 с.

113. Пасечник А.А. Лексикализованные предложно-падежные сочетания и их репрезентация в лексикографии: дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19: Краснодар, 2005. 159 с.

114. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд., доп. М.: Языки славянской культуры, 1956. 510 с.

115. Платон. Диалоги // Пер. с древнегреч., сост., ред. и авт. вступ. статьи А.Ф. Лосев. М.: Изд. «Мысль», 1986, 607 с.

116. Попова З.Д. Система падежных и предложно-падежных форм в русском литературном языке XVII в. М.: Изд-во Воронеж, ун-та, 1969. 183 с.

117. Попова Л.В. Связка в грамматической системе русского языка [Текст]: монография / Л.В. Попова; М-во образования и науки Российской Федерации,

ФГАОУ ВПО «Северный (Арктический) федеральный ун-т им. М.В. Ломоносова»
М.: КИРА, 2012. 304 с.

118. Поспелов Н.С. В защиту категории состояния // Вопросы языкознания. М.: 1955. № 2. С. 55-65.

119. Прохоров А.О. Психология неравновесных состояний // Российская акад. наук, Ин-т психологии. М.: ИПРАН, 1998. 149 с.

120. Прохоров А.О. Психология состояний [Текст]: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности ВПО 030301 «Психология». М.: Когито-Центр, 2011. 623 с.

121. Пряников А.В. Семантика сказуемого, выраженного предложно-падежными сочетаниями имени существительного, в современном русском языке: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01. Москва, 2000. 25 с.

122. Пряников А.В. Субстантивные предикаты в современном русском языке: семантический аспект // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 3 (34). С. 397-399.

123. Рословец Я.И. Именные (субстантивные) предложения в современном русском языке: дисс. ... доктора филологических наук: 10.02.01. Москва, 1974. 422 с.

124. Рословец Я.И. Предложно-падежные формы в предикативной функции в современном русском языке // Уч. Зап. МГПИ им. В.И. Ленина. Т. 148. Русский язык. Вып.10. М., 1960. С. 203.

125. Русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой, В.В. Лопатина; Ин-т рус.

яз. АН СССР. - 2-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1990. 639 с.

126. Сарайкин И.В. Тенденции употребления предложно-падежных сочетаний, обозначающих состояние субъекта (на примере сочетания *на нервах*) // Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности: сборник статей. М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2020. С. 168-174.

127. Селиверстова О.Н. (ред.) Семантические типы предикатов / [Т.В. Бурлыгина, О.Н. Селиверстова, Н.А. Ишевская и др.; Отв. ред. О.Н. Селиверстова]. М.: Наука, 1982. 365 с.

128. Сергеева Г.Н. Адвербиальные предложно-падежные формы в современном русском языке [Текст]: (К вопросу о переходных явлениях в области частей речи): автореферат дис. ... кандидата филологических наук. (660) / Моск. гос. пед. ин-т им. В.И. Ленина. М.: [б. и.], 1969. 17 с.

129. Симчич Д.Г. Фразеологизация предложно-падежных форм имени существительного в предикативной функции: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01. Москва, 2000. 174 с.

130. Сирота Е.В. Специфика репрезентации синтаксического концепта «состояние» // Русский язык в России и за рубежом: изучение активных процессов в языке и речи: Сборник научных трудов. Н. Новгород, 2021. С. 290-297.

131. Сирота Е.В. Структурно-семантическая и функциональная характеристика категории состояния: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. М., 1990. 16 с.

132. Собинникова В.И. Предложно-падежные формы в предикативной функции (на материале воронежских памятников письменности) // Краткие очерки по русскому языку. Материалы пятой научно-методической конференции объединения кафедры русского языка вузов Центрально-чернозёмной зоны. Воронеж, 1964. С. 114-119.

133. Современный русский литературный язык: учебник для студентов высших учебных заведений / [Л.Л. Касаткин и др.]; под ред. П.А. Леканта. Москва.: Высш. шк., 2009. 766 с.

134. Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения. Семиологическая грамматика. 4-е изд. М.: URSS, 2007. 359 с.

135. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2004. 992 с.

136. Степанов Ю.С. Проблема классификации падежей (совмещение классификаций и его последствия) // Вопросы языкознания. 1976. № 6. С. 36-48.

137. Степанчиков М.А. Реализация семантики состояния человека на страницах печатных СМИ // Синтаксические средства как экспрессивный ресурс текста. Коллективная монография. Отв. ред. Шаповалова Т.Е., зам. отв. ред. Леденёва В.В. М.: издательство ООО «Постатор», 2022 (а). С. 141-149.

138. Степанчиков М.А. Бисубстантивные предложения как отражение жанрового разнообразия текста современной газеты: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. М., 2022 (б). 18 с.

139. Сюй Юйвэй. Русские слова категории состояния и китайская предикативно-оценочная лексика в сопоставительном аспекте: дис. ... кандидата филологических наук. М., 2021. 232 с.

140. Тихонов А.Н. Категория состояния в современном русском языке [Текст] / Самарк. гос. ун-т им. Алишера Навои. Самарканд: Изд-во Самарк. ун-та, 1960. 43 с.

141. Травничек Ф. Заметки о категории состояния // Вопросы языкознания. М.: 1956. № 3. С. 46-53.

142. Тюкинеева О.В. История формирования семантики слов категории состояния в русском языке XI-XVII вв.: На материале исторических словарей русского языка: дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01. Иркутск, 2005. 225 с.

143. Успенский В.А. О вещных коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика. 1979. С. 142-168.

144. Филин Ф.П. Русский язык [Текст]: энциклопедия / Науч.-ред. совет изд-ва «Сов. энциклопедия», Ин-т рус. яз. АН СССР. М.: Советская энциклопедия, 1979. 431 с.

145. Хуан Яньюй. Глагол-связка и формирование новых способов выражения семантики состояния // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. 2020 (а) № 4. С. 73-77.

146. Хуан Яньюй. Анализ семантики и функционирования предложно-падежных форм существительного // Материалы Международной научно-

практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XXI Кирилло-Мефодиевские чтения» (в рамках Международного Кирилло-Мефодиевского фестиваля славянских языков и культур (Москва, 26-28 мая 2020 года) / гл. ред. М.Н. Русецкая [Электронное издание]. Москва: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2020 (б). С. 429-432.

147. Хуан Яньюй. Новейшие лексемы состояния в современном русском языке // Материалы Международной научной конференции «Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности»: сборник статей. Москва: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина 2020 (в). С.187-191.

148. Цейтлин С.Н. Синтаксические модели со значением психического состояния // Синтаксис и стилистика. сборник статей. АН СССР, Институт русского языка; Отв. ред. Г.А. Золотова. М.: Наука, 1976. 316 с.

149. Ценностные ориентации российской молодежи и реализация государственной молодёжной политики: результаты исследования [Текст]: монография / Государственный университет управления; [под общ. ред. С.В. Чуева]. М.: Издательский дом ГУУ, 2017. 131 с.

150. Ценностные ориентиры современной молодежи: особенности и тенденции: монография / Т.К. Ростовская, Т.Б. Калиев. Москва: РУСАЙНС, 2019. 228 с.

151. Циммерлинг А.В. Внутри и снаружи. К типологии предикатов состояния // Н.Д. Арутюнова, С.Ю. Бочавер, М.Л. Ковшова, Т.Е. Янко (ред.). Логический анализ языка. Человек в интерьере. Внутренняя и внешняя жизнь человека в языке. М.:

Языки славянской культуры, 2016. С. 17-41.

152. Циммерлинг А.В. Древнеисландские предикативы и гипотеза о категории состояния // Вопросы языкознания. 1998. № 1. С. 36.

153. Циммерлинг А.В. Имперсональные конструкции и дативно-предикативные структуры в русском языке // Вопросы языкознания. 2018 (а). № 5. С. 7-33.

154. Циммерлинг А.В. Предикативы и предикаты состояния в русском языке // Slavističnarevija. 2018 (б). № 1. С. 45-64.

155. Циммерлинг А.В. Русские предикативы в зеркале эксперимента и корпусной грамматики // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции «Диалог 2017» Москва, 31 мая – 3 июня 2017. С. 466-482.

156. Чернов В.И. Именные предикативные конструкции в современном русском языке: автореферат дис. ... доктора филологических наук: (10.02.01). М., 1985. 32 с.

157. Чернов В.И. Именное составное сказуемое в современном русском языке [Текст]: (Из истории вопроса): Учеб. пособие по спецкурсу для студентов-филологов / М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР. Куйбышев. гос. ун-т. Куйбышев: [б. и.], 1973. 47 с.

158. Чернов В.И. Синтаксические позиции именительного и творительного предикативного существительных в современном русском языке // Филологические

науки. М., 1967. № 4. С. 76-81.

159. Чернова Л.А. Система составных именных членов предложения в современном русском языке: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.01. Тамбов, 2004. 44 с.

160. Шамсутдинова Р.Р. Аксиологический потенциал субстантивированных местоимений (на примере материалов социальной сети Instagram) // Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности / Сборник статей. Москва: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2020. С. 196-201.

161. Шамсутдинова Р.Р. Личность как концепт и его аксиологический статус // Общая и русская лингвоаксиология. М.: Канцлер, 2022. С. 82-89.

162. Шапиро А.Б. Есть ли в русском языке категория состояния? // Вопросы языкознания. М.: 1955. № 2. С. 42-54.

163. Шаповалова Т.Е. Связочно-субстантивное сказуемое в «Запасных книжках...» Евгения Сатановского // Синтаксические средства как экспрессивный ресурс текста. Коллективная монография. Отв. ред. Шаповалова Т.Е., зам. отв. ред. Леденёва В.В. М.: издательство ООО «Постатор». 2022. С. 132-140.

164. Шаповалова Т.Е. Темпоральная семантика поэтического высказывания. М.: ИИУ МГОУ, 2020. 167 с.

165. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 624 с.

166. Шаховский В.И. Значение и эмотивная валентность единиц языка и речи // Вопр. языкознания. 1984. № 6. С. 97-104.
167. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: Монография. М.: Гнозис, 2008. 416 с.
168. Шаховский В.И. Отражение эмоций в семантике слова // Изв. АН СССР. Серия лит. и яз. 1987. № 3. С. 237-243.
169. Шереметьева Е.С. Проблемы лексикографического представления предложных новообразований // Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 4. С. 133-141.
170. Шереметьева Е.С. Производный предлог: состав и структура участников отношения // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2005. № 5. С. 137-143.
171. Шиганова Г.А. Система лексических и фразеологических предлогов в современном русском языке: дис. ... доктора филологических наук: 10.02.01 / Орлов. гос. ун-т. Орел, 2001. 621 с.
172. Шигуров В.В. О транспозиции субстантивных словоформ в предикативы в русском языке // Система ценностей современного общества. 2008. № 3. С. 104-111.
173. Шигуров В.В. Транспозиция языковых единиц в межкатегориальный семантико-синтаксический разряд предикативов в русском языке // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2012. № 3. С. 97-106.
174. Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л.: ЛГУ, 1958.

Т. 1. С. 35-39.

175. Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С. 63-84.

176. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность [Текст]: Сборник работ / Ред. Л.Р. Зиндер, М.И. Матусевич; АН СССР. Отд-ние литературы и языка. Комис. по истории филол. наук. М.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. 427 с.

177. Якобсон Р.О. К общему учению о падеже // Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 133-197.

178. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago: London, 1980. 256 p.

179. 周海燕，透过过渡现象看语言单位的实质及其发展——评介 В.В. Бабайцева 的新著《俄语语法中的过渡现象》，《中国俄语教学》，2003 年第 2 期，58-59 页。

180. 周海燕，俄语词类间的过渡现象分析——以功能同音词为例，《中国俄语教学》，2012 年第 4 期，32-36 页。

181. 周海燕，过渡性理论观照下的俄语语法研究，北京大学出版社，2021 年，238 页。

182. 吴梅，《俄汉语句子里过渡现象对比研究》，上海外国语大学博士学位论文，2009 年，135 页。

Словари и справочники

183. Большой словарь русских поговорок [Текст]: более 40000 образных выражений / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина; Международная ассоц. преподавателей

русского яз. и лит., Российское о-во преподавателей русского яз. и лит., Санкт-Петербургский гос. ун-т, Межкафедральный словарный каб. им. проф. Б.А. Ларина. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2013. 783 с.

184. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция / Д.Н. Ушаков. Москва: Дом Славянской кн., 2008. 959 с.

185. Большой толковый словарь русского языка [Текст]: А-Я / РАН. Ин-т лингв. исслед.; Сост., гл. ред. канд. филол. наук С.А. Кузнецов. М.: Норинт, 1998. 1534 с.

186. Лингвистический энциклопедический словарь / [Науч.-ред. совет изд-ва «Сов. энцикл.», Ин-т языкознания АН СССР]; Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. 682 с.

187. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Под общим руководством акад. Ю.Д. Апресяна. М.: Школа «Языки славянской культуры», 2003. 1488 с.

188. Новый словарь модных слов / Вл. Новиков. М.: АСТ: Зебра Е, 2007. 185 с.

189. Психология: Словарь / [Абраменкова В.В. и др.]; Под общ. ред. А.В. Петровского, М. Г. Ярошевского. 2-е изд., испр. и доп. М.: Политиздат, 1990. 494 с.

190. Словарь грамматических омонимов русского языка: [Текст]: около 11000 слов: около 5000 омонимических рядов: [Омонимы, представленные на уровне разных частей речи. Грамматическая и стилистическая характеристика. Иллюстрации из произведений русской художественной литературы] / О.М. Ким,

И.Е. Островкина. М.: Астрель [и др.], 2004. 843 с.

191. Словарь молодёжного сленга (на материале лексикона студентов Томского государственного университета). Учебно-методич. пособие. М.: Издательский Дом Томского государственного университета, 2014. 126 с.

192. Словарь омонимов русского языка / О. С. Ахманова. - 3-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1986. 448 с.

193. Словарь русского языка [Текст]: в 4 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; [гл. ред. А.П. Евгеньева; выполн. Л.П. Алекторовой и др.]. Изд. 3-е, стер. М.: Русский язык, 1986. 736 с.

194. Тысяча состояний души: краткий психолого-филологический словарь / Т.В. Летягова, Н.Н. Романова, А.В. Филиппов. 2-е изд., испр. М.: Флинта: Наука, 2006 (Киров: Дом печати – Вятка). 423 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список лексико-семантических классов предикативных предложно-падежных форм существительного со значением состояния (или потенциального состояния)

Семантика предикативных предложно-падежных форм	Элементы ЛСК	
Психоэмоциональное состояние	Положительное эмоциональное состояние	<i>без волнений</i> <i>без горя</i> <i>без забот</i> <i>без печали</i> <i>без страха</i> <i>без тревог</i> <i>в веселье</i> <i>в восторге</i> <i>в восхищении</i> <i>в духе</i> <i>в предвкушении</i> <i>в радости</i> <i>в расцвете</i> <i>в умилении</i> <i>в упоении</i> <i>на позитиве</i> <i>на седьмом небе</i>
	Отрицательное	<i>в / на стрессе</i>

	ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ	<i>в апатии</i> <i>в беспокойстве</i> <i>в бешенстве</i> <i>в возмущении</i> <i>в волнении</i> <i>в гневе</i> <i>в горе</i> <i>в грусти</i> <i>в депрессии</i> <i>в замешательстве</i> <i>в злобе</i> <i>в испуге</i> <i>в истерике</i> <i>в муках</i> <i>в неистовстве</i> <i>в нетерпении</i> <i>в огорчении</i> <i>в одиночестве</i> <i>в осадке</i> <i>в отчаянии</i> <i>в панике в переполохе</i> <i>в печали</i> <i>в прострации</i> <i>в раздрае</i> <i>в раздражении</i> <i>в расстройстве</i> <i>в растерянности</i> <i>в скуке</i>
--	------------------------------------	---

		<p><i>в слезах</i></p> <p><i>в смущении</i></p> <p><i>в смятении</i></p> <p><i>в страхе</i></p> <p><i>в тоске</i></p> <p><i>в трауре</i></p> <p><i>в тревоге</i></p> <p><i>в трепете</i></p> <p><i>в убытке</i></p> <p><i>в ужасе</i></p> <p><i>в унынии</i></p> <p><i>в упадке</i></p> <p><i>в ярости</i></p> <p><i>на взводе</i></p> <p><i>не в авантаже</i></p> <p><i>не в духе</i></p> <p><i>не в настроении</i></p> <p><i>не в своей тарелке</i></p> <p><i>не в себе</i></p> <p><i>не в состоянии</i></p> <p><i>не по себе</i></p> <p><i>под гнётом</i></p> <p><i>под пятой</i></p>
	<p>Амбивалентное, недифференцирован- ное эмоциональное состояние</p>	<p><i>в шоке</i></p> <p><i>на эмоциях</i></p>
	<p>Состояние</p>	<p><i>в ауте</i></p>

	удивления	<i>в изумлении</i> <i>в недоумении</i> <i>в столбняке</i> <i>в шоке</i>
	Медитативное состояние	<i>в задумчивости</i> <i>в раздумьях</i> <i>в размышлениях</i>
	Другие психоэмоциональные состояния	<i>в курсе (не в курсе)</i> <i>в нерешительности</i> <i>в покое</i> <i>в силах</i> <i>в силе</i> <i>в сомнении</i> <i>в состоянии</i> <i>в спокойствии</i> <i>в тумане</i> <i>в тупике</i> <i>в убеждении</i> <i>не в силах</i>
Физиологическое состояние	Болезненное состояние / отклонение от нормы	<i>(не) в голосе</i> <i>без ног</i> <i>без памяти</i> <i>без рук</i> <i>без сознания</i> <i>без ума</i> <i>без чувств</i> <i>в беспмятстве</i> <i>в бессилии</i>

		<p><i>в болезни</i></p> <p><i>в бреду</i></p> <p><i>в жару</i></p> <p><i>в забытьи</i></p> <p><i>в кашле</i></p> <p><i>в коме</i></p> <p><i>в крови</i></p> <p><i>в лихорадке</i></p> <p><i>в обмороке</i></p> <p><i>в ознобе</i></p> <p><i>в отключке</i></p> <p><i>в отрубке</i></p> <p><i>в порезах</i></p> <p><i>в соплях</i></p> <p><i>в ступоре</i></p> <p><i>в тифе (тифу)</i></p> <p><i>в трансе</i></p> <p><i>на грани жизни и смерти</i></p> <p><i>на нервах</i></p> <p><i>при последнем издыхании</i></p> <p><i>при смерти</i></p>
	<p>Алкогольное состояние</p>	<p><i>в запое</i></p> <p><i>в кураже</i></p> <p><i>в подпитии</i></p> <p><i>под градусом</i></p> <p><i>под куражом</i></p> <p><i>под мухой</i></p>

		<p><i>под хмельком</i></p> <p><i>под шофе</i></p>
	<p>Наркотическое состояние</p>	<p><i>на игле</i></p> <p><i>под винтом</i></p> <p><i>под дозой</i></p> <p><i>под кайфом</i></p>
	<p>Другие физиологические состояния</p>	<p><i>без задних ног</i></p> <p><i>в голоде</i></p> <p><i>в завязке</i></p> <p><i>в замоте</i></p> <p><i>в запаре</i></p> <p><i>в изнеможении</i></p> <p><i>в положении</i></p> <p><i>в полудреме</i></p> <p><i>в полусне</i></p> <p><i>в полусознании</i></p> <p><i>в поту</i></p> <p><i>в раздрае</i></p> <p><i>в сытости</i></p> <p><i>в холоде</i></p> <p><i>в хрипе</i></p> <p><i>в чахотке</i></p> <p><i>во сне</i></p> <p><i>на винтах</i></p> <p><i>на ногах</i></p> <p><i>на расслабоне</i></p> <p><i>на сносях</i></p>

		<i>под наркозом</i>
Социальное состояние	Состояние межличностных отношений	<i>(не) в обиде</i> <i>(не) в претензии</i> <i>в / на протесте</i> <i>в браке</i> <i>в господстве</i> <i>в единстве</i> <i>в заботах</i> <i>в зависимости</i> <i>в заговоре</i> <i>в загоне</i> <i>в контакте</i> <i>в любви</i> <i>в небрежении</i> <i>в ожидании</i> <i>в оппозиции</i> <i>в переписке</i> <i>противодействии</i> <i>в сопротивлении</i> <i>в ссоре</i> <i>в фаворе</i> <i>на короткой ноге</i> <i>на ножках</i> <i>на побегушках</i> <i>на помочах</i> <i>на посылках</i> <i>на связи</i> <i>на хлебах</i>

		<i>под башмаком</i> <i>под каблуком</i>
	Деятельное состояние	<i>в бегах</i> <i>в делах</i> <i>в службе</i> <i>в солдатах</i> <i>в студентках</i> <i>в суете</i> <i>в труде (в трудах)</i>
	Недеятельное состояние	<i>в бездействии</i> <i>в отпуске</i> <i>в праздности</i> <i>в самоволке</i> <i>в отставке</i> <i>на отдыхе</i> <i>на расслабоне</i>
	Материальное состояние	<i>в бедности</i> <i>в довольстве</i> <i>в достатке</i> <i>в крайности</i> <i>в нищете</i> <i>в нужде</i> <i>в роскоши</i> <i>в сытости</i> <i>при деньгах</i>

	Другие социальные состояния	<i>в беде</i> <i>в безопасности</i> <i>вне опасности</i> <i>во вдовстве</i> <i>на свободе</i>
Разнообразные новейшие состояния (включены словоформы с потенциальной способностью переходить в категорию состояния, например в ажуре)	<i>без понятия</i> <i>в адеквате / не в адеквате</i> <i>в ажуре</i> <i>в беспорядке</i> <i>в игноре</i> <i>в клетке / в клеточке</i> <i>в минусе</i> <i>в моде</i> <i>в моменте</i> <i>в норме</i> <i>в онлайн</i> <i>в офлайн</i> <i>в плюсе</i> <i>в порядке</i> <i>в потоке</i> <i>в ресурсе</i> <i>в теме</i> <i>в топе</i> <i>в тренде</i> <i>в форме</i> <i>в шоколаде</i> <i>на волне</i> <i>на движении</i>	

	<p><i>на позитиве</i></p> <p><i>на пределе</i></p> <p><i>на протесте</i></p> <p><i>на стиле</i></p>
--	---